

ВЕСТНИК

**МОСКОВСКОГО ГОРОДСКОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА**

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**СЕРИЯ
«ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»**

№ 2 (4)

**Издается с 2008 года
Выходит 2 раза в год**

**Москва
2009**

VESTNIK

**MOSCOW CITY
PEDAGOGICAL UNIVERSITY**

SCIENTIFIC JOURNAL

LEGAL SCIENCES

№ 2 (4)

**Published since 2008
Appears Twice a Year**

**Moscow
2009**

Редакционный совет:

<i>Рябов В.В.</i> Председатель	доктор исторических наук, профессор, ректор МГПУ
<i>Атанасян С.Л.</i>	кандидат физико-математических наук, профессор, проректор по учебной работе МГПУ
<i>Геворкян Е.Н.</i>	доктор экономических наук, профессор, проректор по научной работе МГПУ
<i>Русецкая М.Н.</i>	кандидат педагогических наук, доцент, проректор по инновационной деятельности МГПУ

Редакционная коллегия:

<i>Северухин В.А.</i> Главный редактор	кандидат юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, заслуженный юрист РСФСР
<i>Ершова Е.А.</i>	доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданско-правовых дисциплин юридического факультета МГПУ
<i>Ростиславлев Д.А.</i>	кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ, декан юридического факультета
<i>Ростокинский А.В.</i>	кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин юридического факультета МГПУ
<i>Степанова Л.М.</i>	ответственный секретарь

Адрес Научно-информационного издательского центра ГОУ ВПО МГПУ:
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4.
Телефон: 8-499-181-50-36.
e-mail: Vestnik@mgpu.ru

ISSN 2074-7829

© ГОУ ВПО МГПУ, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Права человека: теория и практика реализации

- Павленко Е.М.* Содержание и особенности реализации права человека знать свои права в РФ 11
- Ростиславлев Д.А.* Права человека и интересы общества в курсе «История государства и права зарубежных стран» 19
- Ленковская Р.Р.* Особенности исполнения судебных постановлений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации 25

Государство и право: теоретические и исторические аспекты

- Львов А.В.* «Семь мудрецов»: у истоков древнегреческого гражданского идеала 31
- Яровая М.В.* Особенности романской судебной системы (на примере Франции) 45
- Мележик И.Н.* Федерализм и федерация: историко-теоретический аспект 55

Публичное право

- Калязин В.И.* Проблемы российского федерализма 59
- Матвиенко Г.В.* К вопросу о подведомственности рассмотрения дел о нарушениях таможенных правил 64
- Косевич Н.Р.* Становление и развитие уголовной политики в дореволюционной России 70
- Ростокинский А.В.* О признаках социальной группы и проблемах установления мотивов вражды и ненависти 78
- Фёклин С.И.* Уголовно-правовая политика России в сфере легального оборота подконтрольных предметов 84

Частное право

- Гетьман-Павлова И.В.* Наука международного частного права:
Бартоломео Салицет и Александр Тартаньи 90
- Ефимова О.В., Цилюрик И.Л.* Права физических лиц в процессе
создания садоводческих некоммерческих организаций: правовые
пробелы и практика применения 98
- Рязанов Е.Е.* Договор как правовой инструмент реализации
прав граждан 103

Трибуна молодых ученых

- Андрянова Н.Н.* Понятие инородцев и их классификация
в дореволюционной юридической литературе и законодательстве
Российской империи XIX века 107
- Афанасьева С.А.* Становление и развитие института политических
прав и свобод в России 115

Научная жизнь

- Бурьянов С.А., Ростиславлев Д.А.* Материалы международной
конференции «Право и права человека: теоретические аспекты
и юридическая практика» 121

Критика. Рецензии. Библиография

- Павленко Е.М.* Рецензия на книгу Ф.М. Рудинского «Наука прав
человека и проблемы конституционного права» 129

Аннотации и ключевые слова 133**Авторы «Вестника МГПУ» серии «Юридические науки»,
2009, № 2 (4) 143**

CONTENTS

Human Rights: Theory and Practice of Realisation

<i>Pavlenko E. M.</i> Content and Peculiarities of Realization of a Person's Right to Know Their Own Rights.....	11
<i>Rostislavlev D. A.</i> Human Rights and Social Interests in «History of State and Law of Foreign Countries» Studying Course	19
<i>Lenkovskaya R. R.</i> Peculiarities of Execution of Judicial Decisions on Cases about the Defence of One's Honour, Dignity and Business Reputation.....	25

State and Law: Theoretical and Historical Aspects

<i>Lvov A. V.</i> «Seven Sages»: at the Origins of Ancient Greek Civil Ideal.....	31
<i>Yarovaya M. V.</i> Peculiarities of Romance Legal Systema (Exemplified by France).....	45
<i>Melezhik I. N.</i> Federalism and Federation: Historico-Theoretical Aspect.....	55

Public Law

<i>Kalyazin V. I.</i> Problems of Russian Federalism.....	59
<i>Matvienko G. V.</i> To the Question of Jurisdiction of Dealing with Cases of the Customs Regulations Violations.....	64
<i>Kosevich N. R.</i> Formation and Development of Criminal Policy in Prerevolutionary Russia.....	70
<i>Rostokinskiy A. V.</i> About the Signs of a Social Group and Problems of Enmity and Hatred Motives Defining	78
<i>Feklin S. I.</i> Criminal-Legal Policy of Russia in the Sphere of Legal Turnover of Objects under Control.....	84

Private Law

- Get'man-Pavlova I. V.* The Science of International Private Law:
Bartolomeo Salicet and Alessandro Tartagni..... 90
- Efimova O. V., Cilyurik I. L.* The Rights of Individuals while
Forming Horticultural Non-Commercial Organizations: Gaps
in Law and Application Practice..... 98
- Ryazanov E. E.* Contract as Legal Means of Citizens' Rights
Realization..... 103

Young Scientists' Platform

- Andreyanova N. N.* The Notion «Minorities» and Their Classification
in Prerevolutionary Law Literature and in the Legislation of the Russian
Empire in XIX Century 107
- Afanas'yeva S. A.* Emergence and Development of Political Rights
and Freedoms Institution in Russia 115

Scientific Life

- Buryanov S. A., Rostislavlev D. A.* Matters of the Conference
«Law and Human Rights: Theoretical Aspects and Legal Practice»..... 121

Critical Survey. Reviews. Bibliography

- Pavlenko E. M.* Book review: Rudinskiy F. M. "The Science of Human
Rights and the Issues of Constitutional Law" 129

Annotations and Key-words..... 133

MGPU Vestnik authors, series "Legal Sciences". 2009, № 2 (4)..... 143

**Посвящается
заслуженному юристу РСФСР, профессору
Северухину Владимиру Александровичу
в честь 70-летия**

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ СЕВЕРУХИН
(краткий биографический очерк)

В.А. Северухин родился 30 августа 1939 г. в городе Чугуеве Харьковской области. В 1963 г. окончил юридический факультет Пермского государственного университета. Ученая степень кандидата юридических наук присуждена диссертационным советом Харьковского юридического института и утверждена ВАК в 1971 году.

В 1962 году В.А. Северухин начал свою деятельность как практикующий юрист. С этого времени и по 1966 год работал в прокуратуре и иных правоохранительных органах, является членом коллегии адвокатов.

В 1966 г. Владимир Александрович переходит на преподавательскую работу в высшую школу. В 1984 г. ему было присвоено ученое звание доцента, а в 2001 г. — профессора. В 1976–1995 гг. В.А. Северухин преподавал в Московском государственном педагогическом университете им. Ленина. Благодаря его усилиям на историческом факультете МГПИ появилась дополнительная специализация: преподаватель государства и права. На социологическом факультете он руководил кафедрой права, которая готовила студентов по специальности юриспруденция.

В 1996 г. В.А. Северухин во главе коллектива коллег-единомышленников основал юридический факультет Московского городского педагогического университета, стал деканом факультета, возглавил кафедру теории и истории государства и права. Во многом благодаря творческой энергии профессора Северухина факультет превратился в крупный центр подготовки юристов, пользующийся заслуженной популярностью в Москве и в других регионах РФ. Сформировано 5 кафедр, обучение осуществляется по очной, вечерней и заочной формам. Открыто второе высшее образование. Действуют полные и сокращенные формы обучения. На всех кафедрах открыта аспирантура. Выпускники факультета получают государственный диплом о высшем юридическом образовании и квалификацию юриста. Они работают в судах, в органах прокуратуры, в МВД, ФСБ, Федеральной налоговой службе, в адвокатуре, в банках, в высших учебных заведениях, в коммерческих организациях и в других учреждениях. В 2009 г. на кафедре «Теории и истории государства и права», которую возглавляет профессор В.А. Северухин, проведен набор в магистратуру.

С момента создания факультета декан В.А. Северухин уделял пристальное внимание качеству преподавания. Занятия на факультете проводят известные юристы России, среди них 10 профессоров, 3 заслуженных юриста РФ. Преподаватели активно привлекаются государственными и общественными структурами к законотворческой деятельности. Профессор В.А. Северухин поощряет участие преподавателей в законопроектах, касающихся сфер образования, защиты прав детей. Сам он возглавлял творческие коллективы, занимавшиеся реализацией

проектов в рамках программ «Столичное образование». На факультете действует проект «Основы права будущим учителям» и экспериментальная программа «Школа – колледж – вуз». Факультет сотрудничает с рядом российских и международных организаций в сфере образовательного права и прав человека. Приоритетным направлением научных исследований факультета является тема «Право и права человека», в рамках которой ежегодно издавались сборники научных трудов (с 2008 г. Вестник МГПУ серия «Юридические науки»), проводятся Дни науки, включающие научные конференции, заседания «круглых столов», обсуждение докладов преподавателей, аспирантов и студентов.

Во многом благодаря влиянию личности В.А. Северухина в коллективе юридического факультета сформировалась атмосфера взаимного доверия, доброжелательности и ответственности.

Административную работу профессор В.А. Северухин сочетает с активной преподавательской, научной и общественной деятельностью. Он читает лекционные курсы по дисциплинам: «Теория государства и права», «Проблемы теории государства и права». Под научным руководством В.А. Северухина было защищено несколько кандидатских диссертаций, в настоящее время он осуществляет руководство двумя аспирантами и соискателем.

Профессор В.А. Северухин — автор 89 публикаций, из них 36 учебно-методических и 53 научных работ, используемых в педагогической практике. Среди них монография «Право человека на собственность: национальные и международные аспекты» (2002 г.). Ряд исследований посвящен проблематике образовательного права, а также современным проблемам государственного права. Владимир Александрович Северухин является соавтором проектов законов в области образования в Российской Федерации, входит в состав Ученого Совета МГПУ, Ученого Совета Юридического факультета, в правление ассоциации «Лига сторонников развития образовательного права», в координационный Совет международного правительственного объединения «Союз юристов», является экспертом Совета Европы в области образовательного права, участником российских и международных научно-практических конференций, сессий и семинаров.

Имеет правительственные награды, почетное звание «Заслуженный юрист РСФСР», почетный работник высшего профессионального образования.

Коллектив юридического факультета МГПУ поздравляет многоуважаемого Владимира Александровича Северухина с 70-летием и желает ему крепкого здоровья, творческих успехов, профессионального долголетия

Коллектив преподавателей
и сотрудников факультета

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ

Е.М. Павленко

Содержание и особенности реализации права человека знать свои права в РФ

Права человека в XXI веке стали общепризнанной нормой человеческой жизни для всего цивилизованного мира. Конституция Российской Федерации 1993 г. провозгласила права и свободы человека высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина — обязанностью государства (ст. 2). Однако декларирование отдельных прав и свобод человека в Конституции РФ часто носит формальный характер, а ситуация с их соблюдением в нашей стране далека от желаемой. Одна из причин такого состояния — слабая информированность общества в данной сфере, отсутствие элементарных знаний и, как следствие, — низкий уровень культуры прав человека в современной России. Между тем, формирование культуры прав человека у населения страны, создание необходимых условий для реализации людьми права знать свои права должно стать одним из приоритетных направлений деятельности российского государства.

Право знать свои права занимает особое место в комплексе прав и свобод человека и заслуживает более пристального внимания исследователей. Это право возникло сравнительно недавно, в XX веке, поэтому по времени появления его можно отнести к правам третьего поколения. Впервые оно было закреплено в рамках Хельсинкского процесса в Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (1975 г.). Государства-участники, декларируя принципы взаимных отношений, отметили, что «подтверждают право лиц знать свои права и обязанности в этой области и поступать в соответствии с ними» (принцип 7). В законодательстве Российской Федерации оно не нашло своего непосредственного закрепления. Среди всех конституций государств Европы в прямой форме данное право встречается лишь в современной Конституции Украины, статья 57 которой гласит: «Каждому гарантируется право знать свои права и обязанности. Законы и иные нормативно-правовые акты, определяющие права и обязанности граждан, должны быть доведены до сведения населения в порядке, установленном законом...».

Право знать свои права не было предметом исследования в науке, в юридической литературе до сих пор нет дефиниции данного права. Поэтому определение его содержания, выделение основных структурных элементов, классификация представляют научный интерес.

Необходимо рассмотреть понятие и содержание права знать свои права с точки зрения теории субъективного права, которая детально была разработана еще отечественными учеными Н.Г. Александровым, Н.С. Братусем, Н.В. Витруком, Н.И. Матузовым, М.С. Строговичем и др. в 40–80-х гг. XX века.

Субъективное право — это вид и мера возможного поведения управомоченного лица. Это всегда право на что-то, на какой-то объект, представляющий определенную ценность в материальном, моральном, политическом или ином отношении. М.С. Строгович рассматривал субъективное право лица как: возможность пользоваться определенным социальным благом; полномочия совершать действия и требовать соответствующих действий со стороны других лиц; свободу поведения, поступков в границах, установленных нормой права [8: с. 168]. Данная точка зрения нашла поддержку в юридической литературе. Пользование социальными благами является той целью, которая оправдывает существование самой категории субъективных прав, наполняет эту категорию реальным общественным содержанием [2: с. 137].

Социальные блага — это материальные, духовные и иные ценности, обладание которыми связано с удовлетворением потребностей людей, развитием их способностей. При этом, как отмечает Н.И. Матузов, «пользование социальным благом надо понимать в широком смысле. Оно может состоять не просто в обладании теми или иными предметами (ценностями), но, прежде всего, в самой свободе поведения, в свободе совершения (в рамках закона) определенных действий и поступков, что само по себе уже есть благо (нематериальное)» [4: с. 42]. Каждое субъективное право состоит из конкретных элементов-правомочий. В общей схеме субъективного права, предложенной Н.И. Матузовым, четыре таких правомочия: право-поведение (т.е. возможность определенного поведения управомоченного), право-требование (т.е. возможность требования определенного поведения от обязанного лица), право-пользование (т.е. возможность пользоваться определенным социальным благом), право-притязание (т.е. возможность защитить свои права). Единство всех правомочий определяет содержание и структуру субъективного права [5: с. 100], при этом у разных прав правомочий может быть больше или меньше.

Право знать свои права представляет собой возможность индивида пользоваться плодами просвещения в области прав человека. Таким образом, в качестве содержательной стороны права — социального блага — в данном случае выступают: знания о правах человека, ценностные ориентации и взгляды, умения и навыки по защите прав и свобод, то есть в общей совокупности определенный уровень культуры прав человека.

Термин «знать свои права» имеет глубокое содержание и означает не только обладание информацией в области прав и свобод человека (представление

о понятии и сущности категории «права человека», ее генезисе, об историко-философских взглядах и подходах, о структуре и классификации, о механизмах реализации и защиты прав и свобод), но и формирование у человека соответствующих мировоззренческих установок и отношения к процессам общественного развития, в том числе правовым реалиям, а также наличие практической составляющей: опыта, умений и навыков по защите и восстановлению нарушенных прав и свобод.

Право знать свои права представляет собой разновидность субъективных прав, которая относится к правам человека, и поэтому ему свойственны все признаки прав человека (принадлежность от рождения, неотчуждаемый характер и т.п.). Однако как субъективное право, право знать свои права имеет особую внутреннюю структуру.

Конструкция права знать свои права с точки зрения схемы субъективного права выглядит следующим образом: *право-поведение* — возможность индивида самостоятельно или совместно с другими изучать, рассматривать, обсуждать вопросы соблюдения прав и свобод человека, свободно получать и распространять информацию по данной тематике; *право-требование* — возможность индивида требовать от государства создания соответствующих политических, экономических и социально-культурных условий для реализации данного права, проведения просветительских кампаний, а также предоставления информации о правах и свободах; *право-пользование* — возможность индивида пользоваться приобретенными знаниями, умениями и навыками, т.е. в данном случае благо — знание как достояние личности; *право-притязание* — возможность индивида совершать определенные действия по защите данного права на национальном, региональном и международном уровнях. В структуре данного субъективного права важнейший элемент — право-пользование, так как именно он отражает стремление человека к достижению основной цели — формированию высокого уровня культуры прав человека. При этом данное социальное благо отличается повышенной ценностью и особой значимостью в современном мире.

Право знать свои права можно соотнести с двумя основополагающими правами человека: с правом на информацию и правом на образование. Оно находится на стыке данных конституционных прав и очень тесно соприкасается с ними. Широкая реальность обеспечения прав человека на получение и распространение информации и доступа к образованию ведет к обеспечению каждому человеку права знать свои права. Однако между данными категориями необходимо провести некий водораздел.

По мнению автора настоящей статьи, ошибочно отождествлять данное право с правом на информацию. Действительно, в ряде международных документов содержатся положения о том, что каждый человек имеет право искать, получать и распространять информацию и идеи, что, несомненно, включает в себя и информацию (знания) о правах и свободах человека, о достоинстве, запрете дискриминации и т.п. Это дало основание некоторым авторам рассма-

тривать право знать свои права прежде всего как право на обладание информацией [1: с. 26].

Конституция РФ от 12 декабря 1993 года закрепляет право каждого человека «свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом» (п. 4 ст. 29). После официального признания Конституцией РФ права граждан на информацию российское законодательство еще больше стало соответствовать международным нормам, где это право признается и личным, и политическим одновременно.

Безусловно, приобретение знаний невозможно без реализации права на информацию — одного из основополагающих прав человека и гражданина в современном мире. Реализация этого фундаментального права способствует проведению широких общественных дискуссий по самым актуальным темам, которые лишают неконструктивные радикальные идеи их разрушающей силы. До недавнего времени в нашей стране общество не имело такой возможности: граждане не получали информацию, достаточную для выработки собственного мнения по животрепещущим проблемам и поэтому не могли участвовать в широких обсуждениях, даже если бы и предоставлялась такая возможность. Государство же поддерживало в основном сферу информационного сектора, который способствовал укреплению лишь господствующей идеологии [3: с. 204]. То есть свобода слова, свобода самовыражения, право на информацию и право на приобретение знаний в области прав человека взаимосвязаны и взаимообусловлены.

Однако право знать свои права требует более широкой трактовки. Общепотребительность терминов «информация» и «знание», их кажущаяся синонимичность в нормах права вносят своеобразную путаницу, а определения этих терминов отличаются друг от друга в различных справочниках и словарях, в том числе и прошедших серьезное научное рецензирование. Информация (от лат. *informatio* — разъяснение, изложение) — новые сведения, которые могут быть использованы человеком для совершенствования его деятельности и пополнения знаний, а также сам процесс передачи или получения этих сведений. Знание — проверенный практикой результат познания действительности, верное ее отражение в сознании человека. Знания приобретаются именно на основе сравнения полученной информации о правах и свободах человека с практическим опытом познания и осмысления. Это возможно только в процессе обучения и воспитания. Поэтому в данном случае необходимо рассматривать право знать свои права как право на образование в области прав человека, которое было подтверждено в ряде международных и региональных документов о правах человека.

Необходимо отметить, что нельзя полностью отождествлять право знать свои права с правом на образование вообще. Речь идет именно об образовании в области прав человека. Вопрос о соотношении права знать свои права и права на образование требует отдельного исследования. Право на образование шире, чем право знать свои права, и имеет другие цели (приобретение

профессии, например). В то же время право знать свои права не всегда может соприкасаться с правом на образование, так, например, это право может быть реализовано не только человеком, получающим образование. Несомненно, приобретение знаний в области прав человека является частью более широкой концепции образования и в этих рамках внедрение образования в области прав человека является ключевым элементом качественного образования.

Безусловно, обладание плодами просвещения в области прав человека дает индивиду большую свободу действий. Бывший Верховный комиссар ООН по правам человека Мэри Робинсон в одном из своих докладов, говоря о различных способах обеспечения соблюдения прав человека, важнейшую роль отвела такому инструменту, как образование: «Единственная возможность добиться всеобщей и эффективной защиты прав человека — постоянные, основанные на знании, требования самих людей. Образование наделяет их силой и позволяет добиваться своих прав: только зная свои права и сознательно отстаивая их, мы можем добиться их исполнения» [7: с. 9].

Таким образом, образование в области прав человека — жизненно необходимое условие предотвращения нарушений прав человека и важнейший вклад в формирование справедливого общества, в котором будут ценить и уважать права каждого. Поэтому крайне важно, чтобы государство создало соответствующие политические, экономические и социально-культурные условия для реализации права знать свои права, чтобы возложило на себя обязанность по информированию и просвещению населения о правах и свободах человека.

Возвращаясь к содержанию и элементам права знать свои права, необходимо отметить, что можно выделить два основных уровня в структуре данного права:

- 1) право вообще знать о правах и свободах человека;
- 2) право знать свой индивидуально-правовой статус.

Современная Конституция России предоставляет отчасти индивиду право знать о состоянии своих прав, обязывает органы государственной власти, органы местного самоуправления и их должностных лиц «обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено законом» (п. 2 ст. 24). При этом Уголовный Кодекс РФ в ст. 140 устанавливает ответственность за неправомерный отказ должностного лица в предоставлении документов и материалов, непосредственно затрагивающих права и свободы гражданина, либо за предоставление неполной или заведомо ложной информации, если эти деяния причинили вред правам и законным интересам граждан. Законодательство Российской Федерации гарантирует также право ознакомления субъектов уголовного и гражданского процесса со своими процессуальными правами. Так, например, ч. 1 ст. 11 УПК РФ содержит положение о том, что «суд, прокурор, следователь, дознаватель обязаны разъяснять подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему, гражданскому истцу, гражданскому ответчику, а также другим участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность и обеспечивать возможность осуществления

этих прав». Разъяснение и обеспечение прав лицам, участвующим в деле, является гарантией всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств дела, так как позволяет создать условия для осознанной и активной деятельности граждан в процессе.

Итак, право знать свои права включает и знание субъектом тех или иных, принадлежащих ему, прав и свобод, в том числе процессуальных, и знание о состоянии собственных прав, т.е. собственного индивидуально-правового статуса, но не только.

Как уже было сказано, высокий уровень культуры прав человека — одна из существенных гарантий, обеспечивающих их реальность. А право знать свои права — это не только самостоятельное право человека, но и необходимое средство реализации других прав и свобод. С одной стороны, человек, воспитанный в духе уважения к правам и основным свободам, как к общепризнанным общечеловеческим демократическим ценностям, всесторонне развитый и осознающий чувство собственного достоинства, толерантный к другим культурам и религиям, нетерпимый к любому проявлению насилия и неравенства, вряд ли будет сам нарушать права других людей. С другой стороны, только просвещенный человек может осуществить свои права, а также защитить и восстановить нарушенные права и свободы других лиц. Обладая достаточным уровнем знаний и навыками, человек может задействовать весь потенциал механизмов защиты своих прав.

Общеизвестно, что одним из дискуссионных вопросов в современной российской и зарубежной юридической науке является классификация тех или иных прав и свобод человека, хотя, конечно, любая классификация носит условный характер. Так, например, существуют различные точки зрения, относящие право на образование как к социальным, так и к культурным правам. Представляет интерес также мнение, согласно которому право на образование рассматривается как личное право человека [6: с. 25]. Автор настоящей статьи считает целесообразным отнести право на образование вообще и право на образование в области прав человека (право знать свои права) к группе культурных прав и свобод. Именно культурные права гарантируют полное духовное развитие человеческой личности и ее достоинства, помогают каждому индивиду стать полезным участником духовного, политического, социального и культурного прогресса, способствуют укреплению взаимопонимания, терпимости и дружбы между людьми.

Итак, право знать свои права — это *закрепленная в международно-правовых актах и гарантированная государством возможность лица приобретать знания, ценностные ориентации и взгляды, практические навыки и умения путем изучения, рассмотрения, обсуждения вопросов теории и практики прав и свобод человека, получения и распространения информации по данной тематике, требования от государства и международных организаций создания соответствующих условий для реализации этого права, а также обращения за его защитой.*

Право знать свои права как субъективное право имеет специфическое содержание, своеобразную структуру, должно обеспечиваться особой системой

гарантий, среди которых материальные и духовные, финансово-экономические и политические, юридические, общественные и иные гарантии. Содержательной стороной права знать свои права является определенный уровень культуры прав человека, по сути, оно — важнейшее из субъективных прав, выступающих одновременно в качестве гарантии других прав и свобод, в первую очередь права на защиту прав человека.

Проблемы реализации права человека знать свои права в современной России связаны с необходимостью становления и развития системы гражданского образования и поощрения всех направлений в сфере образования в области прав человека, и, следовательно, с политической волей государства. Следует признать, что в РФ за последнее десятилетие накоплен значительный опыт в работе органов государственной власти и институтов гражданского общества по формированию культуры прав человека. Однако повсеместное осуществление права знать свои права все еще требует детального закрепления механизма реализации и государственных гарантий.

Литература

1. *Азаров А. Я.* Права человека: проблема знания и проблема ценностей / А.Я. Азаров // *Международные отношения в развитии социально-экономических процессов в странах СНГ: Материалы международной научно-практической конференции (14–15 июня 2001 г.)*. – Омск: ОмГПУ, 2001. – 292 с.
2. *Гулиев В. Е.* Социалистическая демократия и личные права / В.Е. Гулиев, Ф.М. Рудинский. – М.: Юридическая литература, 1984. – 192 с.
3. *Каландаров К. Х.* Информационная безопасность и права человека / К.Х. Каландаров. – М.: Институт прав человека, 2002. – 207 с.
4. *Матузов Н. И.* Субъективные права граждан СССР / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1966. – 422 с.
5. *Матузов Н. И.* Личность. Права. Демократия. Теоретические проблемы субъективного права / Н.И. Матузов. – Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1972. – 292 с.
6. *Новицкий М.* Что такое права человека? / М. Новицкий // *Права человека: Материалы для чтения* / Сост.: Н. Утешева. – Бишкек: Права человека, 2004. – 120 с.
7. *Робинсон М.* Образование в области прав человека — наше общее дело / М. Робинсон // *Российский вестник «Международной Амнистии»*. – 2001. – № 21. – С. 9–11.
8. *Строгович М. С.* Основные вопросы советской социалистической законности / М.С. Строгович. – М.: Наука, 1966. – 190 с.

References

1. *Azarov A. Y.* Prava cheloveka: problema znaniya i problema cennostey / A.Y. Azarov // *Mezhdunarodnyie otnosheniya v razvitiit social'no-ekonomicheskikh processov v stranah SNG: Materialyi mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferencii «Prava*

- cheloveka: teoria, istoria i praktika» (14–15 iyunya 2001 g.). – Omsk: OmGPU, 2001. – 292 s.
2. *Guliev V. E.* Socialisticheskaya demokratiya i lichnyie prava / V.E. Guliev, F.M. Rudinskiy. – M.: Yuridicheskaya literatura, 1984. – 192 s.
 3. *Kalandarov K. H.* Informacionnaya bezopasnost i prava cheloveka / K.H. Kalandarov. – M.: Institut prav cheloveka, 2002. – 207 s.
 4. *Matuzov N. I.* Subektivnyie prava grazhdan SSSR / N.I. Matuzov. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1966. – 422 s.
 5. *Matuzov N. I.* Lichnost. Prava. Demokratiya. Teoreticheskie problemyi subektivnogo prava / N.I. Matuzov. – Saratov: Izd-vo Saratovskogo universiteta, 1972. – 292 s.
 6. *Novickiy M.* Chto takoe prava cheloveka? / M. Novickiy // Prava cheloveka: Materialyi dlya chteniya / Sost.: N. Utesheva. – Bishkek: Prava cheloveka, 2004. – 120 s.
 7. *Robinson M.* Obrazovanie v oblasti prav cheloveka — nashe obshee delo / M. Robinson // Rossiyskiy vestnik «Mezhdunarodnoy Amnistii». – 2001. – № 21. – S. 9–11.
 8. *Strogovich M. S.* Osnovnyie voprosyi sovetskoy socialisticheskoy zakonnosti / M.S. Strogovich. – M.: Nauka, 1966. – 190 s.

Д.А. Ростиславлев

Права человека и интересы общества в курсе «История государства и права зарубежных стран»¹

История государства и права зарубежных стран (далее ИГПЗС) является предметом чрезвычайно объемного теоретического цикла, поскольку включает изучение государственно-правовых институтов с древнейших времен до наших дней в разных цивилизациях. При преподавании курса особенно важен методологический выбор как с точки зрения объема материала, так и его трактовки. В свою очередь, разработка такого курса, основываясь на результатах междисциплинарных исследований в соответствии с методологией школы «Анналов»² [3: с. 63–65; 6], позволяет «увидеть» события в рамках длительных исторических циклов.

Во вводной лекции к курсу ИГПЗС подчеркивается социальная обусловленность формирования правовых институтов. В полной мере это относится к процессу формирования доктрины прав человека.

Названная доктрина сформировалась в западноевропейском обществе и США в новое время. Однако изучение правовых систем древности и средних веков позволяет утверждать, что статус лиц в эти эпохи был жестко обусловлен совокупностью социальных факторов. К их числу относятся принадлежность к господствующему сословию, корпорации, культу. История римского права дает возможность проследить эволюцию факторов, влиявших на правоспособность. Если в полисный период особое значение имел статус гражданина, то в период империи римское гражданство было распространено на многие народы и перестало быть главным критерием правоспособности. Зато большую роль стали играть факторы принадлежности к сословию, императорской службе, принадлежности к церкви [15: с. 278–303].

Примером средневековых представлений о правах служит содержание Великой хартии вольностей 1215 г. Права английского народа в ней понимаются как совокупность исторически сформировавшихся прав корпораций: церкви, баронов, рыцарей, торговцев, горожан, крестьян [14: с. 30–55]. Дж. Берман ана-

¹ В основу статьи положено содержание научного доклада на межвузовской конференции «Права и свободы человека и гражданина: теоретические аспекты и юридическая практика» (16 апреля 2009 г., Москва, МГПУ, юридический факультет).

² *Могильницкий Б. Г.* Междисциплинарный синтез: уроки школы «Анналов». — <http://klio.tsu.ru/annals.htm> (дата обращения: 24.06.2009 г.).

лизировал цивилизационные особенности западного права в средние века [2]. Он указывал на правовой характер этого общества. При слабой бюрократизации управления в средневековой Западной Европе необычно значимой была роль судебной власти. Корпоративное право обладало качествами **всеобщности и взаимности**. Крестьяне обладали правом сопротивления, если их права нарушались. Рыцари обладали правом одностороннего расторжения феодального договора при нарушении их прав сеньором. В этом одностороннем праве «отзыва верности», как и в праве вызова сеньора на дуэль, исследователи видят начало идеи защиты человеческого достоинства в Европе. Средневековый суд — это суд равных, суд членов корпорации, фактически — присяжных. Таким образом, **гражданское общество имело длительную традицию в цивилизации Запада** и продолжало развиваться в нем в новое время.

Индивидуалистическая идеология прав человека, возникнув в эпоху Возрождения, утверждается в цивилизации Запада в XVIII–XIX вв. Это связано в частности с разрушением корпоративного общества и созданием гражданской нации. Во время французской революции XVIII в. и в либеральных доктринах XIX в. наметилась перспектива слияния наций в единое человечество и защита прав абстрактной личности¹ [25]. Идея неотчуждаемых прав абстрактной личности вступила в конфликт с традиционной доктриной исторической обусловленности прав. Изучение курса ИГПЗС помогает понять, что в различных странах был сделан не одинаковый выбор между историческими и рационалистическими, философскими правами.

Так, в Англии сохранилась правовая преемственность. Права человека в новое время понимались в средневековом смысле: как права англичан, закрепленные в Великой хартии вольностей 1215 г. и в последующих актах. Вследствие замены корпоративного общества национальным права англичан защищал парламент. Особую роль продолжали играть процессуальные формы защиты личности на досудебной и судебной стадии. Традиция понимания **прав как средневековых вольностей** сохраняется в большем акценте на свободах, а не на социальных правах. Англия стала образцом либерализма, но не социальной демократии. Права и свободы предоставлялись в полной мере тем, кто готов и достаточно ответственен, чтобы их реализовывать. Причем «свободы» понимались как историческая и национальная категория. В курсе ИГПЗС прослеживается, например, длительная история реформ избирательного права в XIX–XX вв., когда расширение круга избирателей обуславливалось признанием их независимого положения и наличия у них ответственности за судьбы общества в виде уплаты дополнительных налогов в пользу бедных, возможности снимать квартиру для проживания. Так называемое правило «двойного вотума» для лиц, обладавших недвижимостью в другом графстве или окончивших университет, действовало до 1948 г. [4].

¹ Малинова О. Ю. Либерализм и концепт нации. — <http://www.politstudies.ru/N2004full-text/2003/2/8.htm> (дата обращения: 30.07.2009 г.).

Освобождение рабов в колониях осуществлялось постепенно согласно институту «ученичества» в соответствии с принципом, что переход от полной не-свободы к полной свободе возможен через этапы неполной свободы [1: с. 130].

В сфере частного права Англии выбор в пользу свободы проявляется, например, в том, что воля завещателя не ограничена правами обязательных наследников, как в континентальном праве [7: с. 246].

Правозащитная традиция США более сложная. Государственность в этой стране сформировалась в XVIII в., когда философская, естественноправовая концепция прав человека уже была общепризнанной. Т. Джефферсон признавался, что не выдумывал, а обобщал плоды философских трудов, когда писал Декларацию независимости, в которой были закреплены неотчуждаемые права человека: жизнь, свобода, стремление к счастью, где заявлялось, что все люди сотворены равными в правах [16: с. 420–437; 22: с. 70–79]. Принципы индивидуализма в США не привели к разрушительным последствиям для общества, основанного благодаря инициативе иммигрантов, поскольку имманентно были присущи этому обществу. Кстати, знаменитый германский правовед Г. Еллинек доказывал, что французская Декларация прав человека и гражданина 1789 г. многие положения, основанные на принципах индивидуализма, заимствовала из Биллей о правах и Деклараций прав отдельных штатов [8]. Американский историк Д. Бурстин характеризовал процесс формирования этого общества как череду удачных и неудачных экспериментов, которые осуществляли поселенцы на территории, очищенной от индейцев [5]. Подобно Западной Европе, в США гражданское общество сформировалось на основе общинной самоорганизации. В. Остром указывал на особенности американского федерализма, при котором государство «выстраивается» «снизу – вверх»: община передает часть полномочий округу (графству), округ — колонии (штату), а последний — федерации [13]. А. Токвиль отмечал, что в США свобода, в отличие от Франции, не вступает в конфликт с принципами равенства [18: с. 27–36]. США стали естественным лидером в эпоху либеральной демократии.

При конкуренции естественных, исторических прав и практических интересов выбор в США обычно делался не в пользу естественных прав. Достаточно заметить, что свобода как естественное право, заявленное в Декларации в 1776 г., была закреплена в конституционной поправке об отмене рабства только в 1865 г., а расовая сегрегация законодательно отменена еще через 100 лет. Еще более туманной кажется реализация права на жизнь в США. Это право закреплено в Декларации независимости, но не в Конституции. До конца XIX в. в США существовало так называемое «неправовое правосудие», а фактически право сильного и легально действовал Ку-клукс-клан. До сих пор не отменена смертная казнь в ряде штатов [19: с. 28–29, 176–179].

Умение подчинять естественные права национальным интересам и выдавать национальные интересы за общечеловеческие обеспечило поступательное развитие США и способствовало мировой гегемонии этого государства.

Принципиально иную модель развития представляла Франция со времени революции XVIII в. Революция была основана на идеях индивидуализма, врожденных прав абстрактной личности и представляла собой разрыв с государственно-правовой традицией страны, которая была названа Старым порядком. Новые формы государства и права создавались на основе философских сочинений и заимствований учреждений Англии и США. Вследствие преобладающей роли Франции в Европе в XVII–XVIII вв. идеи равенства и свободы, народного суверенитета, разделения властей, провозглашенные в этой стране, оказали большое воздействие на цивилизацию Запада и на развитие учений о правах человека. Но разрыв с национальной традицией оказался губительным для Франции, привел к длительным и безуспешным поискам новой правовой идентичности, обретенной только ближе к концу XX в. Провозглашение абстрактных прав привело к правовому вакууму, который во время революции был заполнен режимом диктатуры и террора как переходного революционного права [20, 23–24]. В результате революции и наполеоновских войн Франция в XIX в. утратила статус ведущего европейского государства, которым обладала в XVII–XVIII вв.

В частном праве надолго закрепилась патриархальная конструкция семьи, с отцовским авторитетом. Достаточно напомнить, что полного равенства в семье жена достигла только во второй половине XX в. [11: с. 73].

Социальное, историческое содержание доктрины прав человека в странах Запада в полной мере проявилось в XX в., когда индустриализация, урбанизация, усложнение экономики, усугубление экологических проблем заставили западные сообщества искать новый баланс между индивидуальными правами и свободами и интересами общества. На примере учреждений Нового курса Рузвельта мы изучаем процесс поиска этого баланса [с. 151–176, 213–283]. Установление тоталитарных режимов в ряде западных стран в межвоенный период рассматривается как следствие неудачи в достижении данного баланса [9].

Эволюция гражданского права в XX в. показывает, каким образом институт собственности, в эпоху Просвещения объявленный естественно-правовым, в новейшее время становится социальным институтом; как принцип свободы при определении условий договоров претерпевает существенные ограничения. Степень социализации права поучительна при сравнении многих институтов Французского гражданского кодекса 1804 г. и Германского гражданского уложения, вступившего в действие в 1900 г., в эпоху индустриального общества [12, 17, 21].

Таким образом, общечеловеческие права и свободы, «ценности западного общества» имеют цивилизационное и национально-историческое преломление.

Литература

1. *Айзенштадт М. П.* Британский парламент и общество в 30–40-х гг. XIX в. / М.П. Айзенштадт. – М.: Наука, 1997. – 235 с.

2. *Берман Г. Дж.* Западная традиция права: эпоха формирования / Г. Дж. Берман. – М.: Изд-во Московского университета, 1998. – 623 с.
3. *Бродель Ф.* Грамматика цивилизаций / Ф. Бродель. – М.: Весь мир, 2008. – 545 с.
4. *Бромхед П.* Эволюция британской Конституции / П. Бромхед. – М.: Юрид. литература, 1978. – 328 с.
5. *Бурстин Д.* Американцы: колониальный опыт / Д. Бурстин. – М.: Литера, 1993. – 480 с.
6. *Гуревич А. Я.* Исторический синтез и Школа «Анналов» / А. Я. Гуревич. – М.: Индрик, 1993. – 328 с.
7. *Дженкс Э.* Английское право / Э. Дженкс. – М.: Юрид. изд-во Минюста СССР, 1947. – 378 с.
8. *Еллинек Г.* Декларация прав человека и гражданина / Г. Еллинек. – 2-е изд. – М.: Типография Т-ва И. Д. Сытина, 1905. – 81 с.
9. *Желев Ж.* Фашизм / Ж. Желев. – М.: Прогресс, 1991. – 336 с.
10. *История США: В 4-х тт.* / Под общ. ред. Г. Н. Севастьянова. – Т. 3: 1918–1945. – М.: Наука, 1985. – 671 с.
11. *Максимов А. А.* Французский гражданский кодекс 1804 г. / А. А. Максимов. – Иваново: Ивановский государственный ун-т, 1994. – 136 с.
12. *Морандьер Ж.* Гражданский кодекс Франции / Ж. Морандьер. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1958. – 386 с.
13. *Остром В.* Смысл американского федерализма / В. Остром. – М.: Арена, 1993. – 319 с.
14. *Петрушевский Д. М.* Великая хартия вольностей и конституционная борьба в английском обществе во второй половине XIII века / Д. М. Петрушевский. – М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1918. – 176 с.
15. *Покровский И. А.* История римского права / И. А. Покровский. – СПб.: Летний сад, 1999. – 533 с.
16. *Паррингтон В. А.* Основные течения американской мысли: В 2-х тт. / В. А. Паррингтон. – Т. 1. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1962. – 525 с.
17. *Савельев В. А.* Гражданский кодекс Германии (история, система, институты) / В. А. Савельев. – 2-е изд. – М.: Юристъ, 1994. – 96 с.
18. *Токвиль А. де.* Демократия в Америке / А. де Токвиль. – М.: Прогресс, 1992. – 560 с.
19. *Фридмэн Л.* Введение в американское право / Л. Фридмэн. – М.: Прогресс, 1992. – 286 с.
20. *Фюре Ф.* Постигание французской революции / Ф. Фюре. – СПб.: Инапресс, 1998. – 219 с.
21. *Шапп Я.* Основы гражданского права Германии / Я. Шапп. – М.: БЕК, 1996. – 304 с.
22. *Шелдон Г.* Политическая философия Томаса Джефферсона / Г. Шелдон. – М.: Республика, 1996. – 255 с.
23. *Furet F.* Dictionnaire critique de la Revolution francaise / F. Furet, M. Ozouf. – Paris: Flammarion, 1988. – 1122 p.
24. *Furet F.* La Revolution francaise / F. Furet, D. Richet. – Paris: Hachette Pluriel Reference, 1999. – 544 p.
25. *Tamir Y.* Liberal Nationalism / Y. Tamir. – 2nd edition. Princeton NJ: Princeton University Press, 1995. – 206 p.

References

1. *Ayzenchtadt M. P.* Britanskiy parlament i obshestvo v 30–40 gg. XIX v. / M.P. Ayzenchtadt. – M.: Naouka, 1997. – 235 s.
2. *Berman G. J.* Zapadnaya tradiciya prava: epoha formirovaniya / G.J. Berman. – M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1998. – 623 s.
3. *Brodel F.* Grammatika teivilizacij / F. Brodel. – M.: Ves mir, 2008. – 545 s.
4. *Bromhed P.* Evolutcija britanskoj Konstitoutcii / P. Bromhed. – M.: Urid. Literatoura, 1978. – 328 s.
5. *Bourstin D.* Amerikantci: kolonialnij opit / D. Bourstin. – M.: Litera, 1993. – 480 s.
6. *Gourevitch A. J.* Istoritsheskij sintez i Shkola «Annalov» / A.J. Gourevitch. – M.: Indrik, 1993. – 328 s.
7. *Djenks E.* Anglijskoje pravo / E. Djenks. – M.: Yuriditcheskoje izdatelstvo Minjusta SSSR, 1947. – 378 s.
8. *Ellinek G.* Deklaracija prav tscheloveka i grajdanina / G. Jellinek. – 2-e izd. – M.: Tipografija T-va I.D. Sitina, 1905. – 81 s.
9. *Jelev J.* Fashism / J. Jelev. – M.: Progress, 1991. – 336 s.
10. Istorija SSHA: V 4-h tt. / Pod obtsh. red. G.N. Sevostianova. – T. 3: 1918–1945. – M.: Nauka, 1985. – 671 s.
11. *Maksimov A. A.* Franzouzskij grajdanskij kodeks 1804 g. / A.A. Maksimov. – Ivanovo: Ivanovskij gosoudarstvennij universitet, 1994. – 136 s.
12. *Morandier J.* Grajdanskij kodeks Frncii / J. Morandier. – M.: Izd-vo inostrannoj literatouri, 1958. – 386 s.
13. *Ostrom V.* Smisl amerikanskogo federalizma / V. Ostrom. – M.: Arena, 1993. – 319 s.
14. *Petroutshevskij D. M.* Velikaja shartija volnostej i konstitouzionnaja borba v anglijskom obshestve vo vtoroj polovine XIII veka / D.M. Petroutshevskij. – M.: Izd-vo M. i S. Sabashnikovih, 1918. – 176 s.
15. *Pokrovskij I. A.* Istorija rimskogo prava / I.A. Pokrovskij. – SPb.: Letnij sad, 1999. – 533 s.
16. *Parrington V. A.* Osnovnie techeniya amerikanskoj misli: V 2-h tt. / V.A. Parrington. – T. 1. – M.: Izd-vo inostrannoj literatouri, 1962. – 525 s.
17. *Saveliev V. A.* Grajdanskij kodeks Gemanii / V.A. Saveliev. – 2-e izd. – M.: Jurist, 1994. – 96 s.
18. *Tokvil A. de.* Demokratija v Amerike / A. de Tokvil. – M.: Progress, 1992. – 560 s.
19. *Fridmen L.* Vvedenije v amerikanskoje pravo / L. Fridmen. – M.: Progress, 1992. – 286 s.
20. *Fure F.* Postijenije franouzskoj revolucii / F. Fure. – M.: Inapress, 1998. – 219 s.
21. *Shapp J.* Osnovi grajdanskogo prava Germanii / J. Shapp. – M.: BEK, 1994. – 304 p.
22. *Sheldon G.* Polititsheskaja filosofija Tomasa Djeffersona / G. Sheldon. – M.: Respublika, 1996. – 255 s.
23. *Furet F.* Dictionnaire critique de la Revolution francaise / F. Furet, M. Ozouf. – Paris: Flammarion, 1988. – 1122 p.
24. *Furet F.* La Revolution francaise / F. Furet, D. Richet. – Paris: Hachette Pluriel Reference, 1999. – 544 p.
25. *Tamir Y.* Liberal Nationalism / Y. Tamir. – 2nd edition. Princeton NJ: Princeton University Press, 1995. – 206 p.

Р.Р. Ленковская

Особенности исполнения судебных постановлений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации

В Российской Федерации еще не отлажен механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц. Это проявляется как при вынесении судебных решений по данным вопросам, так и при их исполнении (это связано также и с отсутствием норм, регулирующих данные правоотношения, в законодательстве об исполнительном производстве). Очевидно, что с момента публикации порочащих сведений до их опровержения проходит определенный срок (порой достаточно долгий), в течение которого пострадавшая сторона терпит определенные неудобства и убытки (ущерб). Но даже с вынесением судебного решения в пользу опроверженной стороны другая сторона не спешит исполнять его.

В случае поступления исполнительного документа (исполнительного листа) и заявления взыскателя (либо его представителя) по делу о защите чести, достоинства и деловой репутации в службу судебных приставов исполнительное производство возбуждается в общем порядке: 1) заявление взыскателя (его представителя) и исполнительный лист передаются судебному приставу-исполнителю в трехдневный срок со дня их поступления в подразделение судебных приставов (п. 7 ст. 30 Закона РФ «Об исполнительном производстве»¹); 2) судебный пристав-исполнитель в трехдневный срок со дня поступления к нему исполнительного документа выносит постановление о возбуждении исполнительного производства либо об отказе в возбуждении исполнительного производства (п. 8 ст. 30 того же Закона).

Однако в постановлении о возбуждении пятидневный срок для добровольного исполнения требований исполнительного документа может быть предоставлен судебным приставом-исполнителем только в том случае, если срок конкретного опровержения сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию не был установлен судом (пп. 12, 13 ст. того же 30 Закона).

Если срок исполнения, установленный судом, не истек к моменту предъявления исполнительного документа в службу судебных приставов, то в своем

¹ Федеральный закон от 02 октября 2007г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»: [принят Гос. Думой 08 октября 2007г.: по состоянию на 30 декабря 2008г.] // последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». См.: URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20 мая 2009г.).

постановлении судебный пристав-исполнитель указывает на него и предупреждает должника о том, что с истечением данного срока для должника и должностных лиц (если должником является организация) наступают последствия неисполнения в добровольном порядке требований исполнительного документа.

В случае истечения установленного судом срока до предъявления исполнительного документа судебному приставу-исполнителю, при отсутствии уважительных причин неисполнения, в день, следующий за днем вынесения постановления о возбуждении, для должника могут наступить последствия, предусмотренные статьями 81, 82, 83 и 87 Закона (так как в большинстве случаев имеет место возмещение убытков и (или) компенсация морального вреда. Это право предоставлено п. 5 ст. 152 Гражданского кодекса РФ¹). Об уважительности причин неисполнения судебный пристав-исполнитель берет объяснения у должника по исполнительному производству.

При наличии уважительных причин неисполнения применение средств принудительного исполнения возможно после окончания действия указанных причин.

Статьей 152 Гражданского кодекса РФ предусмотрена судебная защита чести, достоинства и деловой репутации граждан и организаций (юридических лиц), посягательства на которые могут осуществляться распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию, путем опубликования их в печати, трансляции по радио, телепрограммам и с помощью других средств массовой информации, изложения в публичных выступлениях или сообщения в иной форме нескольким или хотя бы одному лицу.

Следовательно, взыскателями в данном исполнительном производстве могут быть как граждане (физические лица), так и организации (юридические лица), а должниками (это те же лица, что и ответчики в суде по данному делу) являются авторы не соответствующих действительности порочащих сведений, а также лица, распространившие эти сведения.

Если оспариваемые сведения были распространены в средствах массовой информации, то должниками являются автор и редакция соответствующего средства массовой информации. Если эти сведения были распространены в средстве массовой информации с указанием лица, являющегося их источником, то это лицо также является ответчиком. При опубликовании или ином распространении не соответствующих действительности порочащих сведений без обозначения имени автора (например, в редакционной статье) должником по исполнительному производству является редакция соответствующего средства массовой информации, то есть организация, физическое лицо или группа физических лиц, осуществляющие производ-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон: [принят Гос. Думой 30 ноября 1994 г.: по состоянию на 09 февраля 2009 г.] // последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

ство и выпуск данного средства массовой информации (ч. 9 ст. 2 Закона РФ «О средствах массовой информации»¹). В случае если редакция средства массовой информации не является юридическим лицом, к участию в судебном разбирательстве, а затем и к исполнительному производству в качестве ответчика (должника) может быть привлечен учредитель данного средства массовой информации.

В случае, когда сведения были распространены работником в связи с осуществлением профессиональной деятельности от имени организации, в которой он работает (например, в служебной характеристике), надлежащим ответчиком в соответствии со статьей 1068 Гражданского кодекса РФ является юридическое лицо, работником которого распространены такие сведения. Учитывая, что рассмотрение данного дела может повлиять на права и обязанности работника, он может вступить в дело в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора на стороне ответчика, либо может быть привлечен к участию в деле по инициативе суда или по ходатайству лиц, участвующих в деле (статья 43 Гражданского процессуального кодекса РФ²)³.

В исполнительных документах (исполнительных листах) по таким делам суд указывает, какие сведения признаются порочащими, в каком порядке и в какой срок их должен опровергнуть должник.

Сведения, распространенные в средствах массовой информации, должны быть опровергнуты в тех же средствах массовой информации, а если они содержатся в документе, исходящем от организации, такой документ подлежит замене или отзыву.

Лицо, в отношении которого средствами массовой информации опубликованы сведения, ущемляющие его права или охраняемые законом интересы, имеет право на опубликование опровержения в тех же средствах массовой информации (п. 2, 3, 7 ст. 152 Гражданского кодекса РФ).

Закон Российской Федерации «О средствах массовой информации» установил порядок опровержения не соответствующих действительности и порочащих честь и достоинство граждан или организаций сведений (ст. 44):

1) опровержение в периодическом печатном издании должно быть набрано тем же шрифтом и помещено под заголовком «Опровержение», как правило, на том же месте полосы, что и опровергаемое сообщение или материал;

¹ Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 «О средствах массовой информации»: [последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

² Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: закон: [принят Гос. Думой 14 ноября 2002 г.: по состоянию на 05 апреля 2009 г.] // Последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

³ П. 5 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4. См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

2) в опровержении должно быть указано, какие сведения не соответствуют действительности, когда и как они были распространены данным средством массовой информации;

3) по радио и телевидению опровержение должно быть передано в то же время суток и, как правило, в той же передаче, что опровергаемое сообщение или материал;

4) объем опровержения не может более чем вдвое превышать объем опровергаемого фрагмента распространенного сообщения или материала, а также нельзя требовать, чтобы текст опровержения был короче одной стандартной страницы машинописного текста;

5) опровержение по радио и телевидению не должно занимать меньше эфирного времени, чем требуется для прочтения диктором стандартной страницы машинописного текста.

Опровержение должно последовать:

1) в средствах массовой информации, выходящих в свет (в эфир), не реже одного раза в неделю, — в течение десяти дней со дня получения требования об опровержении или его текста;

2) в иных средствах массовой информации — в подготавливаемом или ближайшем планируемом выпуске [8: с. 585–586].

В течение месяца со дня получения требования об опровержении либо его текста редакция обязана в письменной форме уведомить заинтересованных гражданина или организацию о предполагаемом сроке распространения опровержения либо об отказе в его распространении с указанием оснований отказа.

В опровержении должно быть отказано, если данное требование либо представленный текст опровержения:

1) является злоупотреблением свободой массовой информации в смысле ч. 1 ст. 4 настоящего Закона;

2) противоречит вступившему в законную силу решению суда;

3) является анонимным.

В опровержении может быть отказано:

1) если опровергаются сведения, которые уже опровергнуты в данном средстве массовой информации;

2) если требование об опровержении либо представленный текст его поступили в редакцию по истечении одного года со дня распространения опровергаемых сведений в данном средстве массовой информации.

Отказ в опровержении является нарушением установленного настоящим Законом порядка. Опровержения могут быть в течение года со дня распространения опровергаемых сведений обжалованы в суде в соответствии с гражданским и гражданско-процессуальным законодательством Российской Федерации.

Кроме того, согласно п. 3 ст. 152 Гражданского кодекса РФ и ст. 46 Закона РФ «О средствах массовой информации», гражданин или организация, в отношении которых в средстве массовой информации распространены сведения,

не соответствующие действительности либо ущемляющие права и законные интересы, имеют право на ответ (комментарий, реплику) в том же средстве массовой информации.

Ответ на ответ помещается не ранее чем в следующем выпуске средства массовой информации. Данное правило не распространяется на редакционные комментарии.

Верховный Суд Российской Федерации рекомендовал судам общей юрисдикции, чтобы они в резолютивной части решения по таким делам указывали способ опровержения порочащих сведений¹.

Так, например, Арбитражный суд г. Москвы в своем решении указал: «Обязать ОАО «ИФ «Олма» опровергнуть сведения, не соответствующие действительности и порочащие деловую репутацию ОАО «НК «Роснефть» путем размещения соответствующей информации в интернете на сайте www.Olma.ru следующего содержания: «Опровержение 03.04.2002 г. ОАО «ИФ «Олма» разместило в Интернете на своем сайте www.Olma.ru аналитический отчет под названием «Оценка ОАО «НК «Роснефть». В отчете содержались сведения о снижении стоимости НК Роснефть по сравнению с 1998 годом в два раза, о низкой корпоративной культуре менеджеров компании, о том, что действия менеджмента в последние два года (1998–2000 гг.) были направлены на понижение капитализации НК «Роснефть», что не соответствует интересам главного акционера — государства, о намеренном затягивании менеджментом НК «Роснефть» продажи нефтяной компании, скупке им, менеджментом, крупных пакетов акций дочерних предприятий, указывалось, что такая скупка ведется не в интересах государства, а в интересах команды президента компании.

ОАО «ИФ «Олма» приносит свои извинения ОАО «НК «Роснефть» за допущенные в аналитическом отчете ошибки и некорректные высказывания»².

В указанном примере судебное решение содержит указание на те сведения, которые не соответствуют действительности и подлежат опровержению, устанавливает место опубликования опровержения. Однако в нем отсутствует указание на сроки, в рамках которых должно последовать опровержение (следовательно, срок для добровольного исполнения должен устанавливаться судебным приставом-исполнителем и составлять пять дней).

Окончание исполнительного производства осуществляется по общим правилам, установленным в статьях 46, 47 Закона.

В заключение хотелось бы отметить, что пятидневного срока для добровольного исполнения должником своих обязательств, в случае защиты чести, достоинства и деловой репутации, на практике порой бывает недостаточно.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24.02.2005 г. № 3 «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2005. – № 4. См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

² Архив исполнительных производств МП(О)ССП по ИРАС и ОИП, исп. пр-во № 12001/15АС-04-94.

Это связано, прежде всего, с характерными особенностями должника, например, выхода в тираж средства массовой информации один раз в три месяца, а то и раз в полгода. Вследствие этого предпочтительней было бы обязательное указание конкретного срока для исполнения судебного решения в его резолютивной части с учетом имеющихся обстоятельств.

Исходя из изложенного выше, можно также сделать вывод о необходимости внесения в Закон РФ «Об исполнительном производстве» ряда статей, которые бы четко регулировали процедуру защиты чести, достоинства и деловой репутации в исполнительном производстве.

Литература

1. *Ярков В. В.* Настольная книга судебного пристава-исполнителя: Справочно-методическое пособие / В.В. Ярков, А.А. Мельников, М.В. Мешков; отв. ред. В.В. Ярков. – М.: БЕК, 2002. – 768 с.

Reference

1. *Yarkov V. V.* Nastolnaya kniga sudebnogo pristava-ispolnitelya: Spravochno-metodicheskoe posobie / V.V. Yarkov, A.A. Melnikov, M.V. Meshkov; отв. red. V.V. Yarkov. – М.: БЕК, 2002. – 768 s.

**ГОСУДАРСТВО И ПРАВО:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ**

А.В. Львов

**«Семь мудрецов»:
у истоков древнегреческого
гражданского идеала**

Едва ли какой-нибудь другой народ сильнее, чем греки осознал коренные затруднения в постановке таких основополагающих вопросов, как: что такое справедливость? Где проходит граница между индивидуальным и общественным? В чем состоит мера человеческого поведения? Сколь важную роль играет господство закона в жизни полиса? На эти темы размышляли еще Гомер и Гесиод. Вместе с ними значительную роль в формировании политико-правовой сферы общественных отношений сыграли «семь мудрецов». Они прочно вошли в историю древнегреческой мысли как авторы базовых этических императивов поведения человека в обществе.

«Семь мудрецов» — образ собирательный и условный. Само древнегреческое слово «sophistēs» («sophós») — мудрец, означает человека, отличившегося в каком-либо деле, искусстве, умении, знании. «Sophistēs» — это знаток, мастер, изобретатель и т.п. Свойственна мудрецу и такая черта как хитроумие [7: I, 83; 9: 8]. Общее же количество тех мыслителей, которых включали в разные составы этого легендарного «сообщества» превышает двадцать человек. Четверо из них присутствуют во всех вариантах списка «семи мудрецов» — это Фалес из Милета (624–546 гг. до н.э.), Питтак из Митилены (40-е гг. VII в. – ок. 570 гг. до н.э.), Биант из Приены (ок. 590–530 гг. до н.э.) и Солон из Афин (ок. 640–560 гг. до н.э.) [7: I, 13; 40–43; 19: с. 37–47]. Кроме них в «канонический» состав, как правило, входят Клеобул из Линда (н. VI вв. до н.э.), Периандр из Коринфа (ок. 40-х гг. VII в. – 586 г. до н.э.) и Хилон из Лакедемона (пер. пол. VI в. до н.э. – ок. 557 г. до н.э.), чьи имена включены в самый древний сборник кратких изречений (гномов — gnōmē — букв. мысль, ум, мнение, определение, изречение и т.п.) мудрецов, составленный Деметрием Фалерским (IV в. до н.э.) [17: III, 1, 172].

Уже в древности была известна история о золотом треножнике, выловленном в море милетскими рыбаками. С этой легендой традиция связывает

складывание списка «семи мудрецов», поскольку дельфийский оракул изрек по поводу треножника такой приговор:

«Отпрыск Милета, меня ты спросил о треножнике Феба?»

Вот мой ответ: треножник — тому, кто в мудрости первый!»

Милетцы сочли, что самым мудрым является их соотечественник Фалес, и отнесли треножник ему. Фалес не согласился с их мнением, но треножник принял и передал его Бианту. Биант по той же причине передал его Питтаку, Питтак — Клеобулу, Клеобул — Периандру, Периандр — Хилону, а Хилон — Солону. Солон же, полагавший, что первым в мудрости может быть лишь бог, отослал треножник в Дельфы. Есть и другие варианты этой истории. Согласно одной из версий, обойдя всех «мудрецов», треножник был вновь вручен Фалесу, который и посвятил его Аполлону [подр. см.: 7: I, 28–33; 9: 4; 23: с. 158–160] Видимо в связи с легендой о треножнике, изречения, начертанные на храме Аполлона в Дельфах, приписывали «семи мудрецам».

Сведения о жизни и делах «мудрецов» легендарны, отрывочны и порой противоречивы. Кроме кратких изречений, из их сочинений (если таковые были) не сохранилось почти ничего. Единственным исключением оказался Солон, из произведений которого время пощадило небольшой набор стихотворений, где, в частности, изложены его общественно-политические идеи и воззрения на закон и справедливость [27: с. 235–240; 28: с. 89 и сл.]. Кроме того, ситуацию с изучением эпохи и жизни «мудрецов» осложняет не только проблема скудности и (или) степени достоверности источников, но и дискуссии вокруг самой оценки изменений, происходивших в этот период древнегреческой истории [30: с. 58–60].

«Мудрецы» обладают рядом сходных черт: они отличались рассудительностью и жизненным опытом, вели умеренный образ жизни, были смелы и находчивы, обладали поэтическим даром, стяжали славу на политическом поприще. В частности, все «семь мудрецов», по словам Платона, были «ревнителями, любителями и последователями лаконского воспитания; и всякий может усвоить их мудрость, раз она такова, что выражена каждым из них в кратких и достопамятных измерениях. ... Таков был у древних способ философствовать: лаконское немногословие» [11: 343 a-b]. Отсюда, видимо, берет свое начало довольно распространенное мнение, что нормы общественно-политической жизни, сформулированные мудрецами, представляют собой реакцию здорового спартанского гражданского духа против неумеренности и легкомыслия духа ионийцев. В.Н. Ярхо справедливо критикует подобный подход к системе воззрений «семи мудрецов» за отсутствие социального анализа и противоречие фактам [подр. см.: 35: с. 325].

Основной же чертой «мудрецов» было то, что они ставили умеренность, рассудительность, спокойствие духа и самосовершенствование выше, чем власть, богатство и различные материальные блага. Как замечает А.А. Гусейнов: «Они были захвачены перспективой бесконечного совершенствования в том трудно определимом и впервые открываемом ими способе жизни, который обозначался высоким словом мудрости. Нельзя сказать, что это был просто другой способ

самоутверждения. Они ставили под сомнение саму идею самоутверждения в том виде, в каком последняя была связана с властью, богатством, силой» [22: с. 32]. Однако, говоря о «семи мудрецах» не надо забывать, что за эталоном «великолепной семерки» стоят реальные люди, жизнь и качества которых источники описывают, порой весьма различно. Еще Диоген Лаэртский писал, что о «мудрецах» ходят толки разного рода. Кто-то их считает настоящими мудрецами, кто-то — политиками, кто-то просто умными людьми и законодателями, а кто-то порицает и даже откровенно хулит их [7: I, 40].

Дело видимо было в том, что люди, причисленные традицией к сонму «семи мудрецов» жили в конце VII – начале VI вв. до н.э. Это время становление древнегреческого полиса. Одновременно, это и период кризисов, смут и активной преобразовательной деятельности. В такой обстановке, граждане предпочитали порой избрать из своего коллектива или пригласить из другого полиса какого-либо человека, обладавшего опытом, внушавшего доверие и имевшего заслуженное уважение, в виде посредника и примирителя внутриполисных конфликтов и распрей [4: IV, 5]. Многие из «семи мудрецов» оказались в числе подобных реформаторов или, по крайней мере, были причастны подобного рода деятельности. Так Солон провел свои знаменитые реформы в родных Афинах, с именем Хилона связывают не менее важные политические преобразования в Спарте в середине VI в., ставшие основой для формирования классического спартанского строя, Питтак был избран эсимнетом («*aisymnetēs*» — «выборный тиран», наделенный чрезвычайными полномочиями для урегулирования внутренних конфликтов) [см.: 24: с. 318 и сл.; 31: с. 79–83] Митилены (ок. 620 г. до н.э.), Периандр был тираном Коринфа (ок. 627 г. до н.э.), а Клеобул — тираном в Линде [5: II, 1274b, 15–20; 6: I, 23; 7: I, 45, 74–75]. О трудной задаче, стоявшей перед реформаторами, свидетельствуют, как они сами (например, Солон говорит, что он, «от всех обороняясь, кружился..., как волк среди стаи лютых псов...») [9: 17 (30), 26–27], так и сохранившиеся истории об их жизни и деятельности, содержащие порой весьма нелицеприятные отзывы и характеристики. Так, например, источники содержат рассказы о жестокостях Периандра, изнеженности, расточительности и крохоборстве Солона, неумеренном образе жизни и изменчивости Питтака и т.п. [2: фр. 25–31; 3: 14–24; 4: IV, 6; 6: III, 50 и сл.; V, 92].

В связи с этим, замечу, что до конца V в. до н.э. слово «тиран» («*týrannos*») означало верховного властителя, захватившего власть силой и правящего не по закону, а по собственному произволу. При этом правление тирана совершенно не обязательно предполагало наличие жестокостей и безнравственности. Связано это было вероятнее всего с тем, что истории о тиранах создавались в эпоху, когда о роли греческих тираний в развитии полиса было забыто, и они воспринимались как препятствие на пути дальнейшего развития. Замечу, однако, что основная масса ученых придерживается отрицательной характеристики ранней древнегреческой тирании [см.: 18: с. 138–142; 25: с. 152–156; 32: с. 128–135; 33: с. 167]. Но, тем не менее, тирания сыграла

свою важную роль в ранней истории Греции. Благодаря тиранам многие полисы достигли могущества, богатства и процветания. Это относится, в частности, и к Периандру. За время его пребывания у власти (627–585 гг. до н.э.) Коринф превратился в сильное государство с множеством колоний в Средиземноморье. По всей вероятности в более позднее время была предпринята попытка отделить Периандра-мудреца от Перинадра-тирана, утверждая, что речь идет о разных людях [7: I, 53–54, 98–99; 10: 147 b-d].

На примере жизни и деятельности Питтака можно отметить и другой аспект этой темы. Одним из источников о Питтаке являются стихотворения его соотечественника аристократа Алкея. В свое время старшие братья Алкея вместе с Питтаком свергли лесбосского тирана Меланхра (ок. 612–609 гг. до н.э.). Позднее, после смуты в Митилене, когда Питтак был избран эсимнетом и начал проводить политику, направленную на ограничение влияния аристократии, отношение к нему со стороны бывших союзников из рядов местной знати изменилось. Этим, видимо, и вызвана брань в адрес Питтака, которой Алкей щедро наполняет свои стихи. Он упрекает Питтака в неблагодарности, вероломстве, нарушении клятв и даже, вопреки истине, в неблагородном происхождении. Как бы то ни было, не взирая на недовольство сограждан, Питтак, как и Солон, добровольно сложил с себя власть, когда счел, что его задача выполнена. Кстати, существует легенда о том, что когда Алкей оказался во власти Питтака, тот отпустил его, сказав: «Лучше простить, чем мстить» [5: III, 1285a, 30–1285b, 4; 7: I, 76, 81; 35: с. 322; 34: с. 72–76]. Не известно, помирились ли Питтак и Алкей, но позднее митиленцы почтили и великого правителя и великого поэта, вычеканив их профили на разных сторонах одной монеты.

Легендарных историй, свидетельствующих о мудрости и добродетелях «великолепной семерки» очень много. Так, Фалес, который, по словам Плутарха, «был тогда единственным ученым, который в своих исследованиях пошел дальше того, что нужно было для житейских потребностей», вызывал своими исследованиями насмешки со стороны сограждан, полагавших, что его занятия — бесплодные умствования чудака, не обладающего прагматическим складом ума. В конце концов Фалес решил доказать соплеменникам, что обогащение не является для него целью, хотя его наука — хорошее средство для этого. На основании астрономических данных он рассчитал богатый урожай оливок и заранее законтрактовал в округе все маслобойни. Когда собрали урожай и всем одновременно потребовались маслобойни, Фалес стал сдавать их на откуп. Поскольку он не имел конкурентов, то взимал очень большую плату и, таким образом, обогатился всего за один сезон [5: I, 1259a, 5–20; 7: I, 26].

Несмотря на скудность и легендарность источников «мудрецы» предстают перед нами обычными людьми, а не воплощенным идеалом «без страха и упрека». Они ошибаются, сомневаются, корят себя за свои ошибки и т.п. Так Питтак не захотел судить и освободил убийцу своего сына, сказав: «Лучше его сейчас отпустить, чем мне потом раскаяться», имея в виду, что, так как дело касается его лично, он из опасения судить предвзято, под влиянием личной

ненависти, боится нарушить закон и, поэтому, предпочитает оставить это преступление без наказания [7: I, 76]. Согласно другой легенде Хилон оказался в числе судей, рассматривавших дело, в котором обвиняемым был его друг. Согласно закону судьи должны были вынести смертный приговор. Тогда Хилон, разрываясь между чувствами справедливости, долга и дружбы убедил других судей оправдать обвиняемого, а сам проголосовал за смертный приговор. Однако это не избавило его от страданий, поскольку, как говорил он близким: «такую душевную муку я испытываю от этого, что, боюсь, не чуждо вероломства и вины то, что я в одних и тех же обстоятельствах, в одно и то же время и в общем деле сам я склонился к тому, что мне лучше было сделать, а других убедил в противоположном этому» [1: I, 3, 1–8].

Однако самой показательной является легенда о Солоне и лидийском царе Крёзе. Хотя еще Плутарх отмечал, что подобное свидание, о котором сообщает Геродот, традиционно считают вымышленным из-за несоответствий в хронологии [9: 27; 29: с. 72 и сл.] (правление Крёза приходится на период с 560 до 546 г. до н.э., тогда как в 560 г. до н.э. Солон умирает), нас интересует именно содержание этой легенды. Царь Крёз, с которым были дружны некоторые из «семи мудрецов» пригласил Солона в гости и устроил ему радушный прием в своем дворце. Два дня Солон вельможи водили и показывали богатство дворца и его сокровищницы. Однако мыслитель оставался невозмутим, и никак не выразил своего восхищения увиденным. Тем не менее, Крёз, думая, что потряс Солона, спросил его, желая услышать свое имя, кого он считает самым счастливым человеком на земле. Солон назвал имя своего согражданина Телла. Пораженный царь спросил, почему Солон так считает? Он жил в те времена, ответил Солон, когда процветал его родной город, исполнял свой гражданский долг и заслужил уважение сограждан, получил в наследство от отца крепкое, развитое хозяйство и честным трудом приумножил полученное, выбрал себе хорошую супругу, вместе с которой произвел на свет и воспитал прекрасных детей; он дожил до преклонных лет, видел своих внуков и пал в бою за свою Родину, обратив врагов в бегство.

Тогда Крёз поинтересовался, кто же, по мнению Солона, самый счастливый человек после Телла? Солон назвал братьев Клеобиса и Битона из Аргоса. Братья жили очень дружно и чрезвычайно любили свою мать, которая была жрицей богини Геры. Однажды в день празднества в честь богини, их мать-жрицу необходимо было доставить в храм на повозке. Но весь тягловый скот был еще в поле, время быстро уходило и медлить было нельзя. Тогда братья впряглись в повозку сами. Они пробежали в упряжке сорок пять стадий (примерно 8–8,6 км.) и доставили мать в храм вовремя. К утру следующего дня от чрезмерного перенапряжения оба брата умерли во сне. Благодарные сограждане поставили им статую, которую передали в Дельфы (статуя до сих пор цела и хранится в дельфийском музее) [8: II, 20, 3]. В ответ на упреки Крёза, Солон сказал: «Нам, эллинам, бог дал способность соблюдать во всем меру; а вследствие такого чувства меры и ум нам свойственен... простонародный,

а не царский, блестящий. Такой ум, видя, что в жизни всегда бывают всякие превратности судьбы, не позволяет нам гордиться счастьем данной минуты... К каждому незаметно подходит будущее, полное всяких случайностей; кому бог пошлет счастье до конца жизни, того мы и считаем счастливым. А называть счастливым человека при жизни, пока он еще подвержен опасностям, — это все равно, что провозглашать победителем и венчать венком атлета, еще не кончившего состязания...». Наблюдай конец жизни, заключил Солон, ибо настоящее счастье связано с такими благами, которые судьба не в силах отнять у человека, какова бы не была его жизнь. Крёз страшно разозлился, но потом, на собственном горьком опыте убедился в справедливости сказанного Солонном [см.: 6: I, 30–33; 86–87; 9: с. 27].

Как уже говорилось, все «мудрецы», хоть и в разной степени, но занимались политической деятельностью. Плутарх отмечает, что, кроме Фалеса «все остальные получили название мудрецов за свое искусство в государственных делах» [9: с. 3]. Фалес же отличился и на философском и на политическом поприщах. Более того, он был первым ионийским политиком-интеллектуалом [24: с. 360–367]. Он настойчиво советовал ионийским полисам объединиться, чтобы противостоять нашествию персов. Предложение Фалеса не было реализовано. После захвата персами ионийских городов-государств, идею Фалеса повторил Биант, предложивший ионянам переселиться на Сардинию и основать там новый единый полис. Фалес водил дружбу с тираном Фрасибулом и царем Крёзом, используя эти связи во благо родного города. Его мудрые советы спасли Милет от разгрома во время захвата Ионии персидским царём Киросом II. В политике оказались полезны и научные знания Фалеса [6: I, 74–75, 141, 149, 170; 7: I, 23, 25].

Но более всего с именем «семи мудрецов» связывают их изречения. Комплексы этих изречений приводят Стобей и Диоген Лаэртский [17: III, 1, 172; 7: I, 35–37; 60–61; 69–70; 77–79; 86–88; 91–93; 97–99; 10: 146a–164d]. Многие из этих сентенций стали основополагающими принципами древнегреческой политической мысли, на них строится и идеал человека и гражданина. Попробуем на их основании представить развернутую картину воззрений «мудрецов» в отношении гражданского идеала.

Первый принцип, составляющий краеугольный камень всей остальной конструкции — это соблюдение меры (*métrios, metriótēs*). (*Фалес*: «Соблюдай меру»; *Солон*: «Ничего слишком»; *Клеобул*: «Мера лучше всего»; *Питтак*: «Знай меру»; *Биант*: «Приобретешь... надлежащей мерой — осторожность») При этом умеренность неизменно связывается с разумностью. (*Периандр*: «В счастье будь умерен, в несчастье разумен»). Человеку как существу, наделенному разумом, свойственна рассудительность (*logistikós*), которую «мудрецы» противопоставляют насилию. С помощью рассудительности создаются, поддерживаются и укрепляются отношения между людьми. (*Биант*: «Рассудительность — любви», «Безрассудства не одобряй», «Понимай, что делаешь», «Бери убеждением, а не силой»; *Клеобул*: «Силой не делай ничего»; *Фалес*: «Пусть молва не ссорит тебя с тем, кто пользуется твоим доверием»)

Как основной принцип, мера проявляется во всех элементах социальной жизни. Блестящим примером многогранности принципа меры в общественных отношениях является стихотворный рассказ Солона о его реформах:

«Да, я народу почет предоставил, какой ему нужен —
Не сократил его прав, не дал и лишних зато.
Также подумал о тех я, кто силу имел и богатством
Славился, — чтоб никаких им не чинилось обид.
Встал я, могучим щитом своим тех и других прикрывая,
И никому побеждать не дал неправо других...
Будет тогда лишь народ лучше всего идти за вождями,
Коль не живет без узды, не угнетен выше сил.
От пресыщенья рождается надменность (*hybris*), коль средства большие
Людам приходят таким, меры не знает чей нрав.
...Всех я освободил. А этого достиг
Закона властью, силу с правом сочетав,
И так исполнил все, как и обещал.
Законы я простому с знатым наравне,
Для каждого прямую правду указав,
Так написал» [4: IV, 12; 15: 14 (8)].

Как видим, Солон не только говорит о мере в различных ее проявлениях, но, воплощая меру справедливости в законе, подчеркивает ее связь с принуждением. Преступление меры, несправедливость, а, следовательно, социальные катаклизмы — это результат нарушения закона [подр. см.: 26: с. 87; 36: с. 13–14]. Если граждане способны соизмерять свои действия и желания с общим благом, обладают совестью и стыдом (*aidós*), полагают «мудрецы», законы будут исполняться без принуждения. «Самый разумный тот народ, в котором граждане боятся больше порицания, чем закона», заявляет Клеобул [10: 154e]. Замечу, что рекомендации «мудрецов» были основой их собственного поведения, нормой для них самих [14: 3–6]. Например, как пишет Аристотель, Солон не только не примкнул ни к одной из партий, но «воспротивился тем и другим и, хотя имел возможность, вступив в соглашение с любой партией, достичь тирании, предпочел навлечь на себя ненависть тех и других, но зато спасти отечество и дать наилучшие законы» [4: IV, 11].

Также утверждается «мудрецами» необходимость знания, учения и самосовершенствования. (*Клеобул*: «Лучше быть ученым, чем неучем»; *Фалес*: «Учи и учись лучшему», «Не верь всем подряд»; *Биант*: «Из молодости в старость бери припасом мудрость, ибо нет достояния надежнее».)

«Смертные — добрый, худой ли — мы все одинаково мыслим;
Каждый из нас до тех пор мнит себя мудрым во всем,
Горе пока не случится; тогда он и плачет, дотоле ж
Мы наслаждаемся все, льстяся надеждой пустой» [14: 33–36].

В связи со знанием вновь возникает принцип меры и утверждается неразрывная связь рассудительности и речи. (*Хилон*: «Язык твой пусть не обгоняет

ума»). Как и Гесиод, порицавший судебное сутяжничество (*krísis*) и злостное пустословие (*mythos*), в качестве способа жизни, противного справедливости (*dike*) и вносящего хаос в общественные отношения, «мудрецы» утверждают необходимость именно разумной речи (*lógos*), а не пустой болтовни; указывают на опасность слова, не контролируемого разумом, не подтвержденного опытом и знанием [16: 20 (15)].

Советы «мудрецов» содержат рекомендации оказывать предпочтение молчанию и восприимчивости. Лучшее государство то, считают они, где в большей степени слушают законы, чем ораторов [10: 154e]. Отсюда берут начало и их лаконизмы. (*Клеобул*: «Будь сдержан на язык», «Будь любослух, а не многослов»; *Солон*: «Чего не видел, того не говори», «Скрепляй слова печатью молчания, а молчание — печатью подходящего момента»; *Хилон*: «Выпивая, не болтай: промахнешься»; *Питтак*: «О том, что намерен делать не рассказывай: не выйдет — засмеют»; *Биант*: «Не болтай: промахнешься — пожалеешь», «Слушай побольше», «Говори к месту».) Обратим внимание на то, что разумная речь человека неизменно связывается с общественно-политической деятельностью. Ее главный ориентир — общее благо. (*Клеобул*: «Согражданам советуй наилучшее», *Солон*: «Согражданам советуй не самое приятное, а самое полезное»). Так Биант, принимая активное участие в судебной деятельности, помогал при этом не только друзьям, но и врагам. Как пишет Диоген Лаэртский, Биант «неотразимо выступал в суде, но мощью своего слова пользовался лишь с благой целью» По легенде, в глубокой старости, он тихо умер во время суда, произнеся речь в чью-то защиту [7: I, 84–87].

«Мудрецы» создают комплекс норм для гражданина полиса, формируют его качества. Они ориентируют сограждан на соблюдение закона и разрешение споров только на его основе; утверждают умение повиноваться как основу для формирования полноценного человека и гражданина, которому сограждане могли бы доверить властные полномочия; требуют от граждан прозорливости, мудрости и опытности в деле управления полисом и назначении должностных лиц, осознании причастности общему делу, личной ответственности и т.п. (*Клеобул*: «Врага народа считай супостатом»; *Солон*: «Научившись подчиняться, научисься управлять», «Требуй, чтобы ответственность несли другие, носи ее и сам»; *Хилон*: «Повинуйся законам»; *Фалес*: «Находясь у власти, управляй сам собой»; *Питтак*: «Дело умных — предвидеть беду, пока она не пришла, дело храбрых — управляться с бедой, когда она пришла»; *Биант*: «Крепче всего народовластии там, где закона страшатся, словно тирана»; *Периандр*: «Не только наказывай прегрешающих, но и останавливай намеревающихся», «Люби законы старые, а яства свежие»). Не зря Солон призывает сограждан в бедах, случившихся с ними, винить, прежде всего, себя, брать на себя ответственность за творимое в полисе. Здесь, наряду с темой меры, вновь утверждается рассудительность, мудрая, осмысленная речь, ориентированная на общее благо и т.д. [см.: 12: 1–2, 5–8, 14–19, 31–40; 16: 20(15)].

Все вышесказанное относится и к правителю. Примечательно в связи с этим рассуждение «мудрецов» о счастье правителя. Они считают, что «более всего стяжает славы царь или тиран тогда, когда он единовластие над гражданами обратит в народовластие, . . . когда он первый явит образец покорности законам». Счастье правителя в том, утверждают мудрецы, чтобы не оказаться единственным рассудительным человеком в полисе, добиться, чтобы сограждане боялись не его, а за него [10: 152a-b].

Как мы видим, вновь в основе рекомендаций «мудрецов» лежит принцип меры и рассудительности, проявляющийся в самоконтроле, самоумерении и самосовершенствовании, отсутствии самоуправства, насилия и произвола. Как советует Питтак: «Лелей благочестие, воспитание, самообладание, рассудок, правдивость, верность, опытность, ловкость, товарищество, прилежание, хозяйственность, мастерство». Кроме того, конечно, в основе гражданского идеала обязательно должны лежать универсальные добродетели, связанные не только с политикой, но и с другими сторонами жизни. (*Клеобул*: «Добродетели — свой, пороку — чужой», *Хилон*: «Познай самого себя», «Обуздывай гнев»; *Фалес*: «Не красуйся наружностью, а будь прекрасен делами», «Праздным не будь, даже если ты богат», «Что трудно? — познать самого себя»; *Питтак*: «Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам»; *Биант*: «Берись [за дело] не спеша, а начатое доводи до конца»; *Периандр*: «При жизни будь хвалим, после смерти — благословим», «Удовольствия смертны, добродетели бессмертны», «Бранись с таким расчетом, чтобы скоро стать другом».) Замечу, что знаменитое изречение Хилона «Познай самого себя» (Gnōthi sēautón) призывает в данном случае не к самопознанию своей индивидуальности, а самоумерению — познанию своего места и роли в мире. Как точно определяет суть этой сентенции И. Е. Суриков: «Познай, что ты всего лишь человек, и не стремись к большему» [28: с. 88]. С этим аспектом человеческой меры связана тема благочестия: отношения к богам, родным, друзьям, соседям, соблюдении долга, исполнении обещаний и клятв (*Клеобул*: «К несправедливости питай ненависть, благочестие блюди»; *Солон*: «Добропорядочность (kalokagathia) нрава соблюдай вернее клятвы»; *Хилон*: «К тому, кто суется в чужие дела, питай ненависть», «На обеды друзей ходи медленно, на беды — быстро», «Старшего уважай», «Над попавшим в беду не смейся»; *Фалес*: «Как будешь обращаться с родителями, такое обращение ожидай в старости и от детей»; *Питтак*: «Упражняйся в благочестии»; *Биант*: «Причиной любой удачи считай богов, а не себя»; *Перинадр*: «Дал слово — держи: нарушить — подло», «Сделайся достойным своих родителей», «С друзьями будь одним и тем же и в удаче и в беде».)

Другой темой высказываний «семи мудрецов» являются материальные блага. Как уже говорилось, «мудрецы» ставят их ниже иных составляющих идеал элементов, но, отнюдь, не пренебрегают ими. (*Клеобул*: «В достатке не заносись, в нужде не унижайся»; *Хилон*: «Предпочитай убыток позорной прибыли: первое

огорчит один раз, второе [будет огорчать] всю жизнь», «Если тебе причинили ущерб — примиришь, если оскорбили — отомсти»; *Фалес*: «Не обогащайся нечестным путем»; *Питтак*: «Доверенный тебе залог отдай», «Владей своим»; *Биант*: «Недостойного человека за богатство не хвали»; *Периандр*: «Ничего не делай за деньги: пусть нажива печется о наживе», «Бесчестная прибыль обличает <бесчестную> натуру»). Иногда сентенции «мудрецов» связываются с расчетливостью и бережливостью. Так Питтак советует: «Друга не хули и врага не хвали: не расчетливо это». А Периандр считает: «Лучше умереть в скупости, чем жить в нужде». Ю. Белох видит в этом утилитарность сознания греков той эпохи, не дошедших, по его мнению, «до сознания, что хорошее следует делать ради него самого» [20: с. 187]. Данная точка зрения представляется сомнительной, так как утилитаризм присутствовал в греческом сознании и в последующие эпохи, которым тот же Белох не отказывает в «полноценном» уровне нравственности, да и множество принципов «семи мудрецов» и их деяний никак не связаны с пользой или выгодой. В политико-правовом аспекте эта пресловутая «утилитарность» может выражаться только в том, что «мудрецы» почитают и возвышают закон как главную защиту против произвола и насилия, чинимого конфликтующими общественными партиями. Конечно, «мудрецы» не занимаются нравственной проповедью благозакония, в том виде, как это делали мыслители V в. до н.э., однако соблюдение закона утверждается ими уже в качестве главной заповеди самосохранения полиса, противостоящему архаическому индивидуализму. Кроме того, заметим, что утилитарность сознания была присуща не только древним грекам. Думается, что в данном случае, более уместно говорить о рассудительности, чем о сугубой утилитарности.

В свою очередь тема расчетливости связана с вопросом об имущественном благосостоянии, который так же, как и предыдущие темы базируется на основе умеренности, рассудительности и добродетели. Как заявляет Солон:

«...стремлюсь и богатство иметь, но владеть им нечестно
Я не хочу: наконец Правда (Dike) ведь все же придет.
Ежели боги богатство дадут, оно прочным бывает
От глубочайших корней вплоть до вершины самой.
Если же дерзостью (hybris) люди берут, не по чести приходит
Несправедливым делам будет служить и тогда
Против желанья. Но быстро приходит беда роковая.
Малым начнется она, точно из искры огонь.

Слабой бывает сперва, а кончается скорбью великой...» [14: 7–15, см. также: 13: 4 (6)].

Солон пишет здесь о счастье в виде имущественного благосостояния (ὀλβος). Человеку свойственно стремиться к хорошо благоустроенной жизни, к достатку, но мера и здесь играет основную роль. Поэтому, по словам Солонна, лучший дом тот, «где добро приобретается без несправедливости, сохраняется без недоверчивости и тратится без раскаяния» [10: 155d]. Неумеренная жажда к накоплению, к стяжанию навлечет на человека различные беды и

даже может привести его к гибели. У неразумного и дурного человека ничего не будет в достатке, так как из-за разных сиюминутных желаний и прихотей его потребности множатся и никогда не утоляются. Как в басне, которую приписывают Клеобулу. Однажды Луна попросила свою мать сшить ей платье по ее мерке. «Как же я могу это сделать? — спросила Луну ее мать, — когда сейчас ты полная, а скоро станешь худенькой, а потом и вовсе изогнешься в другую сторону». Поэтому лучшим государством «мудрецы» считают полис, умеренный силой закона, в котором «нет ни бедных граждан, ни безмерно богатых», а лучшим домом тот, «где нет ни потребности в излишнем, ни нехватки в необходимом» [10: 154d-f; 155d; 157a-b; 19: с. 186]. Это особенно важно, поскольку управление собственным хозяйством, по мнению «семи мудрецов» является для гражданина прекрасной школой, уроки которой помогут ему на политическом поприще. Как предписывает Хилон: «Хорошо начальствовать учись на своем доме», или «Дому следует более всего походить на город, управляемый царем» [10: 155d]. Но, как бы то ни было, подлинное приобретение, по мнению «мудрецов» — мудрость (*alētheia*). Как советует Биант: «Приобретай: в молодости — благополучие, в старости — мудрость... Приобретешь: делом — память [о себе], надлежащей мерой — осторожность, характером — благородство, трудом — терпение, страхом — благочестие, богатством — дружбу, словом — убеждение, молчанием — чинность, решением — справедливость, дерзанием — мужество, деянием — власть, славой — верховенство». Несмотря на то, что «семь мудрецов» были выходцами из высших слоев древнегреческого общества, их рекомендации не носят элитарного характера; они обращены не к переживающей упадок родовой знати, а к коллективу граждан — членам полисной общины, от которых во многом зависит будущее системы новых общественных отношений и связывающих эти отношения норм.

Литература

1. *Авл Геллий*. Аттические ночи: В 2-х тт. / Авл Гелий. — СПб.: Гуманитарная академия. 2007–2008. — Т. 1. — 480 с.; Т. 2. — 448 с.
2. *Алкей*. Друзья и враги / Алкей // Эллинистские поэты VIII–III вв. до н.э. — М.: Ладомир, 1999. — С. 345–347.
3. *Алкей*. В изгнании / Алкей // Эллинистские поэты VIII–III вв. до н.э. — М.: Ладомир, 1999. — С. 349–350.
4. *Аристотель*. Афинская полития / Аристотель. — М.: Гос. соц-экон. изд., 1937. — 256 с.
5. *Аристотель*. Политика / Аристотель // Сочинения: В 4-х тт. — Т. 4. — М.: Мысль, 1984. — С. 375–644.
6. *Геродот*. История / Геродот. — М.: Ладомир, 1993. — 600 с.
7. *Диоген Лаэртский*. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский. — М.: Мысль, 1979. — 620 с.

8. *Павсаний*. Описание Эллады: В 2-х тт. / Павсаний. – Т. 1. – М.: Ладомир, 1994. – 364 с.
9. *Плутарх*. Солон / Плутарх // Плутарх. Сравнительные жизнеописания: В 2-х тт. – Т. 1. – М.: Наука, 1994. – С. 93–114.
10. *Плутарх*. Пир семи мудрецов / Плутарх // Плутарх. Застольные беседы. – Л., 1990. – С. 242–262.
11. *Платон*. Протагор / Платон // Платон. Собрание сочинений: В 4-х тт. – Т. 1. – М.: Мысль, 1994. – С. 418–476.
12. *Солон*. Благозаконие / Солон // Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. – М.: Ладомир, 1999. – С. 245–246.
13. *Солон*. Жизнеотношение / Солон // Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. – М.: Ладомир, 1999. – С. 248–249.
14. *Солон*. К Музам (К самому себе) / Солон // Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. – М.: Ладомир, 1999. – С. 246–247.
15. *Солон*. О своей реформе / Солон // Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. – М.: Ладомир, 1999. – С. 250–252.
16. *Солон*. Против единовластия / Солон // Эллинские поэты VIII–III вв. до н.э. – М.: Ладомир, 1999. – С. 252.
17. *Стобей*. Изречения Семи мудрецов [из собрания] Деметрия Фалерского / Стобей // Фрагменты ранних греческих философов. Часть I / Сост.: А.В. Лебедев. – М.: Наука, 1989. – С. 92–94.
18. *Андреев Ю. В.* Цена свободы и гармонии / Ю. В. Андреев. – СПб.: Алетейя, 1998. – 432 с.
19. Античная Греция: проблемы развития полиса: В 2-х тт. / Ред. Е.С. Голубцова, Л.П. Маринович, А.И. Павловская и др. – Т. 1. – М.: Наука, 1983. – 424 с.
20. *Белох Ю.* История Греции / Ю. Белох. – Т. 1. – М.: Тов. тип. А.И. Мамонтова, 1897. – 500 с.
21. *Виц-Маргулес Б. Б.* Семь городов — семь мудрецов / Б.Б. Виц-Маргулес // Власть, человек, общество в античном мире. Докл. конф. 1996 и 1997 гг. – М., 1997. – С. 37–47.
22. *Гусейнов А. А.* Античная этика / А. А. Гусейнов. – М.: Гардарика, 2003. – 272 с.
23. *Кулишова О. В.* Дельфийский оракул в системе античных межгосударственных отношений (VII–V вв. до н.э.) / О.В. Кулишова. – СПб.: Гуманитарная академия, 2001. – 432 с.
24. *Лаптева М. Ю.* У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. / М.Ю. Лаптева. – СПб.: Гуманитарная академия, 2009. – 512 с.
25. *Лурье С. Я.* История Греции / С.Я. Лурье. – СПб.: СПбГУ, 1993. – 676 с.
26. *Нерсесянц В. С.* Право и закон / В.С. Нерсесянц. – М.: Наука, 1983. – 368 с.
27. *Суриков И. Е.* Авторское начало в лирике Солона // Восточная Европа в древности и средневековье: автор и его текст / И.Е. Суриков. – М.: Наука, 2003. – С. 235–240.
28. *Суриков И. Е.* Античная Греция: политики в контексте эпохи. Архаика и ранняя классика / И.Е. Суриков. – М.: Наука, 2005. – 352 с.
29. *Суриков И. Е.* Гостеприимство Крэза и афиняне / И.Е. Суриков // Закон и обычай гостеприимства в античном мире. – М.: Наука, 1999. – С. 72–79.
30. *Суриков И. Е.* Проблемы раннего афинского законодательства / И.Е. Суриков. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 144 с.

31. *Фролов Э. Д.* Эсимнетия — выборная тирания, или вид социального посредничества / Э.Д. Фролов // Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 76–83.
32. *Фролов Э. Д.* Тирания глазами древнего историка / Э.Д. Фролов // Фролов Э. Д. Парадоксы истории — парадоксы античности. — СПб.: СПбГУ, 2004. — С. 128–135.
33. *Хаммонд Н.* История древней Греции / Н. Хаммонд. — М.: Центрполиграф, 2003. — 704 с.
34. *Штолль Г. В.* Великие греческие писатели: очерк классической литературы греков в биографиях / Г.В. Штолль. — СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1901. — 378 с.
35. *Ярхо В. Н.* Семь древнегреческих мудрецов / В.Н. Ярхо // Ярхо В. Н. Эпос. Ранняя классика. — М.: Лабиринт, 2001. — С. 317–327.
36. *Cassirer E.* Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung / E. Cassirer. — Göteborg: 1941 (6). Hogskolas Arsskrift. — Vol. XLVII. — P. 1–31.

References

1. *Avl Gellii.* Atticheskie nochi: TT. 1–2 / Avl Gellii. — SPb.: Gumaniranaya academia. 2007–2008. — T. 1. — 480 s.; T. 2. — 448 s.
2. *Alkei.* Druzia i vragi / Alkei // Ellinskie poeti VIII–III vv. do n.e. — M.: Lodomir, 1999 — S. 345–347.
3. *Alkei.* V izgnanii / Alkei // Ellinskie poeti VIII–III vv. do n.e. — M.: Lodomir, 1999. — S. 349–350.
4. *Aristotel.* Athinskaya Politia / Aristotel. — M.: Gosudarstvennoe sotsialno-ekonomicheskoe izdatelstvo, 1937. — 256 s.
5. *Aristotel.* Politika / Aristotel // Sochinenia: TT. 1–4. — T. 4. — M.: Mysl, 1984. — S. 375–644.
6. *Hepodot.* Istopia / Hepodot. — M.: Lodomir, 1993. — 600 s.
7. *Diogen Laertii.* O shizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenitih philosophov / Diogen Laertii. — M.: Mysl, 1979. — 620 s.
8. *Pavsanii.* Opisanie Elladi: TT 1–2 / Pavsanii. — T. 1. — M.: Lodomir, 1994. — 364 s.
9. *Plutarh.* Solon / Plutarh // Sravnitelnie Jizneopisaniya: TT. 1–2. — T. 1. — M.: Nauka, 1994. — S. 93–114.
10. *Plutah.* Pir semi mudretsov / Plutarh // Plutarch. Zastol'nie besedi. — L., 1990. — S. 242–262.
11. *Platon.* Protagor / Platon // Platon. Sobranie sochinenii: TT. 1–4. — T. 1. — M.: Mysl, 1994. — S. 418–476.
12. *Solon.* Blagozakonie / Solon // Ellinskie poeti VIII–III vv. do n.e. — M.: Lodomir, 1999. — S. 245–246.
13. *Solon.* Shizneotnoshenie / Solon // Ellinskie poeti VIII–III vv. do n.e. — M.: Lodomir, 1999. — S. 248–249.
14. *Solon.* K Muzam (K samomu cebe) / Solon // Ellinskie poeti VIII–III vv. do n.e. — M.: Lodomir, 1999. — S. 246–247.
15. *Solon.* O svoei reforme / Solon // Ellinskie poeti VIII–III vv. do n.e. — M.: Lodomir, 1999. — S. 250–252.

16. *Solon*. Protiv edinovlastiya / Solon // Ellinskie poeti VIII–III vv. do n.e. – M.: Ladomir, 1999. – S. 252.
17. *Stobey*. Izrecheniya Semi mudretsov [iz sobraniya] Demetriya Falerskogo / Stobey // Fragmenti rannih grecheskih filosofov. Chast' I / Sost. A.V. Lebedev. – M.: Nauka, 1989. – S. 92–94.
18. *Andreev U. V.* Tsena svobodi i garmonii / U.V. Andreev. – SPb.: Aleteia, 1998. – 432 s.
19. Antichnaya Gretsia: problemi razvitiya polisa: TT. 1–2 / Red. E.S. Golubtsova, L.P. Marinovich, A.I. Pavlovskaya i dr. – T. 1. – M.: Nauka, 1983. – 424 s.
20. *Beloch U.* Istorija Gretsii / U. Beloch. – T. 1. – M.: Tovar. tipogr. A.I. Mamontova, 1897. – 500 s.
21. *Vits-Margues B. B.* Sem' gorodov — sem' mudretsov // Vlast', chelovek, obshestvo v antichnom mire. Dokl. konfer. 1996 i 1997 gg. / B. B. Vits-Margues. – M., 1997. – S. 37–47.
22. *Guseinov A. A.* Antichnaya ethika / A.A. Guseinov. – M.: Gardarika, 2003. – 272 s.
23. *Kulishova O. V.* Del'phiiskii orakul v sisteme antichnih mejgosudarstvennih otnoshenii (VII–V do n.e) / O.V. Kulishova. – SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2001. – 432 s.
24. *Lapteva M. U.* U istokov drevnegrecheskoi tsivilizatsii: Ionia XI–VI do n.e / M.U. Lapteva. – SPb.: Gumanitarnaya akademiya, 2009. – 512 s.
25. *Lur'e S. Y.* Istorija Gretsii / S.Y. Lur'e. – SPb.: SPbGU, 1993. – 676 s.
26. *Nersesyants V. S.* Pravo i zakon / V.S. Nersesyants. – M.: Naika, 1983. – 368 s.
27. *Surikov I. E.* Avtorskoe nachalo v lirike Solona // Vostochnaya Evropa v drevnosti i spednevekov'e: avtor i ego tekst / I.E. Surikov. – M.: Nauka, 2003. – S. 235–240.
28. *Surikov I. E.* Antichnaya Gretsia: politiki v kontekste epohi. Arhaika i rannya klassika / I.E. Surikov. – M.: Nauka, 2005. – 352 s.
29. *Surikov I. E.* Gostepriimstvo Kreza I aphinyane // Zakon i obichay gostepriimstva v antichnom mire / I.E. Surikov. – M.: Nauka, 1999. – S. 72–79.
30. *Surikov I. E.* Problemi pannego aphinskogo zakonodatel'stva / I.E. Surikov. – M.: Yaziki slavyanskoi kulturi, 2004. – 144 s.
31. *Frolov E. D.* Esimnethia — vibornaya tiraniya, ili vid sotsial'nogo posrednichestva / E.D. Frolov // Frolov E. D. Paradoksi istorii — paradoksi antichnosti. – SPb.: SPbGU, 2004. – S. 76–83.
32. *Frolov E. D.* Tirania glazami drevnego istorika / E.D. Frolov // Frolov E. D. Paradoksi istorii — paradoksi antichnosti. – SPb.: SPbGU, 2004. – S. 128–135.
33. *Hammond N.* Istorija drevnei Gretsii / N. Hammond. – M.: Tsentrpoligraph, 2003. – 704 s.
34. *Shtoll G. W.* Velikie grecheskie pisateli: ocherk klassicheskoi literature grekov v biographiyah / G.W. Shtoll. – SPb.: Tipog. M.M. Stasulevicha, 1901. – 378 s.
35. *Yarho V. N.* Sem' drevnegrecheskih mudretsov / V. N. Yarvo // Yarvo V. N. Epos. Rannya klassika. – M.: Labirint, 2001. – S. 317–327.
36. *Cassirer E.* Logos, Dike, Kosmos in der Entwicklung / E. Cassirer. – Göteborg: 1941 (6). Hogskolas Arsskrift, – Vol. XLVII. – P. 1–31.

М.В. Яровая

Особенности романской судебной системы (на примере Франции)

В качестве критериев типологизации используется анализ структуры судов, их виды, унитарность или множественность судебных режимов; наличие (отсутствие) административной юстиции (ее модель), ювенальной юстиции; структура судов общей юрисдикции, юрисдикции судов первой инстанции и их судоустройство; место и роль специализированных судов; наличие (отсутствие) и место внесудебных органов в общей системе.

Судебная система Франции характеризуется традиционным дуализмом: разделение судов на общегражданские (включающие и уголовные) и административные.

До революции 1789–1794 гг. Парламенты (высшие судебные органы королевства) не раз предпринимали попытки добиться власти наравне с королем на основе так называемого представительства нации парламентским корпусом. Революция и Республика ликвидировали Парламенты и в принципе враждебно относились к судебной власти, к привилегиям магистратов Парламентов. Поэтому и появились многочисленные акты, запрещающие судье вмешиваться в дела администрации. Это разделение произошло в 1790 году. Закон от 16–24 августа 1790 г. (раздел II, ст. 13) определил: «Судебные функции отличны и всегда отделены от административных функций. Под страхом совершения должностного преступления судьи не могут нарушать деятельность административного корпуса». Это положение было закреплено и в Конституции 1791 года (раздел III, глава V, ст. 3). До конца 90-х гг. XVIII столетия гражданин мог подавать жалобу лишь в саму администрацию, что было малоэффективно.

В связи с этим Наполеон Бонапарт в 1799 году учредил советы префектур (административные суды), которые легли в основу дуализма судоустройства. В том же году был создан Государственный совет, в обязанности которого входило консультировать правительство и готовить законодательные документы, а также рассматривать жалобы граждан и готовить проекты ответов для Первого консула. Так, Государственный совет начал отправлять функции правосудия. В XIX веке эта сфера его деятельности расширилась. Закон от 3 марта 1849 года, а затем закон от 24 мая 1872 года официально признали его в качестве судебного органа. Ныне действующая Конституция 1958 года не использует термин судебная «власть», а только «полномочия».

Общегражданская юстиция представлена двумя уровнями судов: судами первой инстанции (гражданскими и уголовными) и судами второй и третьей инстанций (Апелляционным и Кассационным судами). Причем система судопроизводства по административным правонарушениям выделена в отдельную структуру. Во Франции «учреждениями отправления правосудия» (*les institutions judiciaires*) называется совокупность органов, учрежденных государством для обеспечения деятельности администрации и отправления правосудия [2: с. 47], т.е. проведено разграничение между административными и собственно судебными органами. Этот принцип, являющийся основополагающим для судебной системы Франции, нормативно закреплен в ст. 13 Закона от 16 и 24 августа 1790 г. Таким образом, во Франции существует два вида судебных учреждений: собственно судебные учреждения и административные учреждения. Они несут ответственность перед различными вышестоящими организациями: соответственно Кассационный суд для судебных учреждений и Госсовет — для административных. Этот факт означает переход к концепции «сдерживаемого правосудия» [9: р. 87]. Закон от 24 мая 1872 г. определил суверенную власть Госсовета в области административных споров. Таким образом, был осуществлен переход к делегированному правосудию еще в последней четверти XIX века.

Во Франции существует понятие «общегражданская юстиция» (*Les juridictions de droit commun*), в которую входят и уголовные суды. Система судов общей юрисдикции базируется на иерархии уровней отправления правосудия (таких уровней два): Кассационный суд (*Cour de Cassation*), Апелляционные суды (*Cour d'Appel*) и суды первой инстанции. Судебная система имеет два уровня, так как, строго говоря, Апелляционный суд входит в судебную иерархию, но не в систему (с 1790 по 1800 гг. он находился при Кассационном суде). После закона от 15 июня 2000 г. Апелляционные суды (35) остались только в виде Суда присяжных (*Cour d'Assises*).

Кассационный суд (*La Cour de Cassation*), возглавляющий систему общих судов, — одно из старейших государственных учреждений Франции (1790 г.), символизирующее высший судебный контроль и надзор за справедливостью в стране, правильным толкованием и применением законодательства нижестоящими судами, что подтверждается и закрепляется его главной функцией: Кассационный суд не рассматривает дела по существу, его основная функция — проверка в порядке обжалования соответствия закону решений по гражданским и уголовным делам. Если такое решение кассировано, дело направляется на рассмотрение в другой суд того же уровня, что и суд, вынесший решение, отмененное кассационным судом. В случае если новое решение окажется снова в Кассационном суде (далее — КС), пленарное заседание может самостоятельно вынести окончательное решение либо передать дело в новый суд, для которого решение КС об отмене обжалованного решения приобретает обязывающий характер. КС выполняет тем самым роль по унификации судебной практики. С 1991 года в КС может обратиться за заключением любой суд общей юрисдикции [13: р. 87].

В состав КС входят 169 профессиональных судей, заседающих в различных палатах: 5 палат по гражданским делам (3 из которых собственно гражданские, 1 — по торговым и финансовым делам, 1 — по социальным и трудовым вопросам), 1 палата по уголовным делам [7: с. 277–292].

Суды общего права (*Les tribunaux de droit commun*) состоят из Кассационного суда (*Cour de Cassation*), Апелляционных судов (*Cour d'Appel* — всего 33), двух Высших Апелляционных судов, Трибуналов большой инстанции (*Le Tribunal de Grande Instance* — всего 181), Трибуналов малой инстанции (*Le Tribunal d'Instance*); судов ассизов (*Cour d'Assises* — всего 99), исправительных судов, полицейских судов, судов по делам несовершеннолетних. Они функционируют в соответствии с общим принципом единства гражданского и уголовного правосудия, в силу которого они могут решать как гражданские, так и уголовные дела. И тем не менее существует деление судов по гражданским и уголовным делам [6: с. 15–37]. Суды первой инстанции, разбирающие гражданские дела, делятся на трибуналы большого и малого процесса, а разбирающие уголовные дела — на суд ассизов, исправительные трибуналы, полицейские трибуналы, по делам несовершеннолетних.

Структура трибунала сложилась в 1958 году — он унаследовал ее от бывших районных судов. Всего таких судов насчитывается 181: как минимум один на территориальную судебную единицу. В состав данного суда входят как минимум 1 президент и 2 судьи, один из которых — судебный следователь. В более крупных районах суды делятся на палаты, каждая из которых имеет свою специализацию и управляется вице-президентом.

Трибуналы малого процесса, учрежденные в 1958 г. взамен мировых судей и реформированы в 1983 году. В каждом таком трибунале имеется либо один судья, либо достаточно большое их количество, но дела всегда слушаются судьями единолично. В его компетенцию входит разбирательство определенных категорий дел, в том числе по искам имущественного характера на сумму до 30 тыс. евро (решения по делам с суммой иска до 13 тыс. евро не подлежат обжалованию). Им подведомственны следующие категории дел: споры по жилью, бытовые кредиты, вопросы владения собственностью, разграничение земельных участков, денежные и трудовые санкции, опека и попечительство, наложение ареста на премии. Сейчас таких судов насчитывается 473 (по количеству округов). Особенностью этого суда является возможность проведения выездных заседаний [14: р. 102–138].

Современное состояние правосудия во Франции характеризуется, с одной стороны, отказом от создания чрезвычайных судебных органов, а с другой — созданием разветвленной сети специализированных судебных инстанций, а также передачей вынесения решений по типовым спорам соответствующим управленческим учреждениям (например, банковской комиссии — дела о контроле чеков), разумеется, при условии, что вынесенные решения затем могут быть обжалованы в суде общегражданской юрисдикции [15: р. 147]. Судебные учреждения данного типа, как правило, существуют при судах

первой инстанции и выполняют арбитражные или совещательные функции. Смысл их существования определяется либо историей (например, торговые трибуналы), либо соображениями социального порядка [3: с. 84–85]. К системе общих судов, прежде всего на уровне трибунала малого процесса, примыкает ряд внесудебных учреждений, специализирующихся на разбирательстве определенной категории дел. К их числу относятся: торговые трибуналы; советы прюдомов; комиссии по социальному страхованию; паритетные трибуналы по земельной аренде (земельные суды); трибуналы по морской торговле и др. [7: с. 279–280].

Паритетный Трибунал по делам сельского хозяйства (Le Tribunal Paritaire des Vaux Ruraux) был учрежден в 1944 году, реформировался в 1988 г., а с 1990 года существует как самостоятельный судебный орган при каждом Трибунале малой инстанции (всего 413) [10: р. 129–145]. Председателем суда является судья Трибунала малой инстанции, избираемый на 6 лет. Претендентом на эту должность может стать каждый гражданин не моложе 26 лет, являвшийся арендатором или арендодателем не менее 5 лет. Решение выносится коллегиально и паритетно: председатель суда и четыре присяжных судьи (два арендодателя и два арендатора). В компетенцию суда входят конфликты, возникающие из правоотношений между собственником сельскохозяйственной недвижимости и арендатором.

Трибуналы по торговым спорам (Le Tribunal de Commerce) начали свое существование еще на средневековых ярмарках, и с тех пор их деятельность не прекращалась. Компетенция этих трибуналов — тяжбы любого рода между коммерческими предприятиями, коммерческие действия между физическими лицами, незаконное учреждение предприятий, споры, возникающие между участниками любых торговых сделок, между членами товариществ, споры по обязательствам коммерсантов, предпринимателей и банкиров, дела, связанные с ликвидацией предприятий и др. Сейчас существует 228 коммерческих трибуналов со штатом в 3 000 судей-консультантов (les magistrats consultaires), избираемых своими партнерами-предпринимателями [6: с. 97].

Советы прюдомов¹ или Советы по трудовым спорам (Le Conseil de Prud'Hommes) призваны примирять и разрешать конфликты, связанные с заключением, исполнением и расторжением индивидуальных трудовых договоров. Они имеются как минимум по одному в каждом департаменте (всего их насчитывается 282). Этот орган был создан еще при Наполеоне в 1806 году для решения трудовых споров. Свой современный статус (совета) он приобрел после реформы 1979 года [16: р. 156]. В компетенцию данного Совета входят все споры по трудовым вопросам, за исключением государственной заработной платы. Все иски составляют стандартную сумму в 23 500 евро. Возможна апелляция в созданный в 1985 году при министре юстиции и министре труда Высший Совет прюдомов [14: р. 290].

Трибуналы по делам социальной безопасности (Le Tribunal des Affaires de Sécurité Sociale) были созданы по закону от 14.10.1946 г. (с изменениями

¹ Совет сведущих людей, эксперты-профессионалы с безупречной репутацией.

и дополнениями декретами 1958, 1985 и законом 1994 гг.). Председателем трибуналов является судья из Трибунала большой инстанции, помощники которого — представитель социальных служб и работник или независимый предприниматель. Вопрос сначала выносится на рассмотрение комиссией, предлагающей решить спор путем заключения мировой сделки. 116 трибуналов социальной безопасности уполномочены решать все споры, возникающие между гражданами и службами социальной защиты.

Уголовная юстиция (*les juridictions penales*) во Франции входит в общегосударственную, но имеет исключительную направленность судопроизводства, и делится на учреждения преследования и дознания и на судебные следственные [14: р. 57].

Суды ассизов (суды заседателей) рассматривают дела о преступлениях (наиболее тяжких деяниях, влекущих за собой наказание в виде пожизненного или временного лишения свободы), которые переданы ему обвинительной палатой. Состав суда: три магистрата и жюри в составе девяти присяжных. Его постановления не подлежат апелляции, по ним может быть принесена только кассационная жалоба непосредственно в КС. Суды присяжных, в исключительную компетенцию которых входит рассмотрение уголовных дел о тяжких преступлениях, заседают в Париже и в каждом департаменте [14: р. 90–98].

В состав каждого суда входят трое профессиональных судей во главе с председателем (членом Апелляционного суда) и девять присяжных заседателей, призываемых к отправлению этих обязанностей по департаментскому списку избирателей путем жребия после отбора специальными комиссиями. В отличие от решений всех других судов первой инстанции приговор суда присяжных считается принятым в первой и последней инстанции и обжалованию в апелляционном порядке не подлежит, а оправдательный приговор не может быть обжалован обвинением и в кассационном порядке.

Исправительные трибуналы рассматривают дела об уголовных деликтах в первой инстанции. В качестве исправительного может выступать трибунал большого процесса, попеременно разбирающий то гражданские, то уголовные дела. В тех трибуналах большого процесса, где в связи со значительным объемом работы имеется много судей, образуется одна или несколько палат, специализирующихся на рассмотрении уголовных дел. Дела в исправительных трибуналах рассматриваются коллегиями из трех судей. Некоторые категории уголовных дел, связанные с нарушением правил дорожного движения, охоты и рыболовства и др., могут рассматриваться судьями единолично.

Полицейские трибуналы рассматривают в первой инстанции (единолично) дела о наименее значительных уголовных деяниях — проступках, за которые может быть назначен штраф на сумму до 10 тыс. евро либо, в ограниченном числе случаев, арест на срок от одного дня до двух месяцев.

В систему общих судов в качестве специализированных подразделений входят суды по делам несовершеннолетних. Суд присяжных по делам несо-

вершеннолетних рассматривает обвинения в тяжких преступлениях, предъявленные лицам в возрасте от 16 до 18 лет.

Суды исключительной компетенции (*Les juridictions d'exception*) — это суды по делам несовершеннолетних, военные суды, Высокая палата правосудия и Палата правосудия Республики (в большинстве научной литературы даются именно в таком переводе). Автор предлагает более точный перевод — соответственно — Высокий суд правосудия и Высокий суд Республики.

Суды по делам несовершеннолетних (*La juridiction des mineurs*) учреждены ордонансом от 2 февраля 1945 г. и законами от 24 мая 1951 г. и 8 февраля 1995 г. о Суде присяжных для несовершеннолетних. Всего судов по делам несовершеннолетних 131 — как минимум один в каждом округе. Заседания проводятся коллегиально в составе председателя, являющегося судьей по делам несовершеннолетних, и 2 присяжных судей (ассессоров), не являющихся профессиональными судьями и назначенных министром юстиции из лиц, проявивших интерес к проблемам воспитания молодежи (на 4 года). На заседаниях также присутствуют прокурор-специалист по делам несовершеннолетних и секретари Суда большой инстанции.

Ювенальная юстиция представлена судами по делам несовершеннолетних и судьями по делам несовершеннолетних. При этом различают административные и судебные меры воздействия. Административная юрисдикция осуществляется Генеральным советом¹ и службами, подчиняющимися ему, и включает: охрану материнства и младенчества, социальные услуги департамента, социальную помощь детям. Подобные меры могут приниматься в отношении ребенка при условии согласия его родителей. К судебной юрисдикции прибегают в случае, если здоровье, безопасность или моральное состояние несовершеннолетнего находятся в опасности, либо если условия его воспитания не позволяют ему нормально развиваться. В этом случае суд принимает меры по защите неблагополучных детей.

Военная юстиция (*La justice militaire*). В мирное время решение военных дел находится в совместном ведении Трибунала большой инстанции и специализированного суда присяжных, действующего в составе председателя и 6 помощников. Существует 3 вида учреждений по делам военных: Военный трибунал (это суд, находящийся в Германии, Баден-Баден); Суд прево (по делам, сумма штрафа за которые не превышает 3 000 евро); Суд вооруженных сил (Париж). Во время ведения военных действий в соответствии с Конституцией создаются территориальные военные суды, а также военные суды при подразделениях действующей армии.

Особое место, вне системы общих судов, занимают специальные судебные учреждения: Высокий суд правосудия и Высокий суд Республики.

Высокий суд правосудия (*La Haute Cour de la Justice*) был создан в 1958 году. В состав суда входят депутаты парламента и сенаторы. Компетенция — импичмент президента Республики в случае государственной измены. На се-

¹ Генеральный совет — орган местного самоуправления департамента.

годняшний день суд не принял еще ни одного решения. Высокий суд Республики (La Haute Cour de la République) был создан конституционным законом 1993 г. В составе суда — 15 судей, 12 из них — парламентарии, избранные в равных количествах Сенатом и Национальным собранием из числа их членов, трое — члены КС. В компетенцию входит рассмотрение дел по правонарушениям и проступкам, совершенных министрами и членами правительства в процессе исполнения своих служебных обязанностей. Этот суд уже заседал по делу «недостойного поведения» трех министров [15: р. 179–182].

В большинстве судов существует прокуратура, она действует в лице генеральных прокуроров, генеральных адвокатов и их заместителей при Кассационном суде и Апелляционных судах, прокуроров Республики и их заместителей при судах большой инстанции. Все они имеют статус магистратов судебной системы. Прокуратура обладает монополией на осуществление уголовного преследования, а также на исполнение наказаний. Генеральный прокурор возглавляет заседания Счетной палаты, подчиняясь, в свою очередь, министру юстиции.

Магистраты (их 6 287), хотя они и являются уполномоченными государства, в сфере государственной службы наделены самостоятельным статусом, отличающимся от статуса государственного служащего, это обусловлено принципом разделения властей и особым характером судебной власти. Все назначения на должности производятся декретом Президента Республики, но в отношении судебных должностей такие декреты должны приниматься на основании подтверждающего заключения или по предложению Высшего совета магистратуры.

Имеются и специальные судьи: по исполнению судебного решения, по семейным делам (с 1993 года); следственные судьи; по делам об отчуждении.

Административная юстиция (Les juridictions administratives — l'ordre administratif) в целом хорошо изучена в отечественной историографии. Французская административная юстиция имеет ряд особенностей, отличающих ее от общегражданских судов [4: с. 78]. Общегражданские суды (суды общей юрисдикции) состоят из профессиональных судей, имеющих, согласно Конституции и соответствующему органическому закону, особый статус. Административные же трибуналы формируются из числа чиновников. Имеется различие и в правилах процесса: судья не имеет право самостоятельно возбуждать дело, но обязан принимать решение по всем исковым требованиям, сформулированным в заявлении, и только в пределах этих требований; судья может исследовать только те вопросы, которые перед ним поставлены. Государственный совет может сам установить наличие оснований, не указанных в искомом заявлении, если дело касается «мотивов публичного порядка», среди которых выделяются две основные категории. Административное и общегражданское судопроизводство основываются на различных нормах права.

В этой взаимосвязи есть и некоторые исключения. Подобный казус имел место в деле Жири от 23 ноября 1956 г., по которому Кассационный суд вынес постановление о том, что, «когда это оправдывается существом и обстоятель-

ствами дела, обычные суды должны опираться на принципы административного права при условии, что они найдут свое предварительное отражение и уточнение в конкретном решении судьи» [14: p. 157].

Административное судоустройство имеет трехступенчатую иерархию: административные трибуналы (суды первой инстанции) (*Les tribunaux administratifs*); Апелляционные административные суды (*Les Cours administratifs d'appel*), рассматривающие в апелляционном порядке жалобы на решения административных судов первой инстанции; Госсовет (*Le Conseil d'Etat*), в чью компетенцию входит: рассмотрение в кассационном порядке дел, полученных из апелляционных административных судов; рассмотрение в апелляционном порядке дел, по которым вынесены окончательные решения судами первой инстанции; рассмотрение отдельных дел по существу. Наряду с тремя основными уровнями административной юстиции существуют также специализированные административные суды [11: p. 98–122]. Специализированные административные суды — это, в первую очередь, Счетная палата и региональные Счетные палаты (*La Cour des Comptes; les chambres nationales des comptes*) [9: p. 98].

В настоящее время существует 7 административных апелляционных судов (Бордо, Лион, Марсель, Нанси, Нант, Париж, Дуэ), созданных законом от 1 января 1989 г. для разгрузки Государственного совета. Они рассматривают жалобы на решения и ордонансы административных трибуналов по существу дела и жалобы на превышение полномочий.

В качестве центрального высшего органа административной юстиции Франции выступает Государственный совет (*Le Conseil d'Etat*), который, будучи учрежден в качестве консультативного органа при правительстве, до 1872 г. не обладал правом выносить судебные решения в отношении действий администрации, хотя за ним всегда сохранялись функции юридического контроля за сферой государственного управления и подзаконными актами. Позднее он стал осуществлять и непосредственные судебные функции, объем которых был расширен сравнительно недавно, в 50–60-х годах прошлого столетия [12: p. 77].

Единство судебной системы обеспечивает деятельность специального органа — Трибунала по конфликтам (*le Tribunal des conflits*) [10: p. 122–138].

Как известно, из конституционного принципа разделения властей вытекает автономия органов государственной власти, то есть административная юстиция функционирует отдельно от общегражданского правосудия. Однако такое разделение на практике весьма условно, так как одно и то же дело может затрагивать компетенцию и общих, и административных судов. Тем не менее, для Франции принцип разделения судебных юрисдикций является одним из фундаментальных, что подтверждено постановлением Конституционного совета от 23 января 1987 года [1: p. 243].

В законодательстве разделение подсудностей определено с достаточной полнотой, но если возникает пробел в законе, то вопрос о подсудности дела решается в так называемом юрисдикционном производстве. Этой прерогати-

вой обладает Трибунал по конфликтам, который был создан по Конституции 4 ноября 1948 г., упразднен декретом от 15 января 1958 г. и был вновь учрежден законом от 24 мая 1972 г. [2: с. 167]. Трибунал по конфликтам играет посредническую роль арбитра во французской судебной системе, и поэтому он организован на принципе паритетного представительства высокопоставленных судей (*magistrat*) от обеих ветвей правосудия, а именно от лица их высших органов — КС и Государственного совета.

Трибунал по конфликтам завоевал признание и авторитет вполне беспристрастного арбитра в наиболее сложных спорах. Он заседает в Пале Рояль (*Palais Royale*), там же, где и Государственный совет, а секретарем Трибунала является секретарь секции по административному судопроизводству Государственного совета. Права отвода не существует. Заседания проходят при закрытых дверях при кворуме не менее 5 членов, хотя обычно присутствуют все 8 членов. Определение Трибунала оглашается публично и пересмотру не подлежит. Исполнение определений обеспечивает министр юстиции; они обязательны для судей всех степеней и рангов. Для соблюдения паритета докладчиками по спорному производству назначаются поочередно судьи КС и Государственного совета, исходя из регистрационного номера (по всем четным номерам докладчиками выступают представители КС, а по нечетным — Государственного совета). По закону от 20 апреля 1932 г. на Трибунал по конфликтам возложено рассмотрение по существу двух или нескольких противоречащих друг другу решений разных судов с целью вынесения определения [5: с. 245]. Трибунал по конфликтам отнюдь не является высшей инстанцией правосудия, он лишь суверенно гармонизирует сотрудничество между КС и Государственным советом.

Европейская демократия в своем многовековом развитии выработала собственные органы государственной власти, в том числе и судебные, обеспечивающие законность и порядок, защиту прав и свобод граждан. Тип судебной системы зависит от конкретно-исторических особенностей развития государства и органов государственной власти. В Европе исторически сформировалось четыре типа судебных систем (один из них — романский) [8: с. 47], внутри которых конкретные государства сохраняют национальные особенности своих судебных систем.

Литература

1. Ардан Ф. Франция: государственная система / Ф. Ардан. — М.: Спарк, 1994. — 290 с.
2. Боботов С. В. Правосудие во Франции / С.В. Боботов. — М.: Статут, 1994. — 230 с.
3. Елисеев Н. Г. Гражданское процессуальное право зарубежных стран. Источники, судостройство, подсудность / Н.Г. Елисеев. — Глава 3. — М.: Статут, 2000. — 248 с.
4. Кучерена А. Опыт развития административной юстиции в зарубежных странах / А. Кучерена. — М.: Статут, 1998. — 202 с.
5. Крылова Н. Е. Основные черты нового Уголовного кодекса Франции / Н.Е. Крылова. — М.: Спарк, 1996. — 310 с.

6. Судебная система и судебные учреждения / Сост.: П. Трюш; Посольство Франции в РФ. – М.: Гносис, 2003. – 170 с.
7. Судебные системы европейских стран. Council of Europe Publishing. – М.: МО, 2002. – 197 с.
8. Яровая М. В. Типология судебных систем современных европейских государств / М.В. Яровая // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». – 2008. – № 1 (21). – С. 49–54.

References

1. Ardan F. Franciya: gosudarstvennaya sistema / F. Ardan. – М.: Spark, 1994. – 290 с.
2. Bobotov S. V. Pravosudie vo Francii / S.V. Bobotov. – М.: Statut, 1994. – 230 с.
3. Eliseev N. G. Grazdanskoe processualnoe pravo zarubezhnykh stran. Istochniki, sudoustroystvo, podsudnost / N.G. Eliseev. – Glava 3. – М.: Statut, 2000. – 248 с.
4. Kucherena A. Opit razvitiya administrativnoy yusticii v zarubezhnykh stranah / A. Kucherena. – М.: Statut, 1998. – 202 с.
5. Krilova N. E. Osnovnie cherty novogo Ugolovnoho kodeksa Francii / N.E. Krilova. – М.: Spark, 1996. – 310 с.
6. Sudebnaya sistema i sudebnye uchrezhdeniya / Sost.: P. Truch; Posolistvo Francii v RF. – М., Gnosis, 2003. – 170 с.
7. Sudebnye sistemy evropeyskikh stran. Council of Europe Publishing. – М.: МО, 2002. – 197 с.
8. Yarovaya M. V. Tipologiya sudebnykh sistem sovremennykh evropeyskikh gosudarstv / M.V. Yarovaya // Vestnik MGPU. Seriya «Yuridicheskie nauki». – 2008. – № 1 (21). – С. 49–54.

И.Н. Мележик

Федерализм и федерация: историко-теоретический аспект

Понятия федерализм и федерация чаще всего рассматриваются или как синонимы или как самостоятельные термины. Во многих работах не делается различия между федерацией, федеративностью и федерационностью, которую В. Даль определяет как «союз народов, областей или людей; товарищество, братство; заговор; конфедерация» [1]. Аналогичный подход можно заметить и в учебной литературе. Между федерализмом и федерацией ставится знак равенства [2]. Однако если подойти к этому вопросу с точки зрения формирования данных понятий, федерализм и федерация оказываются самостоятельными понятиями. Понятие федерализма можно рассмотреть в нескольких аспектах как:

1) движение в пользу федеративного строя государства. Сторонниками и противниками федерализма могут выступать различные социальные группы, в зависимости от социально-экономической и внутривластной обстановки страны. Иногда федерализм является формой национального движения;

2) система государственного строя;

3) политическое направление в эпоху французской буржуазной революции, представленное жирондистами;

4) течение, проповедующее необходимость образования общества на началах союза отдельных, самостоятельных производственно-потребительских коммун (Прудон, анархисты);

5) политическое течение, противопоставляющее федеративную форму государства с сильной центральной властью местному партикуляризму, т.е. центробежным стремлениям региональных элит, стремящихся к максимальной независимости от центральной власти. (например, в США в конце XVIII и начале XIX вв. партия А. Гамильтона называлась федералистской, поскольку выступала за расширение исключительной компетенции федерального центра, а противников этой партии называли «антифедералистами»).

Федерация рассматривается как союзное государство, которое «в политико-административном отношении не представляет собой единого целого» [3: с. 142]. То есть как объединение государств, при котором субъекты, сохраняя свое государственное существование, создают новое государственное образование, обладающее суверенной властью и собственными органами власти, постановления которых имеют обязательную силу на всей территории федерации. По мнению

современных исследователей, субъектами федерации являются государства или государственные объединения [4: с. 86]. В Федерации устанавливается общесоюзное гражданство. Отдельные государства, вошедшие в состав федерации, сохраняют собственные органы законодательства и управления, но самостоятельность этих властей сужена существованием и компетенцией органов власти союза. Субъекты федерации обладают правом иметь свою собственную судебную систему, (конституция федерации определяет порядок организации, процедуры и предмет деятельности судебных и иных правоохранительных органов субъектов. В федерации используется двухканальная система налогов: федеральные налоги и налоги субъектов федерации. С.А. Комаров признает возможность создания субъектами федерации собственных войсковых формирований [5: с. 42].

В 20–40 гг. XX в. федеративная форма государственного устройства рассматривалась не как самостоятельный институт, а лишь в контексте государственного суверенитета [6]. С.А. Голунский и М.С. Строгович выделяли два типа федерации: принудительный и добровольный [7: с. 35]. В юридическом словаре под редакцией П.И. Кудрявцева федерация рассматривается как «единое государство, являющееся объединением других государств. Федерация — форма государственного устройства» [8: с. 572]. Аналогично федерация толкуется авторами Юридического энциклопедического словаря [9: с. 394]. В Большой Советской Энциклопедии федерализм определяется во-первых, как «форма государственного устройства, существующая обычно в многонациональных государствах (см.: Федерация); а во-вторых, как политическое движение за федеративное устройство» [10: с. 230]. Согласно Юридической энциклопедии федерализм — это принцип территориальной организации государства, предполагающий его устройство в форме федерации; одна из основ конституционного строя; субъекты федерации имеют свои собственные полномочия, которые не могут быть изменены федеральной (центральной) властью в одностороннем порядке [11: с. 474].

Подведем некоторые итоги:

- 1) федерация и федерализм однопорядковые понятия,
- 2) понятие федерализм шире, чем понятие федерация,
- 3) федерализм, являясь идеологической основой государственного устройства, на практике находит свое воплощение в федеральных устройствах различных государств, т.е. федерация является внешним выражением различных идей федерализма.

Федерализм понятие более объемное и содержательное, нежели федерация. Его можно характеризовать как гармоничную концепцию взаимодействия различных уровней публичного властвования, функционирующую на основе взаимно согласованных правил для достижения целей, стоящих перед данным обществом, и при использовании способов и методов, свойственных достигнутому им уровню цивилизационного порядка [12: с. 40–41]. Этим определением федерации отводится прикладная роль при реализации идеи федерализма, а это далеко не так. Ведь федерализм включает в себя не только идеологические, но и эконо-

мические, политические, правовые и духовные явления, определяющие модель федеративного государства и проявляющиеся на различных этапах его формирования. Наиболее четко и полно охарактеризовал соотношение между понятиями «федерализма» и «федерации» В.Е. Чиркин: «Понятие «федерализм» гораздо более сложное, чем «федерация» или «федерирование». Оно объединяет три основных элемента: материальный, организационный и релятивный (отношения)» [13: с. 30]. В федерализме проявляется все многообразие отношений, связанных с федеративной формой государственного устройства. Наиболее значимыми являются политический и правовой федерализм. Принцип федерализма представляет собой одну из составляющих конституционного строя, оказывает огромное влияние на форму государственного устройства, на территориальное распределение власти, на региональное устройство, на взаимоотношения между федерацией и субъектами, между субъектами, (в некоторых случаях и несубъектами); закреплён в федеральных нормативных актах, а также в актах субъектов федерации и органов самоуправления.

Литература

1. Большая Советская Энциклопедия. – Т. 27. – М.: Советская энциклопедия, 1977. – 624 с.
2. Венгеров А. Б. Теория государства и права / А.Б. Венгеров. – М.: Новый юрист, 1998. – 621 с.
3. Голунский С. А. Теория государства и права / С.А. Голунский, М.С. Строгович. – М.: Юридическое издательство НКЮ СССР, 1940. – 303 с.
4. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. / В. Даль. – Т. 4. – М.: Русский язык, 1980. – 684 с.
5. Комаров С. А. Правоведение / С.А. Комаров. – М.: Издательская группа НОРМА-ИНФА, 2001. – 526 с.
6. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / Под ред. Б.А. Страшуна. – Т. 2. – М.: БЕК, 1993. – 245 с.
7. Саликов М. С. Сравнительный федерализм США и России / М.С. Саликов. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного Университета, 1998. – 625 с.
8. Стучка П. Учение о государстве пролетариата и его конституции / П. Стучка. – М.: Юридическое изд-во, 1929. – 67 с.
9. Теория государства и права: Курс лекций / Под ред. Н.И. Матузова, А.В. Малько. – М.: Юристъ, 2001. – 776 с.
10. Федерализм: теория, институты, отношения (сравнительно-правовое исследование) / Отв. ред.: Б.Н. Топорнин. – М.: Юристъ, 2001. – 374 с.
11. Юридический словарь. – Т. 2. – М.: Юридическая литература, 1956. – 663 с.
12. Юридический энциклопедический словарь. – М.: Советская Энциклопедия, 1984. – 415 с.
13. Юридическая энциклопедия / Под ред. М.Ю. Тихомирова. – М.: Юринформцентр, 1997. – 971 с.

References

1. Boliachay Sovetskay enziklopediya. – T. 27. – M.: Sovetskay enziklopediya, 1977. – 624 s.
2. *Vengerov A. B.* Teoria gosudarstva i prava / A.B. Vengerov. M.: Noviy yurist, 1998. – 621 s.
3. *Golunskiy S. A.* Teoria gosudarstva i prava / S.A. Golunskiy, M.S. Strogovich. – M.: Yuridicheskoe izdateliostvo NKY SSSR, 1940. – 303 s.
4. *Dal V.* Tolkoviy slovar zivogo velikorusskogo yazika: V 4-h tt. / V. Dal. – T. 4. – M.: Russkiy yazik, 1980. – 684 s.
5. *Komarov S. A.* Pravovedenie / S.A. Komarov. – M.: Izdateliaskay gruppya NORMA-INFA, 2001. – 526 s.
6. Konstitucionnoje (gosudarstvennoye) pravo zarubeznih stran / Pod red. B.A. Strashuna. – T. 2. – M.: BEK, 1993. – 245 s.
7. *Salikov M. S.* Sravnitelniy federalizm SCHA i Rossii / M.S. Salikov. – Ekaterinburg: Izd-vo Gumanitarnogo Universiteta, 1998. – 625 s.
8. *Stuchka P.* Uchenie o gosudarstve proletariata i yego konstituzii / P. Stuchka. – M.: Yuridicheskoe izd-vo, 1929. – 67 s.
9. Teoria gosudarstva i prava: Kurs lekci / Pod red. N.I. Matuzova, A.V. Malioko. – M.: Yurist, 2001. – 776 s.
10. Federalizm: Teoria, instituti, otnocheniya (sravnitelno-pravovoye issledovanie) / Otv. red. B.N. Topornin. – M.: Yurist, 2001. – 374 s.
11. Yuridicheskij slovar. – T. 2. – M.: Yuridicheskay literature, 1956. – 663 s.
12. Yuridicheskij enziklopedicheskij slovar. – M.: Sovetskay enziklopediya, 1984. – 415 s.
13. Yuridicheskaya enziklopediya / Pod red. M.Y. Tihomirova. – M.: Yurinformatr, 1997. – 971 s.

В.И. Калязин

Проблемы российского федерализма

Федеративное устройство — разновидность государственного устройства. Под государственным устройством принято понимать политико-территориальную организацию государственной власти, определяющей правовое положение региональных частей государства и их взаимоотношения с центральной властью. Различают две основные формы государственного устройства: унитарную и федеративную. Исторически идея федерализма была обоснована в XVIII в. как средство децентрализации управления и, следовательно, для демократизации государственного строя. Современные федеративные государства возникли неодинаковыми путями. Некоторые из них образовались на основе союза независимых государств, другие имели договорное происхождение, многие созданы в результате принятия конституций. Россия является конституционно-договорной федерацией.

Российская Федерация возникла в силу определенных исторических причин. И хотя причины возникновения российской федерации до сих пор вызывают споры, федерализм выступает как единственно возможная форма демократического управления столь обширным государством.

Исследователи различают три основных этапа в развитии российского федерализма:

- 1) создание основ социалистического федерализма (1918–1936);
- 2) утверждение фактического унитаризма в государственном устройстве России (1937–1985);
- 3) реформы государственного устройства (с 1985 года) [1].

Раскрывая сущность понятия «федерализма», следует отметить, что оно имеет два значения — узкое и широкое. В узком смысле оно обозначает взаимоотношения между различными уровнями государственной власти. В более широком понимании федерализм заключается в сочетании самоуправления и долевого правления через конституционное регулирование.

Федеративное устройство Российской Федерации основано на ее государственной целостности, единстве системы государственной власти, разгра-

ничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, равноправии и самоопределении народов в Российской Федерации (ст. 5 Конституции РФ).

Современное развитие российского федерализма сталкивается с рядом проблем. Так, анализируя принцип «равноправия субъектов», важно учитывать, что при рассмотрении внутренней структуры федерации, употребляются два определения: симметричная и асимметричная федерации. В России асимметрия Федерации выражается не столько в различном экономическом и политическом потенциале субъектов, сколько в том, что симметрия, заявленная в Конституции, отрицается самой Конституцией. Так, республики провозглашаются «государствами» (часть 2 ст. 5 Конституции РФ), а другие субъекты такого значения не имеют, республики имеют свою конституцию, а остальные субъекты действуют на основании уставов. Республики могут иметь свое гражданство и свой язык (части 3,4 ст. 5 Конституции РФ). Такая ситуация нарушает и равноправие, и симметрию.

Но есть проблемы и иного плана: в качестве одной из основ федеративного устройства Конституция закрепляет принцип единства системы государственной власти. Он является логическим следствием того, что единый источник власти в Российской Федерации, согласно Конституции, — ее многонациональный народ. Этот принцип гарантирует целостность России и ее суверенитет, обеспечивает слаженное функционирование государственного механизма по осуществлению функций Российского государства во всей их полноте и многообразии.

Реализация данного принципа по горизонтали выражается в том, что федеральные органы государственной власти и органы государственной власти субъектов Федерации, действуя в духе разделения властей как самостоятельные органы, одновременно выступают в качестве единой государственной власти — соответственно федеральной и субъекта Федерации. Это достигается единством ключевых принципов функционирования, производностью полномочий от тех, которыми обладают Федерация или ее субъект, наличием совокупности организационно-правовых «сдержек и противовесов», при которых все органы данного уровня сообразно своим функциям в различных формах участвуют в выработке государственной политики, принятии законов и их осуществлении; политика и законы отражают общую позицию единой государственной власти.

В вертикальном срезе единство системы государственной власти проявляется в определенной структурной схожести органов государственной власти субъектов Федерации и федеральных органов государственной власти. Оно требует, чтобы субъекты Федерации в основном исходили из федеральной схемы взаимоотношений исполнительной и законодательной власти, ориентировались на общие принципы и формы деятельности. Так, в январе 1996 года Конституционный суд Российской Федерации, рассматривая дело: «О проверке конституционности

ряда положений Устава (Основного Закона) Алтайского края» по запросу администрации Алтайского края по оспариванию положения одиннадцати статей Устава Алтайского края на соответствие Конституции Российской Федерации вынес решение: «установленная система органов государственной власти края противоречит основам конституционного строя, принципу разделения властей и не обеспечивает право граждан участвовать в управлении делами государства, в частности в выборах главы исполнительной власти края. Нарушает единство системы органов государственной власти, а также установленный Конституцией Российской Федерации порядок правового регулирования вопросов, относящихся к совместному ведению Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Если главу администрации избирает Законодательное Собрание, то оно тем самым превращается в своеобразную избирательную коллегия, решение которой подменяет прямое волеизъявление избирателей. Такой порядок избрания не соответствует Конституции Российской Федерации и действующему законодательству. Избранный в таком порядке глава администрации не может считаться легитимным независимым представителем исполнительной власти, поскольку ни законодательная, ни исполнительная власть не вправе определять одна для другой ее представителя, в том числе в федеральных органах [2].

Единство системы государственной власти нельзя понимать как право федеральных органов государственной власти вмешиваться в деятельность региональных органов, подменять их и давать указания. В демократическом правовом государстве действует принцип собственной компетенции, за осуществление которой та или иная публично-властная структура несет как правовую, так и политическую ответственность и в осуществление которой (компетенции) никто не вправе вторгаться.

В то же время принцип собственной компетенции не означает бесконтрольности осуществления органами государственной власти (а равно органами местного самоуправления) своих полномочий. Но данный контроль может осуществляться только в пределах и формах, установленных Конституцией и законом, причем главной из этих форм является судебный контроль, к которому могут прибегать как другие органы государственной власти, так и граждане.

Однако в декабре 2004 года были внесены поправки в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», закрепляющие положение, при котором гражданин Российской Федерации наделяется полномочиями высшего должностного лица субъекта Российской Федерации по представлению Президента Российской Федерации законодательным (представительным) органом государственной власти [3]. Ряд ведущих юристов страны, депутатов Государственной Думы, представители оппозиционных партий посчитали это нарушением Конституции Российской Федерации.

Однако Конституционный суд решил иначе и в Постановлении от 21 декабря 2005 года №13-п: «По делу о проверке конституционности отдельных

положений Федерального закона: «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» в связи с жалобами граждан» признал указанный порядок наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта российской федерации не противоречащим Конституции Российской Федерации [4].

В связи с этим хочется привести особое мнение судьи Конституционного Суда В.Г. Ярославцева по данному решению: «Внешне демократичная декоративность нового порядка наделения полномочиями высшего должностного лица субъекта российской федерации не может скрыть основной цели преобразований — отторжение народа от свободных выборов указанного лица, что прямо противоречит принципу народовластия. Так как согласно закрепленной схеме наделения полномочиями должностных лиц народ как самостоятельный субъект конституционных правоотношений отсутствует» [4].

Более критичен другой член Конституционного Суда А.Л. Кононов: «Очевидно, что данный механизм наделения полномочиями глав субъектов представляет стопроцентную юридическую гарантию Президенту реализовывать свою политическую волю и проводить любого нужного ему кандидата. Региональный парламент представлен лишь для создания видимости легитимизации должностного лица президентом, т.е. федеральной властью, и, по сути, являясь ее агентом, не обладает никакой самостоятельностью и лишен какой бы то ни было независимости, поскольку может быть отстранен от должности волей президента в любой момент и без объяснения причин. Ибо утрата доверия президента может означать все, что угодно, включая и утрату лояльности, преданности, партийности. Иными словами самостоятельная ветвь исполнительной власти субъекта Российской Федерации просто превращается в подразделение федеральной структуры» [4].

События последних дней доказали правоту данных суждений. Так 16 февраля 2009 года стало известно, что президент России удовлетворил прошение об отставке трех глав регионов — губернаторов Орловской и Псковской областей (Егора Строева и Михаила Кузнецова), а также главы Ненецкого автономного округа Валерия Потапенко. На их места президент рекомендовал местным законодательным собраниям, соответственно, Александра Козлова, Андрея Турчака и Игоря Федорова.

В марте Государственная Дума приняла Законопроект «О внесении изменений в федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов власти субъектов РФ» и федеральный закон «О политических партиях». Они дают партии, занявшей первое место на региональных выборах, предлагать президенту кандидатуры на посты глав субъектов российской Федерации.

Отныне партии-победительницы не позднее чем за 90 дней до истечения срока полномочий главы субъекта должны представить главе государства не менее трех кандидатов на эту должность. На выбор президенту отводит-

ся 30 суток, по истечении которых глава государства может забраковать всю тройку. Если же партия решила отказаться от предоставленного ей права или предоставила не трех кандидатов, президент может сам внести кандидатуру главы региона в законодательное собрание для наделения его полномочиями. Таким образом властные полномочия президента по формированию глав субъектов российской федерации закрепляются еще больше.

Суверенитет, целостность, единая система государственной власти и централизация управления, как известно, характерны для унитарного государства. Федерацию же отличают как минимум, возможность ее субъектов самостоятельно, без какого-либо вмешательства центральной власти образовывать собственные органы государственной власти и взаимного разграничения предметов ведения и полномочий. Установленный порядок назначения губернаторов не соответствует принципам федерализма.

Литература

1. *Баглай М. В.* Конституционное право Российской федерации: Учебник для вузов / М.В. Баглай, Б.Н. Габричидзе. – М.: Издательская группа «ИНФРА-М – Кодекс», 1996. – 512 с.
2. Собрание законодательства РФ. – № 4. – 22.01.1996 г. – 409 с.
3. Собрание законодательства РФ. – № 40. – 06.10.2004 г. – 216 с.
4. Собрание законодательства РФ. – № 3. – 2006. – 336 с.

References

1. *Baglai M. V.* Konstitucionnoe pravo Rossiiskoi federacii: Uchebnik dlya vyzov / M.V. Baglai., B.N. Gabrichidze. – M.: Izdatel'skaya gruppa «INFRA-M – Kodex», 1996. – 512 s.
2. Sobranie zakonodatelstva RF. – № 4. – 22.01.1996 g. – 409 s.
3. Sobranie zakonodatelstva RF. – № 40. – 06.10.2004 g. – 216 s.
4. Sobranie zakonodatelstva RF. – № 3. – 2006. – 336 s.

Г.В. Матвиенко

К вопросу о подведомственности рассмотрения дел о нарушениях таможенных правил¹

Вопросы подведомственности рассмотрения дел об административных правонарушениях в таможенной сфере можно отнести к разряду самых сложных. Казалось бы, законодатель четко разграничил сферы влияния, однако отсутствие единого подхода в толковании и, как следствие, — в применении норм Кодекса РФ² об административных правонарушениях (далее по тексту — КоАП РФ) судами и органами прокуратуры, приводят на практике к серьезным проблемам, вызывающим «сбои» и в работе таможенных органов.

Проблемам подведомственности дел об административных правонарушениях в науке уделено немало внимания.

Ученые едины в том, что данная категория является частью компетенции властных субъектов, отражает особенности их полномочий [2: с. 45–70; 4: с. 10–12; 5: с. 246–248]³.

Д.Н. Бахрах предлагает следующее определение подведомственности: «...Ведасть делами — значит решать вопросы в отношении определенных индивидуальных и коллективных субъектов права. Для лидирующих субъектов подведомственность — это компонент их компетенции, который связывает их полномочия с определенными объектами властного воздействия, обязывает их производить определенные действия, решать дела, составлять документы и т.д. Она определяет предметные, территориальные границы полномочий. А для другой стороны властного правоотношения подведомственность означает ее правовую зависимость от того, кто ведает, уполномочен, кому подведомственны дела, вопросы, иные объекты властного воздействия» [1: с. 216].

Кто же вправе рассматривать дела о нарушениях таможенных правил (далее по тексту — НТП)? Ответ на этот вопрос содержат положения ст. 23. 1, 23. 8 КоАП РФ. Обязательный судебный порядок рассмотрения дела предусмотрен

¹ Работа выполнена при поддержке «КонсультантПлюс».

² Кодекс РФ об административных правонарушениях: [принят Гос. Думой 20 декабря 2001 г., с изм. и доп., включая от 24 июля 2009 г.] // Последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12 октября 2009 г.).

³ См. также: Административное право: Учебник / Под ред. Л.Л. Попова. — 2-е изд., переработ. и доп. — М.: Юрист, 2005 (Электронная версия «КонсультантПлюс», § 3 главы 14). См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12 октября 2009 г.).

для тех административных правонарушений в таможенной сфере, объективную сторону которых характеризует сокрытие товаров от таможенного контроля. Такие деяния квалифицируются по ч. 2 ст. 16. 1 КоАП РФ. Это, так называемая, безальтернативная подведомственность суда общей юрисдикции или мирового судьи (ч. 1 ст. 23. 1 КоАП РФ).

Вместе с тем законодатель предусматривает случаи, когда таможенный орган, должностное лицо, к которым поступило дело на рассмотрение, могут передать его судье (ч. 2 ст. 23. 1 КоАП РФ) (альтернативная подведомственность).

К ним относятся все те ситуации, при которых в качестве основной или дополнительной меры наказания предусмотрена конфискация. Например, в случае сообщения таможенному органу перевозчиком недостоверной информации по прибытии на таможенную территорию России (ч. 3 ст. 16. 1 КоАП РФ). Всего в части 2 ст. 23. 1 КоАП РФ названо около 20-ти составов НТП, отнесенные законодателем к альтернативной подведомственности.

Вопрос о необходимости передачи дела в суд решает должностное лицо таможенного органа самостоятельно, если конфискация предусмотрена в качестве альтернативного наказания за совершение правонарушения и независимо от того, в отношении какого лица возбуждено дело (кроме военнослужащего, если дело возбуждено по указанным составам). Это следует из смысла положений статьи 23. 1 КоАП РФ. Подобной позиции придерживается и ФТС России¹.

Дела о НТП, которые указаны в ч. 1 и 2 ст. 23. 1 КоАП РФ, и производство, по которым осуществляется в форме административного расследования, рассматриваются судьями районных судов (см. подробнее: ч. 3 ст. 23. 1 КоАП).

Позиция Верховного Суда РФ по данному вопросу была высказана в постановлении Пленума от 24 марта 2005 г. № 5, в котором указано:

«При решении вопроса о подведомственности и подсудности судьям судов общей юрисдикции дел об административных правонарушениях необходимо исходить из положений, закрепленных в главе 23 КоАП РФ, согласно которым к компетенции судей отнесены дела, перечисленные в части 1 статьи 23.1 КоАП РФ, учитывая при этом следующее:

а) судьи районных судов рассматривают дела об административных правонарушениях, указанных в частях 1 и 2 статьи 23. 1 КоАП РФ, в том случае, когда по делу проводилось административное расследование (статья 28. 7 КоАП РФ) либо когда санкция статьи, устанавливающей ответственность за административное правонарушение, предусматривает возможность назначения наказания в виде административного выдворения за пределы Российской Федерации (абзац второй части 3 статьи 23. 1 КоАП РФ)...

в) судьи рассматривают также отнесенные к компетенции иных органов (должностных лиц) дела, указанные в части 2 статьи 23. 1 КоАП РФ, при условии,

¹ Приказ ФТС России от 28 апреля 2007 г. № 552 «Об утверждении порядка направления (передачи) судьям дел об административных правонарушениях для рассмотрения» (с изм. и доп. от 1 февраля 2008 г.) // Документ опубликован не был. Его электронная версия содержится в справочно-правовой системе «КонсультантПлюс»: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12 октября 2009 г.).

что они были переданы на их рассмотрение в связи с тем, что уполномоченный орган (должностное лицо) с учетом характера совершенного правонарушения, личности лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, и других указанных в законе обстоятельств, признал необходимым обсудить вопрос о возможности применения мер наказания, назначение которых отнесено к исключительной компетенции судей».

Итак, Верховный Суд РФ толкует положения ст. 23. 1 КоАП РФ расширительно, полагая, что проведение административного расследования обязывает должностных лиц органов исполнительной власти (в нашем случае — должностных лиц таможенных органов) передавать дела на рассмотрение в суд¹.

Между тем, Верховный Суд РФ признает возможность самостоятельного решения вопроса о передаче дел, возбужденных по составам, указанным в части 2 ст. 23. 1 КоАП РФ, в судебную инстанцию по решению должностного лица таможенного органа.

Полагаем, что положение части 3 ст. 23. 1 КоАП РФ не обязывает по названному в ч. 1, 2 ст. 23. 1 КоАП РФ составам НТП проводить административное расследование. И даже проведение административного расследования по составам, перечисленным в ч. 2 ст. 23.1 КоАП РФ, не всегда означает необходимость передачи дела в суд. В противном случае, в ст. 23. 8 КоАП РФ, устанавливающей подведомственность дел о НТП таможенным органам, были бы исключены все составы правонарушений, за совершение которых предусмотрено наказание в виде конфискации. В данной норме законодатель также установил бы, что таможенные органы рассматривают дела о НТП только в случае, если по делу не проводилось административное расследование. А в статье 28. 7 КоАП РФ было бы четко указано, что по данным составам всегда следует проводить административное расследование.

Представляется, что законодатель в части 3 ст. 23. 1 КоАП РФ подразумевает следующее: если возникла необходимость назначить конфискацию, а по делу о НТП проводилось административное расследование, а также в случае проведения расследования по делу, относящемуся к безальтернативной компетенции суда, оно подлежит направлению в районный суд по месту нахождения таможенного органа.

Если в рассматриваемой ситуации административное расследование не проводилось, оно подлежит рассмотрению мировым судьей.

Примечательно, что разъяснения Верховного Суда РФ по данному вопросу, по сути подменившие нормы Закона, были восприняты как руководство к действию не только судами, но и органами прокуратуры. По стране прокатилась волна отмены постановлений по делам о нарушениях таможенных правил, вынесенных таможенными органами, на основании жалоб лиц, привлекаемых к ответственности, поданных в суды общей юрисдикции, а также протестов

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда РФ от 27 февраля 2008 г. «Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2007 года» (ответ на вопрос 10) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2008. – № 5: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12 октября 2009 г.).

прокуроров. Генеральная прокуратура РФ со своей стороны, в ответ на запрос ФТС России прекратила подобную практику, согласившись с доводами Службы, основанными на Законе. Однако Верховный Суд РФ в ответ на официальное письмо ФТС России менять свое мнение отказался. К чему это приведет? По мнению ведущих специалистов ФТС России, это станет причиной перегрузки судов общей юрисдикции (что уже есть на практике), с одной стороны, а с другой — поставит барьер для участия в производстве по делам о НТП, возбуждаемым в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей, арбитражных судов. Напомним, что дела об административных правонарушениях в области таможенного дела, возбуждаемые в отношении индивидуальных предпринимателей и юридических лиц, рассматриваются таможенными органами или судами общей юрисдикции. Однако арбитражный суд в порядке АПК РФ вправе возбудить дело на основании заявления об оспаривании постановлений, вынесенных таможенными органами в отношении указанных субъектов административной ответственности.

Таким образом, Верховный Суд РФ невольно взял на себя функцию законодателя: определять подсудность рассмотрения жалоб на постановления по делам о нарушениях таможенных правил.

Совершенно справедливо высказывание А.Б. Лисюткина о том, что «...ошибки, допускаемые в пределах официального нормативного толкования, препятствуют правильному применению норм права» [3: с. 213].

В ходе решения вопроса о подведомственности рассмотрения дел о НТП следует помнить, что существует еще одно исключение из общего правила.

Дела о НТП, административная ответственность за совершение которых установлена статьями главы 16, перечисленными в частях 1, 2 ст. 23. 1 КоАП РФ, и совершенных военнослужащими и гражданами, призванными на военные сборы, рассматриваются судьями гарнизонных военных судов.

Согласно части 1 ст. 29. 5 КоАП РФ, дело об административном правонарушении рассматривается по месту его совершения. По ходатайству лица, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, дело может быть рассмотрено по месту жительства данного лица.

Если по делу проводилось административное расследование, оно рассматривается судом (или таможенным органом) по месту нахождения таможенного органа, его проводившего. Это общее правило, закрепленное в части 2 ст. 29. 5 КоАП РФ.

Согласно статье 28. 3 КоАП РФ таможенные органы рассматривают дела об административных правонарушениях, предусмотренных статьями частями 1 и 3 ст. 16. 1, ст. 16. 2 – 16. 23 КоАП РФ.

От имени таможенных органов дела рассматривают: руководитель федерального органа исполнительной власти, уполномоченного в области таможенного дела, его заместители (руководитель ФТС, его заместители); начальники региональных таможенных управлений, их заместители; начальники таможен, их заместители; начальники таможенных постов — только дела

об административных правонарушениях, совершенных физическими лицами. Таким образом, законодатель разграничивает *территориальную и должностную подведомственность дел о НТП* между таможенными органами.

В целях организации ведения производства по делам о нарушениях таможенных правил в структуре таможенных органов созданы и функционируют соответствующие подразделения.

Подведомственность дел о нарушениях таможенных правил тесно связана с квалификацией деяния: ошибка в этом вопросе может привести к передаче дела на рассмотрение в некомпетентный орган, и, как следствие, — к нарушению прав невластных участников производства по делу. Примечательно, что ФТС России не осуществляет нормотворчество по вопросам квалификации по делам об административных правонарушениях, однако принимает методические рекомендации в виде писем. Не стоит заблуждаться насчет юридической силы таких рекомендаций: они не являются нормативными правовыми актами. Однако практика таможенных органов складывается так же, как и в судебной системе: любое разъяснение ФТС России воспринимается как руководство к действию. Следует признать высокий профессиональный уровень содержащихся в подобных рекомендациях разъяснений. Подобное мнение разделяют Верховный и Высший Арбитражный суды РФ.

Так, например, Постановление Пленума Верховного Суда РФ, разъяснившее особенности применения главы 16 КоАП РФ¹, основано на методических рекомендациях ФТС России о квалификации дел о нарушениях таможенных правил².

Поскольку отдельные статьи главы 16 КоАП РФ корреспондируют с нормами ст. 15. 25 «Нарушение валютного законодательства и актов органов валютного регулирования», а таможенные органы вправе возбуждать дела по составам данной статьи, ФТС России разъясняет особенности квалификации административных правонарушений такого рода. Представляется, что по данному вопросу следует издать отдельный правовой акт, принятый совместно Федеральной таможенной службой и Минфином России, в ведении которого находится Федеральная служба финансово-бюджетного надзора (орган валютного контроля, применяющий меры административной ответственности за «валютные» правонарушения). Это позволит оперативно решать вопросы толкования, избежать проблем внесудебного правоприменения положений Особенной части КоАП РФ.

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 октября 2006 г. № 18 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при применении Особенной части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2006. — № 12: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 12 октября 2009 г.).

² Методические рекомендации по квалификации и расследованию административных правонарушений в области таможенного дела (нарушений таможенных правил), утв. письмом ФТС России от 28 апреля 2007 г. № 01-06/16066 «О методическом пособии» // Документ содержится на официальном сервере ФТС России: URL: <http://www.customs.ru> (дата обращения: 12 октября 2009 г.).

Литература

1. *Бахрах Д. Н.* Очерки теории российского права / Д.Н. Бахрах. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2008. – 288 с.
2. *Косоногова О. В.* Рассмотрение дел об административных правонарушениях судьями арбитражных судов: Монография / О.В. Косоногова; под ред. Ю.Н. Старилова. – Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 2007. – 245 с.
3. *Лисюткин А. Б.* Юридическое значение категории «ошибка»: теоретико-методологический аспект / А.Б. Лисюткин; под ред. Н.И. Матuzова. – Саратов: СГАП, 2001. – 348 с.
4. *Масленников М. Я.* Административная юстиция и административное судопроизводство: Соотношение с административным процессом, процессуально-правовая регламентация, перспективы развития / М.Я. Масленников // Государство и право. – 2002. – № 9. – С. 10–18.
5. *Стариков Ю. Н.* Административная юстиция: Теория, история, перспективы / Ю.Н. Стариков. – М.: НОРМА-ИНФРА, 2001. – 292 с.

References

1. *Bahrah D. N.* Ocherki teoriiy rossiyskogo prava / D.N. Bahrah. – М.: NORMA-INFRA, 2008. – 288 с.
2. *Kosonogova O. V.* Rassmotrenie del ob administrativnih pravonaruscheniyah sudiyami arbitrazhnykh sudov: Monografiya / O.V. Kosonogova; pod. red. Yu.N. Starilova. – Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. universiteta. 2007. – 245 s.
3. *Lisyutkin A. B.* Yuridicheskoe znachenie kategorii «oshibka»: teoretiko-metodologicheskiiy aspekt / A.B. Lisyutkin; pod red. N.I. Matuzova. – Saratov: SGAP, 2001. – 348 s.
4. *Maslennikov M. Ya.* Administrativnaya yustiziya i administrativnoe sudoproizvodstvo: Sootnoschenie s administrativnyim processom, prozessualno-pravovaya reglamentaziya, perspektiviyi razvitiya / M.Ya. Maslennikov // Gosudarstvo i pravo. – 2002. – № 9. – S. 10–18.
5. *Starilov Yu. N.* Administrativnaya yustiziya: Teoriya, istoriya, perspektiviyi / Yu.N. Starilov. – М.: NORMA-INFRA, 2001. – 292 s.

Н.Р. Косевич

Становление и развитие уголовной политики в дореволюционной России

Цивилизованность любого общества во многом определяется местом и ролью в нем права и правовой науки. Поэтому формирование социума, его нормальное функционирование и развитие невозможно без утверждения в практической деятельности людей научно обоснованных правовых начал управления социальными процессами. Это в полной мере относится и к теории уголовной политики, оказывающей базисное влияние на уголовное право и являющейся основанием для разработки стратегии и тактики обеспечения правопорядка и борьбы с преступностью [8: с. 25–26].

Уголовное право представляет собой систему соответствующих юридических норм, уголовная политика предстает в виде руководящих идей, которые определяют содержание уголовно-правовых норм и институтов, направление деятельности государственных структур, правоприменительных и правоохранительных органов по борьбе с преступностью. Право — консервативное и устойчивое явление. Уголовная политика более подвижна, она чутче реагирует на изменившуюся обстановку (социально-экономическую, политическую, криминологическую и пр.) и нередко подвержена существенным изменениям при относительной стабильности уголовного законодательства. Уголовное право является инструментом уголовной политики. Управление практическим применением норм уголовного права означает проведение в жизнь уголовной политики государства [8: с. 26].

Уголовно-политический элемент применительно к уголовному праву появился достаточно давно, однако формирование уголовной политики как научной дисциплины имеет сравнительно небольшой срок.

В момент появления уголовной политики наиболее распространенным было мнение о том, что эта новая наука является как бы прикладной к догме уголовного права [5: с. 1]. Догма уголовного права, вся построенная по системе гражданского права, исследующая не явления действительной жизни, а лишь юридические формы этих явлений, в этот момент оказывается несостоятельной для освещения существующей преступности, ее причин и мер борьбы с преступностью. Понятна поэтому потребность в какой-то новой науке. Но новая наука не может быть прикладной к догме, потому что ей нечего от последней заимствовать, ей надо изучать реальную действительную преступность и ее причины, а не юридические формы таковой в современном законодательстве [9: с. 317–318].

Стремление создать особую науку политики как прикладную особенно ярко проявилось в немецкой науке государственного права, и тогда же соответственную и правильную оценку всему этому движению дал В.И. Сергеевич в своем исследовании «Задачи и метод государственных наук» 1871 г. [13].

В России внимание к проблеме уголовной политики было обращено во второй половине XIX в.

Пожалуй, первым сформулировать понятие уголовной политики попытался Н.А. Неклюдов. В 1865 году, не высказываясь прямо за расширение рамок науки уголовного права, перешел в своей работе «Уголовно-статистические этюды. Этюд первый: Рассуждение, написанное для получения степени магистра уголовного права» юридические пределы и при этом выработал определение, которое справедливо и в наше время и требует лишь дополнений. «Уголовная политика государства, — сказал он, — основанная на уголовной статистике, будет государственная мудрость, против которой будет бессильна всякая борьба, потому что каждая такая мера, каждый такой закон будет, по прекрасному выражению Цицерона, не созданным искусственно, но выработанным жизнью, а жизнь не может противодействовать своим же собственным потребностям и благу» [12: с. 234].

Если добавить сюда, что научная разработка этой уголовной политики составляет одну из главнейших задач криминалиста, то получим формулу, дальше которой во времена Неклюдова пойти было нельзя, ибо об уголовной социологии и антропологии еще и речи не было [9: с. 321].

В 1872 году в статье «Задачи науки уголовного права» [7] профессор М.В. Духовской представил широкую программу науки уголовного права, не упомянув лишь о не разработанных тогда данных уголовно-антропологического характера, и указал на необходимость, не ограничиваясь строго юридической работой, приступить к широкому изучению причин преступности. М.В. Духовской возложил на уголовное право обязанность указывать государству средства для успешной борьбы с преступностью и для реорганизации карательных мер в духе отказа от теории возмездия. Он подчеркивал, что наука уголовного права должна ведать превентивными мерами и не стесняться указанием необходимых социальных реформ, т.е. высказался за введение в науку уголовного права научно обусловленного уголовно-политического элемента.

Почти одновременно выдвинул свою теорию профессор И.Я. Фойницкий [16]. В его взглядах заложена идея компромисса между крайними мнениями враждующих в науке уголовного права лагерей: он, в отличие от крайних новаторов, глубоко уважал юридический элемент в науке, ибо уголовной догматике посвящены два его капитальных труда; он же в полной мере признавал необходимость уголовно-политического элемента. Определение термина «уголовная политика» автором не дается, но из его трудов вытекает, что он возлагает на уголовную политику обязанность вырабатывать указания для уголовного законодателя в деле наилучшей охраны правопорядка и целесообразно поставленной борьбы с преступностью [18: с. 13].

В начале XX века в русской юридической науке еще не существовало цельного понимания уголовной политики. В трудах, имеющих уголовно-политическое содержание, были разработаны лишь отдельные вопросы. Таковыми, например, являлись произведения Л.Е. Владимирова «Уголовный законодатель как воспитатель народа» [1], С.П. Мокринского «Наказание, его цели и предположения» [11], М.Н. Гернета «Социальные факторы преступности» [4], И.Я. Фойницкого «Учение о наказании в связи с тюремоведением» [17], Н.С. Таганцева «Русское уголовное право» [14, 15] и многие другие.

Никто из вышеупомянутых авторов не ставил задачи систематизировать весь уголовно-политический материал. Предпринимались попытки объединить уголовное право, криминологию, криминалистику в единое научное направление.

Одну из наиболее удачных попыток провести полный исторический анализ появления уголовно-политических идей и уголовной политики в целом предпринял профессор М.П. Чубинский в работе «Очерки уголовной политики: Понятие, история и основные проблемы уголовной политики» [19]. В этот период М.П. Чубинский определял уголовную политику как ветвь уголовного права для разработки улучшения правосознания. Эту точку зрения разделяли и другие ученые [2: с. 179–181]. Однако, полемизируя с М.П. Чубинским, профессор С.К. Гогель писал, что все учения, представленные автором, не выходят из области теории репрессии и главным образом обосновывают цели и право наказания. Об этом свидетельствуют приведенные в его работе соображения Платона о том, что преступление нарушает «мировую и внутреннюю гармонию» в человеке, а наказание восстанавливает эту гармонию; некоторые положения учения Гегеля, в соответствии с которыми наказание является необходимым элементом диалектического закона развития всего существующего. Он считал, что эти философские системы в сущности не имеют никакого отношения к современной уголовной политике, как науке. По его мнению, уголовная политика основывается «на положительных данных, получающихся при изучении реальной преступности», с отрицанием первостепенного значения репрессии в деле борьбы с преступностью [5: с. 62–63].

Необходимо отдельно отметить, что в работах С.К. Гогеля «Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией» [5] и М.П. Чубинского «Очерки уголовной политики: Понятие, история и основные проблемы уголовной политики» [19] и «Курс уголовной политики» [18] наиболее полно, на тот период, рассмотрены этапы возникновения и развития уголовной политики в России и других европейских странах.

На основе анализа научных представлений того времени об уголовной политике можно сделать выводы, которые представляют несомненный научный интерес и в настоящее время. Остановимся несколько подробнее.

В начале прошлого века уголовное право, по наблюдению М.П. Чубинского, из дисциплины строго юридической сделалось дисциплиной юридико-политической. «Догматический элемент не может заполнить собой все содер-

жание науки уголовного права: рядом с ним в качестве равноправного научного члена должен стать уголовно-политический элемент. Общество, страдающее от зла преступления, имеет право предъявлять к науке более обширные требования, чем познание, разработка и систематизация юридической оболочки явлений преступности; большего требует и само понятие, связываемое со словом «наука»... Дать надлежащие указания для организации дела борьбы с преступностью — это и есть основная задача уголовной политики; она должна намечать необходимые в этом отношении реформы и заботиться о создании лучшего уголовного законодательства» [20: с. 46].

Именно М.П. Чубинским были разработаны основы уголовной политики, вполне адаптируемые к современным реалиям. К сожалению, сохраняет актуальность и высказывание М.П. Чубинского о статусе уголовной политики: «В то время как догматика была любимой дочерью каждой юридической науки, уголовная политика являлась и является падчерицей, и притом падчерицей, непризнаваемой по незаконности происхождения от этиологии, супружеский союз которой с юриспруденцией отвергается» [20: с. 5]. Рассматривая уголовную политику как «ветвь» науки уголовного права, М.П. Чубинский подчеркивает, что «она призвана вырабатывать указания для наилучшей постановки в данной стране дела уголовного правосудия как путем социальных реформ, так и путем создания лучшего уголовного законодательства. Поэтому она распадается на политику превентивную и политику репрессивную и имеет главной, но не единственной задачей борьбу с преступностью» [20: с. 78]. М.П. Чубинский ясно понимал, что превенция и репрессия преследуют одну и ту же цель — действенную борьбу с преступностью: «Нас не должно смущать, что в науке уголовного права «тщательное отделение превенции от репрессии еще и ныне почитается классическим»; требовать этого отделения так же нерационально, как требовать от врача, чтобы он не занимался мерами гигиены» [20: с. 73]. Расширенная наука уголовного права, по мнению М.П. Чубинского, должна состоять из уголовной догматики, уголовной политики и уголовной этиологии [21: с. 97]. Тем самым в отечественной юридической науке был заложен фундамент для дальнейшего формирования уголовной политики не только как элемента «расширенного» уголовного права, но и как составной части социально-правовой политики государства в целом.

С.К. Гогель в своей фундаментальной работе «Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией» также выделял два ключевых направления данной сферы государственной политико-правовой деятельности: репрессивное и превентивное.

Необходимо отметить, что данные подходы к пониманию сущности уголовной политики сохранились и до настоящего времени.

По мнению С.К. Гогеля, уголовная политика представляет собой учение о существующих мерах борьбы с преступностью. Не занимаясь вовсе юридическими формами преступности, она уделяет внимание и мерам репрессии, соответственно с признанным на тот период малым удельным их весом для борьбы с преступностью, чем мерам превентивным. Уголовная политика,

главным образом, должна подробно выяснять происходящий в настоящее время крутой поворот в постановке мер репрессии, из коих новейшие могут быть причислены к репрессивным мерам только номинально.

Преступность — одно из самых сложных явлений социальной жизни и как вся социальная жизнь оно определяется и вызывается целым рядом причин: чисто внешних (природой, климатом, временем года и т.д.), антропо-биологических, а также коренящихся в наклонностях, характере людей данной расы, народа, и, наконец, причин, уходящих в глубь истории, социального и политического строя общества.

Ближайшей причиной каждого социального явления всегда следует признавать социальное состояние, которое ему предшествовало. В основе всего изучения — общепризнанное, неоспоримое положение о существовании, во-первых, закона причинности, и, во-вторых, об однообразии путей, избираемых природой как внешней, так и социальной в своих созданиях.

Эти законы неизменны, и законодатель не может изменить их по своей воле, он должен сообразовываться с ними. Однако не следует забывать, что одним из факторов социальных явлений всегда является целесообразная, сознательная человеческая деятельность. Если основная наука, например, пришла к заключению, что главной причиной значительной части преступлений является особое состояние заброшенности, одиночества, отдельной личности, т.е. социальное явление, то уголовная политика, изучая те мероприятия, которые современным культурным человечеством применяются в борьбе с этим явлением, оценивает их главным образом с точки зрения их целесообразности, т.е. того, в какой мере они ослабляют вредные последствия этого социального явления.

При построении науки уголовной политики следует учитывать, что она не может претендовать на положение какого-то верховного указчика для законодателя, судьи и администратора. Как наука прикладная, предлагающая меры для борьбы с социальными бедами современных культурных народов, она должна считаться с общим культурным строем этих народов, и прежде всего с тем, что все они в настоящее время пользуются так называемым «правовым государственным строем», при котором права человеческой личности представляются благом ненарушимым, ограждаемым основными законами [5: с. 8].

Литература

1. *Владимиров Л. Е.* Уголовный законодатель как воспитатель народа / Л.Е. Владимиров. — М.: Т-во скоропеч. А.А. Левенсон, 1903. — 256 с.
2. *Владимиров Л. Е.* Курс уголовного права. Часть первая: Основы нынешнего уголовного права / Л.Е. Владимиров. — М.: Тип. И.Д. Сытина, 1908. — 387 с.
3. *Гальперин И. М.* Предмет уголовной политики и основные направления ее изучения / И.М. Гальперин, В.И. Курляндский // Основные направления борьбы с преступностью. — М.: Юрид. литература, 1975. — С. 5–28.

4. *Гернет М. Н.* Социальные факторы преступности / М.Н. Гернет. – М.: Университетская тип., 1905. – 203 с.
5. *Гогель С. К.* Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией / С.К. Гогель. – СПб.: Юрид. кн. скл. «Право», 1910. – 511 с.
6. *Горский Г. Ф.* Научные основы организации и деятельности следственного аппарата в СССР / Г.Ф. Горский. – Воронеж: ВГУ, 1970. – 112 с.
7. *Духовской М. В.* Задачи науки уголовного права / М.В. Духовской // Временник Демидовского Юридич. Лицея. – Ярославль, 1873. – Кн. IV. – 33 с.
8. *Лесников Г. Ю.* К вопросу о понятии уголовной политики / Г.Ю. Лесников // Российский следователь. – 2005. – № 6. – С. 25–29.
9. *Лесников Г. Ю.* Становление научных представлений об уголовной политике на рубеже XIX–XX веков / Г.Ю. Лесников // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2003. – № 2. – С. 316–322.
10. *Лист Ф.* Задачи уголовной политики. В изложении Б. Гурвича / Ф. Лист. – СПб., 1895. – 142 с. – Переиздано: Лист Ф. Задачи уголовной политики. Преступление как социально-патологическое явление / Ф. Лист. – М.: Инфра-М, 2004. – 110 с.
11. *Мокринский С. П.* Наказание, его цели и предположения. Часть 1-я. Общее и специальное предупреждение преступлений / С. П. Мокринский. – М.: Университетская тип., 1902. – 291 с.
12. *Неклюдов Н. А.* Уголовно-статистические этюды. Статистический опыт исследования физиологического значения различных возрастов человеческого организма по отношению к преступлению. Этюд первый / Н.А. Неклюдов. – СПб.: Тип. Н. Тимблена и К., 1865. – 250 с.
13. *Сергеевич В. И.* Задача и метод государственных наук (очерки современной политической литературы) / В.И. Сергеевич. – М.: Типография Грачева и Ко, 1871. – 239 с.
14. *Таганцев Н. С.* Курс русского уголовного права. Часть общая. Книга 1. Учение о преступлении. Выпуск 1 / Н.С. Таганцев. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1874. – 296 с.
15. *Таганцев Н. С.* Русское уголовное право. Часть общая / Н.С. Таганцев. – Т. 2. – СПб., 1902. – 1461 с. – Переиздано: Таганцев Н. С. Русское уголовное право: В 2-х тт. / Н.С. Таганцев. – Тула: Автограф, 2001. – 1488 с.
16. *Фойницкий И. Я.* Курс тюрьмоведения / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Литогр. Иконникова, 1876. – 496 с.
17. *Фойницкий И. Я.* Учение о наказании в связи с тюрьмоведением / И.Я. Фойницкий. – СПб.: Тип. Министерства путей сообщения, 1889. – 504 с.
18. *Чубинский М. П.* Курс уголовной политики / М.П. Чубинский. – Ярославль: Тип. Губ. правд., 1909. – 450 с.
19. *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики: Понятие, история и основные проблемы уголовной политики / М.П. Чубинский. – Харьков: Тип. «Печатное дело», 1905. – 535 с.
20. *Чубинский М. П.* Очерки уголовной политики: Понятие, история и основные проблемы уголовной политики как составного элемента науки уголовного права / М.П. Чубинский. – М.: ИНФРА-М, 2008. – XII, 435 с.
21. *Чубинский М. П.* Наука уголовного права и ее составные элементы / М.П. Чубинский // Журнал Министерства юстиции. – СПб.: Сенат. типогр., 1902. – № 7. – С. 97–101.

22. *Эстрин А. Я.* Эволюция советской уголовной политики / А.Я. Эстрин // Основы и задачи советской уголовной политики. – М.; Л.: НКЮ СССР, 1929. – С. 1–42.

References

1. *Vladimirov L. E.* Ugolovniy zakonodatel kak vospytatel naroda / L.E. Vladimirov. – М.: T-vo skoropech. A.A. Levenson, 1903. – 256 s.
2. *Vladimirov L. E.* Kurs ugolovnoogo prava. Chast pervaya: Osnovi nineshnego ugolovnoogo prava / L.E. Vladimirov. – М.: Tip. I.D. Sitina, 1908. – 387 s.
3. *Galperin I. M.* Predmet ugolovnoy politiki i osnovniye napravleniya ee izucheniya / I.M. Galperin, V.I. Kurlyandskiy // Osnovniye napravleniya borbi s prestupnost'yu. – М.: Yurid. literatura, 1975. – S. 5–28.
4. *Gernet M. N.* Socialniye faktori prestupnosti / M.N. Gernet. – М.: Universitetskaya tip., 1905. – 203 s.
5. *Gogel S. K.* Kurs ugolovnoy politiki v svyazi s ugolovnoy sociologiyey / S.K. Gogel. – SPb.: Yurid. kn. skl. «Pravo», 1910. – 511 s.
6. *Gorskiy G. F.* Nauchniye osnovi organizatsii i deyatel'nosti sledstvennogo apparata v SSSR / G.F. Gorskiy. – Voronezh: VGU, 1970. – 112 s.
7. *Duhovskoy M. V.* Zadachi nauki ugolovnoogo prava / M.V. Duhovskoy // Vremennik Demidovskogo Yuridich. Liceya. – Yaroslavl, 1873. – Kn. IV. – 33 s.
8. *Lesnikov G. U.* K voprosu o ponyatii ugolovnoy politiki / G.U. Lesnikov // Rossiyskiy sledovatel. – 2005. – № 6. – S. 25–29.
9. *Lesnikov G. U.* Stanovleniye naychnih predstavleniy ob ugolovnoy politike na rubezhe XIX–XX vekov / G.U. Lesnikov // «Cherniye diri» v rossiyskom zakonodatelstve. – 2003. – № 2. – S. 316–322.
10. *List F.* Zadachi ugolovnoy politiki. V izlozhenii B. Gurvicha / F. List. – SPb., 1895. – 142 s. – Pereizdano: List F. Zadachi ugolovnoy politiki. Prestupleniye kak socialno-patologicheskoye yavleniye / F. List. – М.: INFRA-M, 2004. – 110 s.
11. *Mokrinskiy S. P.* Nakazaniye, yego celi i predpolozheniya. Chast 1-ya. Obschee i specialnoye preduprezhdeniye prestupleniy / S.P. Mokrinskiy. – М.: Universitetskaya tip., 1902. – 291 s.
12. *Neklyudov N. A.* Ugolovno-statisticheskiye etudi. Statisticheskiy opit issledovaniya fiziologicheskogo znacheniya razlichnih vozrastov chelovecheskogo organizma po otnosheniyu k prestupleniyu. Etud perviy / N.A. Neklyudov. – SPb., Tip. N. Timblena i K., 1865. – 250 s.
13. *Sergeyevich V. I.* Zadacha i metod gosudarstvennih nauk (ocherki sovremennoy politicheskoy literaturi) / V.I. Sergeyevich. – М.: Tipografiya Gracheva i Ko, 1871. – 239 s.
14. *Tagancev N. S.* Kurs russkogo ugolovnoogo prava. Chast obschaya. Kniga 1. Uchenie o prestuplenii. Vipusk 1 / N.S. Tagancev. – SPb.: Tipografiya M.M. Stasulevicha, 1874. – 296 s.
15. *Tagancev N. S.* Russkoye ugolovnoye pravo. Chast obschaya. Tom 2 / N.S. Tagancev. – SPb., 1902. – 1461 s. – Pereizdano: Tagancev N. S. Russkoye ugolovnoye pravo: V 2-h tt. / N.S. Tagancev. – Tula: Avtograf, 2001. – 1488 s.
16. *Foynickiy I. Ya.* Kurs turmovedeniya / I.Ya. Foynickiy. – SPb.: Litogr. Ikonnikova, 1876. – 496 s.

17. *Foynickiy I. Ya.* Ucheniye o nakazanii v svyazi s turmovedeniyem / I.Ya. Foynickiy. – SPb.: Tip. Ministerstva putey soobscheniya, 1889. – 504 s.
18. *Chubinskiy M. P.* Kurs ugolovnoy politiki / M.P. Chubinskiy. – Yaroslavl: Tip. Gub. pravd., 1909. – 450 s.
19. *Chubinskiy M. P.* Ocherki ugolovnoy politiki: Ponyatiye, istoriya i osnovniye problemi ugolovnoy politiki / M.P. Chubinskiy. – Harkov: Tip. «Pechatnoye delo», 1905. – 535 s.
20. *Chubinskiy M. P.* Ocherki ugolovnoy politiki: Ponyatiye, istoriya i osnovniye problemi ugolovnoy politiki kak sostavnogo elementa nauki ugolvnogo prava / M.P. Chubinskiy. – M.: INFRA-M, 2008. – XII, 435 s.
21. *Chubinskiy M. P.* Nauka ugolvnogo prava i ee sostavniye elementi / M. P. Chubinskiy // Zhurnal Ministerstva yusticii. – SPb.: Senat. Tipograf., 1902. – № 7. – S. 97–101.
22. *Estrin A. Ya.* Evoluciya sovetskoy ugolovnoy politiki / A.Ya. Estrin // Osnovi i zadachi sovetskoy ugolovnoy politiki. – M.; L.: NKU SSSR, 1929. – S. 1–42.

А.В. Ростокинский

О признаках социальной группы и проблемах установления мотивов вражды и ненависти

Современное российское общество исключительно многообразно и конфликтно. Вопрос заключается даже не в имущественном расщеплении, которое существовало всегда и в любом обществе. Часто имеет место зияющая пропасть между уровнем интеграции различных групп людей, используемых при этом технологий и уровнем развития индивидуального и группового сознания, переполненного возможными комплексами, фобиями и социальными мифами.

Такое положение создает условия для нарастания делинквентности и агрессивности, прежде всего, в среде социально неадаптированных групп населения, лиц, занимающих маргинальное положение, утративших привычные социокультурные связи и статусы, выбывших из-под контроля социальных групп и коллективов. Переживаемые нами сегодня негативные явления в социально-экономической сфере усиливают данные тенденции.

Конечно, уголовное законодательство является далеко не самым эффективным инструментом укрепления мира и согласия в нашем обществе, межобщинного сотрудничества и терпимости. Но некоторые уточнения законодательных предписаний могут быть, по мнению автора, вполне уместны хотя бы для более адекватного, «точечного» применения мер уголовно-правового воздействия.

Статья 282 УК РФ, карающая «действия, направленные на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенные публично или с использованием средств массовой информации», не содержит определения «социальной группы». Не содержит такого определения и п. «е» ст. 63 УК РФ.

Проблема заключается в том, что такого официального определения не содержит и социологическая наука. Ученые обычно ориентируются на «трехчленку» Р. Мертона, который в книге «Социальная теория и социальная структура» (1949–1968 гг.) описывал совокупности физических лиц, которые:

- 1) осознают свои особенности, присущие группе;
- 2) регулярно взаимодействуют друг с другом;
- 3) отличаются как члены группы от членов иных групп [2: с. 173].

Следовательно, вражда и ненависть к социальной группе основывается исключительно или преимущественно на отрицании ценности представителей данной группы, их человеческого достоинства, общепризнанных прав и свобод, а не на личной неприязни к определенному лицу, хотя бы и носителю (реальному или предполагаемому) групповых признаков. Данную ситуацию еще авторы Русской Правды (XI век) называли «без всякого сваду», т.е. отсутствие личного конфликта, ссоры, противоречия.

Например, гр-н Танаков, потомственный жрец языческой религии народа мари, опубликовал брошюру «Жрец говорит», в которой крайне негативно характеризовал деятельность властей, прежде всего, в сфере культуры, утверждая превосходство своей религии над другими религиями и даже цивилизациями. При этом автор не оскорблял и не унижал иноверцев или иноплеменников, не клеветал на них. Однако 25.12.2006 г. гр-н Танаков был осужден именно за возбуждение этнической или религиозной ненависти, а также признан виновным, ни много ни мало, в возбуждении вражды к целой социальной группе, под которой подразумевались «члены правительства Республики Марий-Эл».

Сходным является дело, возбужденное в Республике Коми против рок-музыканта С. Терентьева, который написал грубый комментарий по адресу коррумпированных милиционеров в Интернет-журнале. Терентьев был явно неправомерно осужден по ст. 282 УК за возбуждение вражды ко всей социальной группе милиционеров, несмотря на ничтожность повода и общественный резонанс этого дела. Другие блогеры, часто публикующие весьма резкие отзывы о различных правонарушителях, уголовного преследования со стороны соответствующих групп пока избегают.

Вообще-то, с точки зрения запрета объективного мнения, правоприменительный орган должен ориентироваться не на реакцию группы, как бы ни глубока была обида, а на мотивы и цели действий виновного. Если личная неприязнь сочетается с мотивами вражды и ненависти к группе, представителем которой является потерпевший, то можно говорить лишь о наличии характеризующего или квалифицирующего признака, предусмотренного п. «е» ст. 282 УК, но никак не иначе. Решение данного вопроса имеет важное практическое значение.

Во-первых, оно необходимо для разграничения «экстремистского» и «хулиганского» мотивов. Во-вторых, грубое нарушение норм и правил, а также явное неуважение также характеризуют именно нормы и правила социальной группы, выступающей потерпевшей стороной. Отмечу, что анализ действий виновного должен ориентироваться не на выявление мотива, а на определение цели. Именно такой подход был разработан судебной практикой советского периода:

«Под пропагандой и агитацией *с целью возбуждения... вражды и розни...* следует понимать распространение *злонамеренных* слухов и измышлений, подрывающих доверие и уважение к другой... (части общества, социальной группе — авт.), вызывающих чувство неприязни к ней. Действия, *совершенные с этой*

целью, могут выражаться в публичных выступлениях и призывах, в том числе в печати и иных средствах массовой информации, в изготовлении, распространении листовок, плакатов, лозунгов и т.п., а также в организации собраний, митингов, демонстраций и активном в них участии *в вышеуказанных целях*» [1: с. 279].

Если цель разжигания вражды и ненависти к социальной группе никак не проявляется в действиях виновного, то имеет место хулиганство, хотя бы и «осложненное» полимотивацией. Поэтому действующая редакция ст. 213 УК РФ выглядит, с точки зрения правоприменителя и исследователя юридическим кентавром. Каждый человек принадлежит к какой-либо социальной группе (а обычно, к нескольким), «вражду и ненависть», к которой можно усмотреть в действиях хулигана.

Как отмечает академик И.С. Кон в заключении по конкретному делу, «понятия «классической социальной группы» в профессиональной социологической литературе я не обнаружил... Такого понятия вообще не может быть, потому что не может быть никогда»¹.

В то же время еще Р. Мертон предупреждал о необходимости отграничить понятие «группы» от «коллективности», которую проще всего обозначить термином сообщество. Члены такого образования разделяют некоторые общие ценности, но не взаимодействуют друг с другом, например, случайная группа пассажиров общественного транспорта, участники массового мероприятия, посетители учреждения досуга. Кроме того, «группа» отличается от «социальных категорий», подразумевающих совокупность социальных статусов, носители которых обладают сходными социальными свойствами, но не вовлечены в активное взаимодействие друг с другом и не всегда ориентируются на общие цели и нормы, как, например, члены возрастной группы.

Отсюда, во-вторых, социальная вражда и ненависть не может быть направлена на лиц, входящих в определенное учреждение, работников предприятия, жильцов общежития и т.п., т.е. мотивы разные, но достижение цели возбуждения вражды и ненависти, например, к учащимся школы искусств, работникам завода «007», российскому чиновничеству и т.п., — представить невозможно. Можно говорить лишь о причинении ущерба деловой репутации.

Однако судебная практика знает и иные подходы. Так, гр-н Стомахин был осужден за публичные призывы к совершению террористических актов, публичное оправдание их совершения и публичные призывы к экстремистской деятельности по ст. 280 УК РФ (деяния были совершены до внесения в 2006 году изменений и дополнений в УК РФ), а также за возбуждение вражды и ненависти — по ст. 282 УК РФ. «Социальной группой», за возбуждение вражды к которой он был осужден, оказалась «российская армия»².

¹ Кон И. С. Заключение по вопросу толкования понятия «социальной группы» в статье 282 УК РФ по запросу ЛГБТ-проекта GayRussia.Ru // <http://www.gayrussia.ru/society/detail.php?ID=12019> (дата обращения: 25.05.2008 г.).

² Приговор Борису Стомахину // Центр «СОВА». Национализм и ксенофобия. – 2006. – 30 ноября. — <http://xeno.sova-center.ru/4DF39C9/85671E4> (дата обращения: 15.09.2006 г.).

Точно так же не может быть квалифицировано как «возбуждение» вражды и ненависти преступное деяние, направленное против конкретных представителей какой-либо части личного состава организации или учреждения, так называемые проявления мобинга, внутригруппового насилия. Мобинг достаточно широко распространен. За отдельными его институализированными проявлениями, например, за армейской «дедовщиной» («годковщиной на флоте»), уже давно закрепилось точное определение «казарменного хулиганства».

Конечно, в каждом случае преступление против личности или собственности может быть совершено по «дополнительным» к хулиганским мотивам вражды и ненависти к той социальной группе, к которой принадлежит конкретный потерпевший, но нельзя считать социальной группой всех носителей неформального статуса внутри группы. Более того, группу никогда не могут составлять люди, исполняющие одну и ту же социальную роль, так как многообразие социальных ролей существует именно внутри социальных групп. Лидер, простой конформист и изгой — это разные социальные роли, существующие в одной социальной группе.

Поэтому мотивы социальной вражды и ненависти должны быть учтены судом, например, если жертва мобинга третировалась по причине своего социального происхождения или принадлежности к языковой группе, землячеству. Но избиение и отнимание пресловутого «мобильника» по мотиву «... (жертва) — лох и не из нашего двора» является проявлением обычного хулиганства. Никакой социальной розни тут нет и в помине...

В-третьих, социальная группа может быть обособлена и по иным признакам, например, объединена родственными связями. В таком случае преступление, совершенное в отношении одного из членов данной группы «по мотиву кровной мести» (п. «е-1» ч. 2 ст. 105 УК РФ) следует также признать «экстремистским». Направлено-то оно против целой группы! На самом деле, мститель не обязательно испытывает вражду и ненависть к конкретному потерпевшему, и потому лишь реализует некоторую цель (месть определенной семье или роду). Мстить в рамках обычая кровной мести иным социальным группам не имеет смысла. Точно так же и призывы к совершению преступлений в целях кровной мести невозможно квалифицировать по ст. 280 УК РФ.

Тогда как публичные выражения «... надо рвать. И по ветру бросать их куски!» озвученные высоким должностным лицом в отношении множества граждан, отличающихся от других, хотя бы и по признаку сексуальной ориентации, безусловно, требуют не только морально-политической, но и юридической оценки. По мнению И.С. Кона, терминологические экскурсы в историю социологии для этого не обязательны [3: с. 59–69]. Но публичные призывы к дискриминации, как и к совершению основной массы иных преступлений в отношении кого-либо, у нас по уголовному закону не преследуются.

Отметим, что уголовное законодательство большинства европейских государств из числа тех, которые принято называть демократическими, предусматривает достаточно строгие санкции (вплоть до пяти лет лишения свободы)

за распространение информации, пропагандирующей культ насилия, жестокости и порнографии, а также содержащей инструкции по совершению преступлений. Соответствующие рекомендации ученых о принятии таких мер советским, а потом и российским законодателем много лет игнорируются [4: с. 215–218; 5: с. 11–12; 6: с. 329–337]. В этом вопросе Европа нам — опять «не указ».

С учетом изложенного, борьба с преступностью экстремистской направленности выглядит занятием бесперспективным, когда ответственность за хулиганское насилие лишь декларируется; равноправие граждан в социально-экономических, избирательных, трудовых, и многих других правах, только формально защищается уголовным законом; а публичные призывы к совершению любых преступлений с пропагандой насилия по-прежнему не наказуемы.

Литература

1. Пункт 5 постановления Пленума Верховного Суда СССР от 23.12.1988 г. № 17 «О рассмотрении судами дел, связанных с преступлениями, совершенными в условиях стихийного или иного общественного бедствия» // Сборник постановлений Пленумов Верховных Судов СССР и РСФСР (Российской Федерации) по уголовным делам. — М.: Спарк, 2000. — 520 с.
2. Большой толковый социологический словарь (Collins): Пер. с англ. — Т. 1. — М.: Вече, АСТ, 1999. — 385 с.
3. Кон И. С. Гомофобия как лакмусовая бумажка российской демократии / И.С. Кон // Вестник общественного мнения. — 2007. — № 4 (90). — С. 59–69.
4. Кожевников Л. Л. Проблема установления уголовной ответственности за распространение информации, пропагандирующей культ насилия, жестокости и порнографии / Л. Л. Кожевников // Ученые записки. — Вып. 6. — Волгоград: Изд-во ИЭСП, 2005. — 320 с.
5. Плешаков А. Уголовная ответственность за пропаганду культа насилия и жестокости / А. Плешаков, С. Щерба // Советская юстиция. — 1988. — № 13. — С. 120.
6. Чабаняц М. Б. Уголовная ответственность за пропаганду культа жестокости и насилия / М.Б. Чабаняц // История и теория государственно-правового развития России: Материалы научно-практической конференции (20 сентября 2002 г., г. Ставрополь). — Ставрополь: Изд-во СГУ, 2002. — 450 с.

References

1. Punkt 5 postanovleniya Plenuma Verkhovnogo Suda SSSR ot 23.12.1988 g. № 17 «O rassmotrenii sudami del, svyazannikh s prestupleniyami, sovershonnimi v usloviyakh stikhijnogo ili inogo obshestvennogo bedstviya» // Sbornik postanovleniy Plenumov Verkhovnikh Sudov SSSR i RSFSR (Rossiyskoy Federacii) po ugovolnīm delam. — M.: Spark, 2000. — 520 s.
2. Bolshoy tolkoviyy sociologicheskiy slovar (Collins): Per. s angl. — T. 1. — M.: Veche, AST, 1999. — 385 s.

3. *Kon I. S.* Gomofobiya kak lakmusovaya bumazhka rossijskoy demokratii / I.S. Kon // Vestnik obshchestvennogo mneniya. – 2007. – № 4 (90). – S. 59–69.
4. *Kozhevnikov L. L.* Problema ustanovleniya ugolovnoy otvetstvennosti za rasprostranenie informacii, propagandirujushikh kult nasiliya, zhestokosti i pornografii / L.L. Kozhevnikov // Uchenie zapiski. – Vip. 6. – Volgograd: Izd-vo IESP, 2005. – 320 s.
5. *Pleshakov A.* Ugolovnaya otvetstvennost za propagandu kulta nasiliya i zhestokosti / A. Pleshakov, S. Sherba. // Sovetskaya justiciya. – 1988. – № 13. – S. 120.
6. *Chabanyanc M. B.* Ugolovnaya otvetstvennost za propagandu kulta zhestokosti i nasiliya / M.B. Chabanyanc // Istoriya i teoriya gosudarstvenno-pravovogo razvitiya Rossii: Materiali nauchno-prakticheskoy konferencii (20 sentyabrya 2002 g., g. Stavropol). – Stavropol: Izd-vo SGU, 2002. – 450 s.

С.И. Фёклин

Уголовно-правовая политика России в сфере легального оборота подконтрольных предметов

Наркомания — это болезнь, стремительная дорога к смерти духовной и физической. На сегодняшний день примерно 200 млн. человек, или 5% населения в возрасте от 5 до 64 лет, употребляют наркотики, о чем говорится во Всемирном докладе ООН о наркотиках, подготовленном Управлением этой организации по борьбе с наркотиками и преступностью¹.

В Россию проблема наркотиков пришла несколько позднее, чем в другие страны, но развивается стремительными темпами, и прогнозы на будущее неутешительны. По данным всероссийского мониторинга, проведенного в 2007 г., число потребителей наркотиков составляет около 5 миллионов 100 тысяч человек² (по данным МВД России — 6 млн. человек³), из которых 62,4% составляют люди в возрасте до 30 лет. По расчетам специалистов, реальное количество потребителей наркотиков в 6,5 раза больше числа зарегистрированных⁴.

Развитие в XX веке химии лекарственных веществ и фармакологии способствовало распространению и доступности наркотиков во всем мире. Их стали использовать для снятия боли, при лечении некоторых болезней, для изменения настроения и др.⁵.

Соответственно, применение наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, инструментов и оборудования в медицинских целях расширило сферу их легального оборота, что способствовало появлению новых преступлений.

Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации» статья 228 Уголовного кодекса Российской Федерации (УК РФ) была существенным об-

¹ См.: Доклад ООН: наркотики принимают около 200 млн. жителей планеты. — URL: <http://www.newsru.com> (дата обращения: 15 января 2008 г.).

² См.: Владивостокский центр исследования организованной преступности. — URL: <http://www.crime.vl.ru>; а также см.: Оперативные данные УФСКН России по Рязанской области. — URL: <http://www.ryaz.ru> (дата обращения: 7 декабря 2008 г.).

³ См.: URL:<http://www.mvd.ru/press/release>. (дата обращения: 23 апреля 2009 г.).

⁴ См.: Пресс-служба УПФО 1 Департамента ФСКН России. — URL: <http://www.upfo.fskn.ru> (дата обращения: 17 марта 2007 г.).

⁵ См.: Международная программа ООН по контролю за наркотиками. Всемирный доклад о наркотиках. — URL:<http://www.crime.vl.ru> (дата обращения: 3 апреля 2006 г.).

разом изменена [2: с. 196]. В результате законодательной реформы вместо одной ст. 228 УК РФ «Незаконные изготовление, приобретение, хранение, перевозка, пересылка либо сбыт наркотических средств или психотропных веществ» были введены три самостоятельные статьи:

1) статья 228 УК РФ «Незаконные приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»;

2) статья 228¹ УК РФ «Незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов»;

3) статья 228² УК РФ «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ».

Федеральным законом от 9 мая 2005 г. № 45-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях и другие законодательные акты Российской Федерации, а также о признании утратившими силу некоторых положений законодательных актов Российской Федерации» в Кодекс РФ об административных правонарушениях (КоАП РФ) введена ст. 6.15 «Нарушение правил оборота веществ, инструментов или оборудования, используемых для изготовления наркотических средств или психотропных веществ».

Произошедшие законодательные изменения в сфере легального оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, инструментов и оборудования сводятся к следующему:

– предусматривается дисциплинарная, административная и уголовная ответственность за нарушение правил легального оборота подконтрольных предметов (термин «подконтрольные предметы» в настоящем диссертационном исследовании означает наркотические средства, психотропные вещества, их прекурсоры, инструменты и оборудование);

– в структуре Уголовного кодекса РФ выделена самостоятельная ст. 228² УК РФ «Нарушение правил оборота наркотических средств или психотропных веществ»;

– состав преступления по ст. 228² УК РФ сформулирован как материальный, а не как формальный;

– в ч. 2 ст. 228² УК РФ введены квалифицированные признаки преступления в сфере легального оборота подконтрольных предметов;

– бланкетный характер диспозиции ст. 228² УК РФ явился основой для принятия большого количества подзаконных нормативных правовых актов, регламентирующих сферу легального оборота подконтрольных предметов.

В настоящее время создана обширная законодательная база легального оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, инструментов и оборудования: международные акты и договоры, федеральные и региональные (муниципальные) законы, указы Президента РФ и постановления Правительства РФ, нормативные документы органов исполнительной власти, санитарные правила, стандарты (ГОСТы) и локальные акты организаций.

На международном уровне приняты и действуют Единая конвенция ООН о наркотических средствах (1961 г.), Конвенция ООН о психотропных веществах (1971 г.), Международная Конвенция ООН о борьбе со злоупотреблением наркотическими средствами и их незаконным оборотом (1987 г.), Конвенция ООН о борьбе против незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ (1988 г.) [4].

Международные договоры РФ наряду с общепризнанными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ) [3]. В целях реализации положений международного законодательства в Российской Федерации приняты федеральные и региональные нормативные правовые акты.

В п. «м» ст. 71 Конституции РФ 1993 г. установлено, что «производство ядовитых веществ, наркотических средств и порядок их использования» находится в исключительном ведении Российской Федерации. Данное конституционное положение означает:

– в ведении субъектов Российской Федерации находятся иные случаи легального оборота наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, а также оборот препаратов, прекурсоров и аналогов (ст. 73);

– по вопросу производства и порядка использования наркотических средств должны приниматься федеральные законы (ч. 1 ст. 76).

В исполнение международных актов и Конституции РФ по вопросу регулирования легального оборота подконтрольных предметов приняты федеральные законы и подзаконные акты.

Федеральный закон от 8 января 1998 г. № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» дает определение понятиям, устанавливает принципы и общие правила законного оборота наркотических средств и психотропных веществ во многих сферах жизни. Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации» устанавливает, какие органы вправе использовать наркотические средства и психотропные вещества в оперативно-розыскной деятельности в целях предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия преступлений.

Федеральный закон от 8 августа 2001 г. № 128-ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» определяет лицензию как специальное разрешение на осуществление конкретного вида деятельности (в том числе связанного с оборотом наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, инструментов и оборудования) при обязательном соблюдении лицензионных требований и условий.

Значительный объем правовых актов, регламентирующих отдельные правила оборота подконтрольных предметов, установлен Правительством РФ. Более детальная регламентация оборота подконтрольных предметов содержится в подзаконных нормативных правовых актах федеральных органов исполнительной власти.

В соответствии с Конституцией РФ наряду с федеральными нормативными правовыми актами принимаются региональные (муниципальные) документы по вопросам деятельности органов и учреждений, в которых осуществляется оборот наркотических средств и психотропных веществ, допуска лиц к работе с подконтрольными предметами. На предприятиях, в учреждениях и иных организациях, осуществляющих законный оборот подконтрольных предметов, принимаются локальные акты (приказы о назначении ответственных лиц, о режиме работы предприятий, др.). Региональные, муниципальные и локальные нормативные документы также использовались в диссертационном исследовании.

В подзаконных актах органов исполнительной власти прописаны условия оборота подконтрольных предметов и указаны ответственные за это лица. Тем самым, содержание ст. 228² УК РФ фактически отменяется, расширяется и (или) ограничивается не законодательными органами, а исполнительной властью.

Э.Г. Гасанов предлагает включить правила легального оборота наркотических средств и психотропных веществ в качестве обязательного приложения к уголовному закону в виде отдельного документа [1: с. 275]. Данная правовая позиция не обоснована, и высказанное предложение не соотносится с действительным положением вещей. Уголовный кодекс РФ содержит несколько десятков бланкетных составов преступлений, отсылающих к нормативно-правовым актам других отраслей права. Если к каждой бланкетной статье присоединять приложения, уголовный закон будет состоять из нескольких десятков, а может быть, и сотен томов объемного текста. Чтобы не обременять уголовный закон большим массивом документов, законодатель специально вводит конструкции бланкетных составов преступлений.

Конституционный Суд РФ в своих решениях неоднократно касался вопросов, связанных с определением оснований и пределов уголовной ответственности в условиях, когда законодатель прямо не устанавливает в уголовном законе признаки состава преступления. Формулирование в уголовном законе исчерпывающего перечня правил либо предметов преступления возможно и целесообразно при условии, если такой перечень будет оставаться стабильным в течение длительного времени. В условиях быстро изменяющегося законодательства, непосредственно в уголовном законе указывать исчерпывающий перечень правил или предметов преступного посягательства нецелесообразно. Право Правительства РФ нормативно регулировать вопросы установления оснований уголовной ответственности (устанавливать, изменять или отменять списки предметов преступного посягательства, др.) не противоречит Конституции РФ¹.

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 7 февраля 2008 г. № 79-0-0 «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан на нарушение их конституционных прав статьей 234 Уголовного кодекса Российской Федерации» // Справочная правовая система «Гарант» (дата обращения: 1 апреля 2008 г.).

В настоящее время в Российской Федерации легальный оборот наркотических средств, психотропных веществ, их прекурсоров, инструментов и оборудования основывается на таких принципах, как:

- 1) монополия государства в сфере легального оборота наркотических средств и психотропных веществ;
- 2) лицензирование и сертификация деятельности, связанной с оборотом наркотических средств и психотропных веществ;
- 3) квотирование количества наркотических средств и психотропных веществ, находящихся в законном обороте;
- 4) осуществление оборота наркотических средств и психотропных веществ специально уполномоченными органами, организациями, должностными лицами и имеющими допуск служащими;
- 5) соответствие помещений и зданий, в которых осуществляется оборот наркотических средств и психотропных веществ, установленным техническим, пожарным, эпидемиологическим и иным требованиям;
- 6) отсутствие у сотрудников, допущенных к обороту наркотических средств и психотропных веществ, судимости, заболеваний и иных препятствий для осуществления возложенных обязанностей;
- 7) строгая отчетность о деятельности по обороту наркотических средств и психотропных веществ.

Литература

1. *Гасанов Э. Г.* Уголовно-правовые и криминологические проблемы борьбы с преступлениями, связанными с наркотиками (антинаркотизм): дис. ... докт. юрид. наук / Э.Г. Гасанов. – Баку: НИИ Генер. Прокуратуры России, 2000. – 456 с.
2. *Нуркаева Т. Н.* Вопросы применения уголовного законодательства по противодействию незаконному обороту наркотиков в свете изменений закона и судебной практики / Т.Н. Нуркаева, С.И. Забегин // «Черные дыры» в Российском законодательстве. – 2007. – № 6. – С. 196–197.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2003. – № 12. – С. 3–8.
4. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. – Вып. 23. – М.: Проспект, 1970. – 437 с.; Вып. 25. – М.: Проспект, 1981. – 592 с.

References

1. *Gasanov E. G.* Uголовno-pravovye I kriminologicheskie problemi bor'bi s prestuplenijami, svjazannimi s narkotikami (antinarkotizm): dis. ... dokt. jurid. nauk. – Baku: NII Gener. Prokuraturi Rossii, 2000. – 456 s.

2. *Nurkaeva T. N.* Voprosi primeneniya ugovnogo zakonodatel'stva po protivodejstviyu nezakonnomu obrotu narkotikov v svete izmenenij zakona I sudebnoj praktiki / T.N. Nurkaeva, S.I. Zabegin // «Tchernie diri» v Rossijskom zakonodatel'stve. – 2007. – № 6. – S. 196–197.
3. Postanovlenie Plenuma Verhovnogo Suda RF ot 10 oktjabrja 2003 g. № 5 «O primeneni sudami obschej jurisdiksii obshepriznannih printsipov i norm mezdunarodnogo prava i mezdunarodnih dogovorov RF» // Bulletin Verhovnogo Suda RF. – 2003. – № 12. – S. 3–8.
4. Sbornik dejstvujuschih dogovorov, soglashenij i konventsij, zakljuchennih SSSR s inostrannimi gosudarstvami. – Vip. 23. – M.: Prospekt, 1970. – 437 s.; Vip. 25. – M.: Prospekt, 1981. – 592 s.

И.В. Гетьман-Павлова

Наука международного частного права: Бартоломео Салицет и Александр Тартаньи

Согласно мнению Ф. Садовского, международное частное право «возникло... сразу в виде теории, именно теории статутов; разрабатывалось и развивалось всегда учеными юристами-теоретиками, мнения которых принимал суд» [13: с. 34]. Основателями науки международного частного права были итальянские и французские юристы XIV в., постглоссаторы или комментаторы, которые приспособили тексты римских источников к потребностям современного им общества и выработали правила, поныне живущие в нашем правосознании. Теория статутов господствовала почти до середины XIX в., была закреплена в некоторых законодательствах и имеет значение в настоящее время. Литература постглоссаторов XIV и XV вв. «подготовила ныне действующие у разных народов коллизионные нормы» [1: с. 165].

Основные положения теории статутов можно изложить следующим образом. Закон имеет силу лишь в том государстве, в котором он издан. Человек подчиняется закону в тройном отношении: в отношении своей личности, имущества и действий. Все законы (статуты) следует распределить по трем категориям, в зависимости от того, какой юридический элемент является в них преобладающим. Таким образом выделяются три категории статутов — *statuta personalia, realia et mixta*. Личное состояние человека определяет личный статут — *statutum personale*. В этом отношении, где бы лицо ни находилось, к нему всегда прилагается закон его отечества, закон национальности лица — *lex domicilii*. Юридическое положение имущества определяет вещный, или реальный статут — *statutum reale*. Здесь действует закон места нахождения вещи — *lex rei sitae*. Исключение составляют движимые вещи, судьба которых подчиняется личному статуту собственника — *mobilia personam sequuntur*. Юридические действия определяются смешанным статутом — *statutum mixtum*, т.е. применяется закон места совершения действия — *locus regit actum* [6: с. 78].

Родоначальником международного частного права «как науки и как практической доктрины» является Бартоло да Сассоферрато (1314–1357). Он прожил всего 43 года, но оставил имя, более известное, чем имена многих десятков писателей XV и XVI вв. Мнения Бартоло пользовались огромным авторитетом в судебной практике на протяжении нескольких столетий; в итальянских университетах были созданы кафедры для объяснения его сочинений наряду с римским правом и глоссами; в Италии, Испании и Португалии его решения имели силу закона; в Германии римское право было рецепировано в форме его комментариев. Авторитет Бартоло да Сассоферрато был настолько велик, что многие ученые считают его основателем всей школы постглоссаторов: «Их... называют Бартолистами, по Бартолу, главному представителю этого периода» [8: с. 245]. К школе бартолистов причисляют даже Одофреда, умершего в 1265 г. (задолго до рождения Бартоло), и Альберика да Рошате (предшественника Бартоло) [10: с. 96]. «Легистов... в отличие от юристов нового, гуманистического направления, стали называть *бартолистами*, свидетельствуя тем самым, что авторитет Бартола был действительно силен» [4: с. 137].

Бартоло утверждал, что дееспособность лица определяется по закону его места жительства; вещные правоотношения подчиняются закону места нахождения вещи. В обязательствах ученый различал форму и существо; форма определяется статутом места совершения акта, существо — тем же статутом (по общему правилу), но с оговоркой, что последствия обязательства определяются по статуту места его заключения (в отдельных случаях — места исполнения). Вопросы наследования разрешаются в пользу личного или реального статута в зависимости от того, что статут данного государства имеет в виду: вопрос о судьбе вещей или вопрос о правах лиц. Воззрения Бартоло представляют собой источник последующего развития почти всех учений международного частного права [12: с. 56].

Основные мысли Бартоло развиты в трудах его учеников и последователей; среди них первое место занимает Бальди де Убальди (1327–1400), самый знаменитый ученик Бартоло. Наряду с комментированием глосс Бальд уделял большое внимание практической разработке юридических вопросов. Бальду принадлежит заслуга более точной и менее казуистической формулировки учения о личном статуте [12: с. 69]. Наряду с Бартоло Бальд считается наиболее значительным, авторитетным и влиятельным постглоссатором [5: с. 125]. Его творчество и его роль в науке международного частного права заслуживают специального исследования.

Итальянская теория статутов получила свое развитие в трудах младшего современника Бальда Бартоломео Салицета (1363–1412). Он служил профессором в Болонье и Падуе; в свое время его называли «монархом юриспруденции» [2: с. 106]. Некоторые современные исследователи считают его «самым видным среди последователей Бартоло и Бальда» [7: с. 81]. Можно утверждать, что Салицет — один из основоположников теории автономии воли в международном частном праве: многие его решения основаны на мыс-

ли, что воля частных лиц способна оказать непосредственное влияние на суд при определении компетентного правопорядка («молчаливое подчинение наследодателя его личному закону»). Вопросы конфликтного права изложены Салицетом в Комментариях к Кодексу Юстиниана, прежде всего, к закону *Cunctos populos*. В этом сочинении он предпринял попытку систематизации конфликтного права: специально исследовал «столкновение» законов о контрактах, деликтах и наследствах.

По мнению П. Каленского, анализ «столкновений» законов в сфере обязательственного права представляет собой наибольший вклад Салицета в развитие коллизионного права [7: с. 25]. Следуя примеру своих учителей, Бартоло и Бальда, Салицет в комментарии к закону *Cunctos populos* утверждал, что вопросы, возникающие из контрактов, должны рассматриваться по праву места их заключения (коллизионное начало, заслуга в развитии которого полностью принадлежит постгlossаторам). Одновременно ученый задавался вопросом: должен ли закон места заключения контракта применяться в случае, если место заключения и место исполнения не совпадают. Эта проблема вызывала в то время ожесточенные споры, в основе которых лежали различные интерпретации закона *Contraxisse*, предусматривавшие возможность применения и закона места исполнения. Салицет расценивал место заключения в качестве критерия, имеющего решающее, но не абсолютно императивное значение. С коллизионной точки зрения он проводил различие между регулярными и нерегулярными последствиями контракта. Регулярными последствиями следует управлять согласно закону места заключения контракта, нерегулярными — согласно закону места исполнения (если это прямо определено в контракте; если нет — они подчиняются *lex fori*).

В вопросах о деликтах и завещаниях Салицет придерживался (с незначительными отступлениями) доктрины Бартоло и Бальда, но расходился с ними в сфере наследования по закону. Салицет предлагал наследование *ab intestate* решать не по *lex rei sitae*, а по «отечественному» закону наследодателя, т.е. придерживался теории, высказанной в учении предшественника Бартоло, адвоката Альберика де Рошате. Эта теория, как утверждал сам Салицет, пользовалась большим весом у его современников [1: с. 43]. Б.Э. Нольде выделяет Салицета из всех бартолистов на том основании, что в отношении наследования он придерживался признания действия личного закона наследодателя [12: с. 84]. По мнению Салицета, наследование по закону уподобляется молчаливому завещанию. При этом личный закон наследодателя понимается ученым как закон страны происхождения (*lex originis*), а не как закон места жительства (*lex domicilii*).

Свою доктрину Салицет излагает на примере гражданина г. Лукки, оставившего наследство и в Лукке, и в Англии. В обоснование собственных конструкций ученый рассматривает три гипотезы.

Первая — лукканец умер во время случайного пребывания в Англии. В такой ситуации наследование всего имущества должно подчиняться статусу

г. Лукки (личному закону), так как, по-видимому, наследодатель намеревался и жить, и умереть «по своему праву» [11: с. 67].

Вторая — лукканец умер в Англии «как гражданин, имеющий там местожительство». Здесь наследству должен применяться *lex rei sitae*. В данном случае «лукканец считается как бы двойным человеком (*homo duplex*); оставаясь лукканцем по происхождению, он стал англичанином по месту жительства». Следует предполагать, что наследодатель «молчаливо» подчинил английское имущество английским законам, а луккское — статутам г. Лукки. А.Н. Мандельштам отмечает непоследовательность Салицета: вместо того, чтобы делать из гражданина, поселившегося в другом государстве, «двойного человека», его наследство следовало бы, согласно теории, подчинить закону старого или нового места жительства [9: с. 92].

Третья — лукканец умер в Лукке, не основав в Англии *domicilium*, но оставил там имущество. Этот случай практически ничем не отличается от первого и разрешается точно так же. Одновременно необходимы более подробные различия и новые доказательства. Исследование третьей гипотезы наглядно демонстрирует диалектико-схоластическую методу Салицета.

Движимое имущество, не связанное с местом, но связанное с лицом, вне всякого сомнения, наследуются по статуту страны происхождения наследодателя. Долговые требования нельзя считать имуществом — они не занимают места, а связаны с лицом, поэтому их наследование подчиняется *lex originis*.

Самый спорный и трудный вопрос, по мнению Салицета, — это переход недвижимого имущества. Он твердо высказывается за применение личного закона наследодателя (*lex originis*), отвергая *lex rei sitae*. Подобная идея (правда, значительно в менее определенной форме) ранее высказывалась Бальдом. В обоснование такого решения Салицет приводит следующие аргументы:

Презюмируется, что умерший без завещания молчаливо подчинил себя законам отечества, так как он не избрал другого места жительства. По мнению А.Н. Мандельштама, этот аргумент совершенно бездоказателен: точно так же можно предположить, что покойный имел в виду *lex rei sitae* (кстати, сам Салицет достаточно часто следовал этой логике) [9: с. 157].

Государство вправе обложить налогом имущество своего гражданина, находящееся за границей; налог налагается независимо от воли гражданина. Статут тем более может определять переход имущества к наследникам (в данном случае воля наследодателя презюмируется)

Права, предоставленные опекуну судом, затрагивают имущество подопечного, находящегося за пределами юрисдикции этого суда. Эта аналогия с римским правом позволяет утверждать применение *lex originis*.

Права, предоставленные претору в связи с *interdictio bonorum* (вводом во владение), затрагивают имущество, находящееся вне юрисдикции претора. Данная аналогия с римским правом также утверждает применение *lex originis*.

Главная причина — римская идея единства наследства: «Статут страны происхождения действителен и по гражданскому, и по каноническому праву, и если

этот статут устанавливает универсального наследника, он действителен и относительно всего имущества, находящегося за границей». Римские законы, опровергающие этот тезис, главным образом касаются имущества. В данной же ситуации статут определяет порядок наследования лиц, т.е. является личным (главным образом касается лиц) и имеет экстерриториальный характер.

В теории Салицета воспринято деление статутов на дозволительные и стеснительные (одиозные). По общему правилу, одиозные статуты могут быть только реальными и не распространяются за границу. Однако из этого правила есть исключения. Это прежде всего касается статутов о наследстве. Салицет оспаривает утверждение, что распространение стеснительных статутов за пределы территории не допускается: «Главная цель наследственных законов не повредить кому-либо, а сохранить известный семейный или наследственный порядок, и это главное намерение должно быть осуществлено всюду. Поэтому и статут, исключаящий младших братьев или дочерей из наследования, имеет экстерриториальное значение. Противное решение нарушает все правила, так как тогда наследодатель не имел бы универсального наследника».

В последующем многие ученые отмечали сходство доктрины Салицета с учением Савиньи [11: с. 45]. Как и великий немецкий ученый, Салицет основывается, главным образом, на двух аргументах: на молчаливом подчинении наследодателя закону своего отечества и на идее единства наследства. С точки зрения конфликтного права против идеи универсального наследства можно привести те же возражения, что и против любой теории, утверждающей территориальную концепцию: *lex rei sitae* не обязан принимать во внимание предписания *legis domicilii* на единство наследства. Сам Салицет критикует высказывание, что наследование всегда подчиняется *lex rei sitae*, и подчеркивает, что этот закон не обязателен для жителей другого государства. С одинаковым правом можно утверждать, что и закон места жительства сам по себе не имеет никаких оснований для преобладания над законом места нахождения имущества. Такое преобладание может вытекать только из какой-либо общей, возвышающейся над отдельными законодательствами идеи [9: с. 103]. Кстати, жизнь подтвердила жизнеспособность теории Салицета: многие современные кодификации международного частного права устанавливают универсальную систему наследства (единство наследственного имущества и применимого права) — вся совокупность наследственного имущества, движимого и недвижимого, независимо от места его нахождения, подчиняется единому закону: «Правопреемство в случае смерти регулируется национальным законом наследодателя на момент его смерти» (ст. 46 Закона 1995 г. «Реформа итальянской системы международного частного права»).

Александр Тартаньи (1423–1477) — постглоссатор, убежденный бартолист — известен прежде всего как автор консультаций. В трудах Александра статутное право позиционировалось как исключительно партикулярное, которое должно дополняться и толковаться на основе науки общего (римского) права. По мнению французского ученого XIX в. А. Лэне, недостатки схоласти-

ческого метода особенно видны в консультациях Александра: «Собственная мысль автора совсем пропадает... все доводы, хорошие и дурные, одинаково нагромождаются для доказательства своего и опровержения чужого мнения». Нельзя согласиться с подобной оценкой — схоластический метод Александра отнюдь не умаляет его значения в развитии науки международного частного права. Как и все представители итальянской школы, он отстаивал деление статутов на личные и реальные, дозволительные и запретительные. Особое внимание Александр уделяет исследованию стеснительных статутов, определение которых заимствует в трудах Бартоло де Сассофerrато.

Александр Тартаньи — один из самых горячих и последовательных приверженцев Бартоло. Именно благодаря Александру влияние Бартоло в сфере решения наследственных коллизий сделалось преобладающим. При решении конфликтов наследственного права бартолисты отказались следовать по пути, намеченному Салицетом и Бальдом. При этом Александр внес «любопытную поправку» к теории Бартоло [9: с. 91]. Бартоло де Сассофerrато исходил из личности покойного, придавал экстерриториальную силу личному статуту, соответствующему римскому праву, и утверждал строгую территориальность статута, противоречащего римскому праву. Александр основывал свои рассуждения на иной исходной позиции, но для их аргументации использовал авторитет Бартоло и практически воспроизводил его теорию. Александр исследовал статут г. Феррары, исключавший когнатов (кровных родственников) из наследования. Ученый утверждал, что этот статут не применим не только к иностранным наследодателям, но и к иностранным наследникам даже в пределах территории г. Феррары. Таким образом, Александр лишал силы закон, противоречащий римскому праву, не только в отношении иностранного наследодателя, но и в отношении иностранных наследников [11: с. 83]. Личный статут не обязывает иностранцев, поэтому действительность феррарского статута имеет место только, если и наследодатель и наследник оба являются его подданными. Статут, противоречащий *juris communi* (общему — римскому — праву), в пределах территории может касаться только подданных; за границей такой статут не может обязывать даже его подданных.

И наследование по завещанию, и наследование по закону должно подчиняться одним и тем же законам. По статуту г. Имолы отец в завещании может лишить дочь ее законной части, но этот статут не имеет экстерриториальной силы. С точки зрения формы завещание должно всюду признаваться действительным, если форма соответствует требованиям *lex loci actus*. Юридическая («внутренняя») сила завещания определяется его соответствием положениям римского права.

Александр сурово критикует теорию Салицета. Как отмечает А.Н. Мандельштам, эта критика далеко не всегда является убедительной. Главный аргумент Салицета о наследстве как универсальном правопреемстве, Александр опровергает только посредством аналогии из римского права: «Аррогированный пупилл может иметь два *patrimonia* и все-таки распорядиться в завещании только одним».

Наследование по закону нельзя уподобить молчаливому завещанию, а индивидуальная воля непосредственно не влияет на определение компетентного закона. Эта мысль также аргументируется идеей главенства римского права. По убеждению Александра, завещание только тогда может быть действительным повсеместно, если оно не противоречит *ius commune*, следовательно, молчаливая воля покойного далеко не всегда должна приниматься во внимание: «Лишение закона, противного римскому праву, экстерриториальной силы, проводится Александром с какой-то особенной настойчивостью... , даже внутри территории он подвергает этот закон оригинальному ограничению» [9: с. 54].

М.И. Брун утверждал, что в конфликтном праве труды Бартоломео Салицета и Александра Тартаньи не оказали большого влияния; по-видимому, они ничего не прибавили к тому, до чего уже додумались другие. Все они вращались в кругу тех же вопросов, и ни один из них, по-видимому, не сказал ничего такого, чего уже не говорили Бартол и Бальд. Быть может, объективным показателем их малозначительности служит то, что вместе с ними обрывается линия итальянских юристов, интересовавшихся конфликтом законов [2: с. 28]. В XVI веке интерес к этим вопросам переместился во Францию и в Германию. Однако следовавшее за Бартоло поколение юристов — его учеников и преемников — сумело удержать правоведение на той высоте, которой оно достигло при великом предшественнике. Средневековые итальянские юристы, представители школы бартолистов, создали при помощи старых материалов новое право. Формулируя коллизионные нормы, бартолисты обнаружили глубокое понимание основной задачи международного частного права — повсеместной охраны субъективных прав. «Но труды их не встретили до сих пор в историко-юридической критике надлежащей оценки. Спасти их содержание от забвения и восстановить истоки конфликтного права впервые за два века его существования — таково назначение следующих страниц» [2: с. 37].

Литература

1. Брун М. И. Коллизионные нормы в юриспруденции XIV–XX вв. о состоянии лица / М.И. Брун. – М.: Тип. Лисснера и Д. Собко, 1914. – 108 с.
2. Брун М. И. Очерки истории конфликтного права / М.И. Брун. – Петроград, 1915. – 128 с.
3. Грабарь В. Э. Вопросы международного права в юридических консультациях Бальда / В.Э. Грабарь. – Кн. 5–6. – М.: Изв. МИД, 1916. — С. 144–207.
4. Грабарь В. Э. Римское право в истории международно-правовых учений / В.Э. Грабарь. – Юрьев: Тип. Маттисена, 1901. – 364 с.
5. Зом Р. Институты: Учебник истории и системы римского гражданского права / Р. Зом. – СПб.: Тип. Н.К. Мартынова, 1908–1910. – 432 с.
6. Иванов Н. П. Основания частной международной юрисдикции / Н.П. Иванов. – Казань: [б. изд.], 1865. – 90 с.
7. Каленский П. Международное частное право / П. Каленский. – Прага: [б. изд.], 1971. – 350 с.

8. *Майнц К.* Историческое введение в элементарный курс системы римского права / К. Майнц. – Харьков: Тип. Д.Н. Полухтов, 1889. – 428 с.
9. *Мандельштам А. Н.* Гаагские конференции о кодификации международного частного права / А.Н. Мандельштам. – Т. I. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. – 642 с.
10. *Марецолль Т.* Учебник римского гражданского права / Т. Марецолль // Юридический Вестник. – 1867. – № 1. – 386 с.
11. *Мережко А. А.* Наука международного частного права: история и современность / А.А. Мережко. – Киев: Таксом, 2006. – 386 с.
12. *Нольде Б. Э.* Очерк международного частного права / Б.Э. Нольде // Лист Ф. Международное право в систематическом изложении. – Юрьев: Тип. Маттисена, 1912. – 428 с.
13. *Садовский Ф.* Основы частного международного права и применение их в области наследования / Ф. Садовский // Журнал Министерства юстиции. – 1903. – № 9. – С. 31–67.

References

1. *Brun M. I.* Kollizionnie normi v jrisprudencii XIV–XX vv. o sostoyanii lica / M.I. Brun, U.D. Sobko. – М.: Тип. G. Lissnera, 1915. – 108 s.
2. *Brun M. I.* Oчерки istorii konfliktного права / M.I. Brun. – Petrograd., 1915. – 128 s.
3. *Grabar V. E.* Voprosi mezdunarodного права v yridicheskikh konsultaziyah Balda / V.E. Grabar. – Кн. 5–6. – М.: Izd. MID, 1916. – 144–207 s.
4. *Grabar V. E.* Rimskoe право v istorii mezdunarodno-pravovih — ucheniy / V.E. Grabar. – Yriev: Тип. Mattisena, 1901. – 364 s.
5. *Zom R.* Institutizii. Uchrbnik istorii i sistemi rimского grazdanskogo права / R. Zom. – SPb.: Тип. N.K. Martinova, 1908–1910. – 432 s.
6. *Ivanov N. P.* Osnovaniy chastnoy mezdunarodnoy yrisdikcii / N. P. Ivanov. – Kazan: [b. izd.], 1865. – 90 s.
7. *Kalenskiy P.* Mezgdunarodnoe castnoe право / P. Kalenskiy. – Praga: [b. izd.], 1971. – 350 s.
8. *Maync K.* Istoricheskoe vvedenie v elementarniy курс sistemi rimского права / K. Maync. – Harikov: Тип. Poluechtov, 1889. – 428 s.
9. *Mandelchtam A. N.* Gaagskie konferenzii o kodifikazii megdunarodного shastного права / A.N. Mandelcham. – Т. I. – СПб.: Тип. А. Бенке, 1900. – 642 с.
10. *Marecoll T.* Uchebnik rimского grazgdanskogo права / T. Marezol // Yuridicheskii Vestnik. – 1867. – № 1. – 386 s.
11. *Merezgko A. A.* Nauka megdunarodного shastного права: istoriy I sovremennosti / A.A. Merezgko. – Kiev: Taksom, 2006. – 386 s.
12. *Nolde B. E.* Oчерk megdunarodного shastного права / B.E. Nolde // List F. Megdunarodnoe право v sistematicheskom izlozgenii. – Uriev: Тип. Mattisena, 1912. – 428 s.
13. *Sadovskiy F.* Osnovi megdunarodного shastного права i primeneniye ih v oblasti nasledovaniy / F. Sadovskiy // Zgurnal Ministerstva yusticsii. – 1903. – № 9. – S. 31–67.

**О.В. Ефимова,
И.Л. Цилюрик**

Права физических лиц в процессе создания садоводческих некоммерческих организаций: правовые пробелы и практика применения

15 апреля 1998 года вступил в силу ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях граждан»¹.

В соответствии с данным законом физические лица имеют право на получение садоводческих, огородных или дачных земельных участков. Реализация данного права осуществляется путем создания данными гражданами юридических лиц — некоммерческих объединений в организационно-правовых формах, предусмотренных указанным законом. Формы организаций возможны только либо садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие товарищества, либо садоводческие, огороднические и дачные потребительские кооперативы, либо садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие партнерства.

В то же время, как показывает практика, в некоторых случаях реализовать указанное право граждане не могут. Это обусловлено либо недостаточным правовым регулированием, либо неправильным толкованием норм некоторыми правоприменителями.

В Московской области имеет место ряд случаев, когда Прокуратура Московской области указывала на незаконность выделения земельных участков гражданам для ведения в установленном коллективном порядке садоводства, огородничества. Мнение Прокуратуры было основано на том, что отсутствует зонирование территории, на которой расположены предоставляемые в указанных целях гражданам земельные участки, а также на нарушение порядка предоставления участков, указывая, что с заявлением об изменении разрешенного вида использования обращается ненадлежащее лицо — физическое лицо (прокуратура указывает, что с таким заявлением должно обращаться ДНП).

Разберемся с данными выводами прокуратуры по порядку.

¹ Федеральный закон от 15 апреля 1998 г. № 66-ФЗ «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединениях»: [принят Гос. Думой 11 марта 1998 г.] // Последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». См.: URL: <http://www.consultant.ru>. (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

Как известно, согласно п. 8 п. 1 ст. 1 Земельного кодекса¹ РФ одним из основных принципов земельного законодательства является деление земель по целевому назначению на категории.

Исходя из анализа п. 1 ст. 78 ЗК РФ, садоводческие, огородные или дачные земельные участки относятся к категории земель сельскохозяйственного назначения.

Кроме категории для определения правового режима земель необходимо установление разрешенного использования. Последнее определяется в соответствии с зонированием территорий, общие принципы и порядок проведения которого устанавливаются федеральными законами и требованиями специальных федеральных законов.

Таким образом, в настоящее время возможность использования того или иного земельного участка определенной категории, разрешенного использования зависит от проведенного зонирования территории.

При этом, согласно подп. 2 п. 2 ст. 7 ЗК РФ, любой вид разрешенного использования из предусмотренных зонированием территорий видов выбирается самостоятельно, без дополнительных разрешений и процедур согласования.

Градостроительное зонирование осуществляется в соответствии с общими положениями, определенными в Градостроительном кодексе² РФ (далее по тексту ГрадК РФ) от 29.12.2004 г. № 190-ФЗ.

Согласно п. 6 ст. 1 ГрадК РФ, градостроительное зонирование — зонирование территорий муниципальных образований в целях определения территориальных зон и установления градостроительных регламентов.

В п. 7 ст. 1 ГрадК РФ указано, что территориальные зоны — зоны, для которых в правилах землепользования и застройки определены границы и установлены градостроительные регламенты.

Таким образом, вид разрешенного использования земельного участка определяется в зависимости от его принадлежности к той или иной территориальной зоне, границы которой определяются, а градостроительные регламенты для которой устанавливаются в правилах землепользования и застройки.

Согласно п. 8 ст. 1 ГрадК РФ правила землепользования и застройки — документ градостроительного зонирования, который утверждается нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, нормативными правовыми актами органов государственной власти субъектов РФ и в котором устанавливаются территориальные зоны, градостроительные регламенты, порядок применения такого документа и порядок внесения в него изменений.

В результате градостроительного зонирования на территории муниципального образования могут быть выделены определенные виды территориальных зон,

¹ Земельный кодекс Российской Федерации, федер. закон: [принят Гос. Думой 28 сентября 2001 г.] // Последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

² Градостроительный кодекс Российской Федерации, федер. закон: [принят Гос. Думой 22 декабря 2004 г.] // Последняя редакция документа содержится на официальном сайте СПС «Консультант Плюс». См.: URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20 мая 2009 г.).

среди которых — зоны сельскохозяйственного использования. (ст. 35 ГрадК РФ). Для каждой такой зоны устанавливается градостроительный регламент, определяющий правовой режим земельных участков, равно как всего, что находится над и под их поверхностью и используется в процессе их застройки и последующей эксплуатации объектов капитального строительства (ст. 36 ГрадК РФ).

Для каждой из указанных территориальных зон могут устанавливаться: основные виды разрешенного использования; условно разрешенные виды использования; вспомогательные виды разрешенного использования (ст. 37 ГрадК РФ). При этом ГрадК РФ не содержит дефиниции «разрешенное использование», следовательно правоприменитель вправе осмысливать ее содержание самостоятельно.

Из вышеизложенного вытекает следующий вывод: целевое назначение устанавливается земельным законодательством для всех категорий земель, указанных в ст. 7 ЗК РФ, а разрешенное использование земельных участков, конкретизирующее целевое назначение для участков в составе отдельных категорий и субкатегорий земель, определяется правилами землепользования и застройки в порядке, установленном градостроительным законодательством.

Согласно п. 3 ст. 37 ГрК РФ, изменение одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования осуществляется в соответствии с градостроительным регламентом при условии соблюдения требований технических регламентов.

Порядок подготовки и утверждения правил землепользования и застройки регламентирован статьями 31–32 ГрК РФ.

В соответствии с п. 5 ст. 31 ГрК РФ решение о подготовке проекта правил землепользования и застройки принимается главой местной администрации с установлением этапов градостроительного зонирования применительно ко всем территориям поселения, городского округа или межселенной территории либо к различным частям территорий поселения или городского округа (в случае подготовки проекта правил землепользования и застройки применительно к частям территорий поселения или городского округа), порядка и сроков проведения работ по подготовке правил землепользования и застройки, иных положений, касающихся организации указанных работ.

Согласно п. 1 ст. 32 ГрК РФ, правила землепользования и застройки утверждаются представительным органом местного самоуправления.

В настоящее время правила землепользования и застройки поселений районов Московской области не приняты, и соответственно, не установлены территориальные зоны и градостроительные регламенты. Федеральным законом «О введении в действие градостроительного кодекса Российской Федерации» установлен переходный период для принятия правил землепользования и застройки поселений на территории Российской Федерации до 1 января 2010 года.

В соответствии с п. 3 ч. 1 ст. 4 Федерального закона от 29.12.2004 г. № 191-ФЗ «О введении в действие Градостроительного кодекса Российской Феде-

рации» вплоть до принятия в установленном Градостроительным кодексом Российской Федерации порядке правил землепользования и застройки, но не более чем через пять лет со дня введения в действие Градостроительного кодекса Российской Федерации решение об изменении одного вида разрешенного использования земельных участков и объектов капитального строительства на другой вид такого использования принимается главой местной администрации с учетом результатов публичных слушаний.

Таким образом, в связи с отсутствием утвержденных правил землепользования и застройки, и соответственно, невозможностью проведения зонирования, решение об изменении вида разрешенного использования земельного участка в период до 1 января 2010 года полномочен принимать глава местной администрации только с учетом результатов публичных слушаний.

Указанные выше нормы также не определяют субъекта, который вправе обратиться с заявлением об изменении вида разрешенного использования.

Поскольку нет прямого законодательного установления, то кто же вправе выступать заявителем при реализации прав на садовый, дачный, огородный участок? Вероятно, здесь придется исходить из толкования норм ФЗ «О садовых, огородных и дачных некоммерческих объединениях граждан», который регулирует отношения в процессе реализации прав на указанные земельные участки.

Согласно п. 1 ст. 4 указанного ФЗ право на получение указанных земельных участков в вещное право имеют именно граждане:

«Граждане в целях реализации своих прав на получение садовых, огородных или дачных земельных участков, владение, пользование и распоряжение данными земельными участками...».

И далее ст. 14 данного ФЗ определяет получение земельных участков некоммерческому объединению и его членам — физическим лицам в общую собственность.

Ст. ст. 13, 14 указанного ФЗ определяют в роли заявителя на получение данных земельных участков граждан.

Таким образом, в возникающих отношениях по формированию некоммерческих садовых, огородных, дачных объединений выступают граждане, имеющие указанные выше права на земельный участок, а реализация данного права осуществляется после регистрации юридического лица — некоммерческого объединения.

Вероятно, в данном случае не было бы ошибкой назвать в качестве заявителей на изменение вида разрешенного использования граждан как лиц, обладающих соответствующим правом на земельные участки и их некоммерческих объединений — субъектом, посредством которых производится реализация данного права.

Литература

1. *Байтенова А. А.* Комментарий к Федеральному Закону «О садоводческих, огороднических и дачных некоммерческих объединений граждан. Постатейный / А.А. Байтенова, Н.И. Крестникова. – М.: Юстицинформ, 2007. – 352 с.

Reference

1. *Vajtenova A. A.* Kommentarij k Federal'nomu zakonu «O sadovodcheskux, ogorodnicheskix i dachny'x nekommercheskix ob'edinenij grazhdan. Postatejny'j / A.A. Vajtenova, N.I. Krestnikova. – M.: Yusticinform, 2007. – 352 s.

Е.Е. Рязанов

Договор как правовой инструмент реализации прав граждан

Современная российская юриспруденция рассматривает гражданско-правовой договор в качестве универсального средства саморегулирования экономических отношений рыночного типа. При этом следует отметить, что при всей признаваемой важности и уникальности данного правового явления теория права считает договор всего лишь частноправовым средством влияния на общественные отношения. Это обстоятельство ставит договор в разряд исключительно отраслевого правового явления.

Длительное исследование особенностей правовой модели гражданско-правового договора позволяет автору утверждать, что указанная оценка умаляет истинные роль и значение договора как социального и правового явления. Начнем с того, что появление договора в качестве правового института можно рассматривать как исторически подтвержденную практическую реализацию потребности общества на определенном цивилизационном этапе своего развития к установлению системы публичного принуждения, но не в интересах всего общества или государства, а — в интересах частных лиц. В связи со сказанным можно утверждать, что договор являлся фактором и естественной предпосылкой становления государства и права. Посредством модели договорного правоотношения государство в лице публичной власти смогло органично инкорпорировать себя в структуру общественно-экономических связей. Наличие договора в системе права подтверждает социальную функцию государства. Одно только это свидетельствует, что юридическому договору отведена роль социального явления, имеющего общегуманитарное, цивилизационное значение.

Правовая модель договора используется практически всеми отраслями права. Трудно найти правовую область, которой была бы неизвестна договорная методика регулирования. Даже в таких традиционно публичных сферах, как гражданский и уголовный процесс, мы видим договорные модели (мировое соглашение, залог в качестве меры пресечения). Однако, до настоящего времени институт договора продолжает оставаться объектом фундаментального исследования исключительно науки гражданского права. Данное обстоятельство становится серьезной научной проблемой. Отраслевые юридические науки, реализующие договорные модели, и правоприменительная практика при необходимости вынужденно заимствуют по вопросам договорных

правоотношений теоретические разработки гражданского права, применяя их, как правило, по аналогии. Это положение нельзя охарактеризовать как нормальное. Видимо, пришло время задуматься о включении института договора в систему общей теории права. Договор мог бы занять место в разделе правоотношений. Использование научного инструментария теории государства и права открыло бы дорогу к созданию общей теории договора, что привело бы к более глубокому научному осмыслению этого феномена и формированию единого договорного правоприменения в Российской Федерации.

Сформулированное предложение основывается также на опыте развития науки отечественного гражданского права в области познания сущности и особенностей гражданско-правового договора за последние двадцать лет.

Теория гражданского права прослеживает эволюцию представлений о договоре от внешней формы выражения воли, имеющей исключительно доказательственное значение, к договору — сделке, и, далее — к договору, выступающему в виде правоотношения. Можно сказать, что теоретическая модель договор-правоотношение представляет собой высшее достижение науки гражданского права в России в настоящее время. Данная научная концепция в окончательном виде сформулирована М.И. Брагинским и В.В. Витрянским в конце 90-х годов XX века. [5: с. 222–235] Обращает на себя внимание то обстоятельство, что появившийся в 1995 году Гражданский кодекс РФ [2], одним из ведущих разработчиков которого являлся В.В. Витрянский, использует еще пока концепцию договор-сделка. А по прошествии нескольких лет в России появляется новая научная концепция в области договорного права. Внешне это выглядит как эволюция теории российского гражданского права.

Однако при ближайшем рассмотрении новая научная концепция договора-правоотношения вряд ли может рассматриваться в качестве выдающегося научного достижения современности. Дело в том, что отечественная теория гражданско-правовых обязательств, фундаментально разработанная еще советскими цивилистами, и особенно та ее часть, которая касается договорных обязательств, фактически исходила и исходит из того, что договорное обязательство представляет собой один из видов гражданского правоотношения. Данная идея не нуждалась в формулировании и доказывании ввиду ее очевидности.

Можно сказать, что в современной России законотворческий процесс и правоприменительная практика в области регулирования договорных отношений базируется на научных идеях советского гражданского права. Что касается научных исследований в области договорного права в новейшей истории России, то приходится констатировать факт серьезного уменьшения количества фундаментальных исследований общих вопросов договорного права. Основная масса исследователей сосредоточена на теоретическом осмыслении особенностей отдельных видов гражданско-правовых договоров, а точнее — отдельных договорных обязательств, во множестве появившихся в последнее

время. При таких обстоятельствах появление в российском гражданском праве теории договора маловероятно.

Отсутствие теории договора приводит к невозможности прогнозирования развития договорно-правовых моделей. Это приводит к тому, что развитие законодательства в области договорного регулирования в результате отсутствия научных представлений осуществляется на базе идей целесообразности и субъективно понятой сиюминутной выгоды. Нельзя не заметить, что идеи общественной целесообразности, как правило, находятся в противоречии с публично-правовым признанием и созданием гарантий осуществления основных прав и свобод граждан РФ. В качестве примера может служить Закон РФ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» [3]. Данный нормативный акт является прямым уменьшением прав и свобод граждан России. При этом ограничение конституционного права граждан РФ было осуществлено при отсутствии предусмотренных Конституцией РФ [1] оснований для такого ограничения. Данные основания и конституционно-правовые цели с лихвой заменила идея целесообразности. Бациллы правового прагматизма, как оказалось, проникли даже в сознание судей Конституционного Суда РФ, которые, с одной стороны, усмотрели в данном Законе РФ нарушение гарантированных Конституцией РФ [1] прав и свобод граждан России в экономической сфере, но с другой — посчитали такие нарушения разумными и справедливыми [4].

Изучение ряда фундаментальных вопросов договорного права методами отраслевой юридической науки во взаимосвязи с другими институтами цивилистики не приводят к ожидаемым качественным результатам. Наблюдается определенная тщетность научных усилий, достижение предельности познания такого правового явления, как договор внутри гражданского права. Исследование договора в рамках науки гражданского права выявляет ряд труднообъяснимых явлений, без научных объяснений которых дальнейшее поступательное развитие отечественной цивилистики невозможно. Причинами подобного положения, по мнению автора, являются:

- оторванность цивилистов по некоторым аспектам научного видения от идей теории государства и права;
- стремление науки гражданского права в России к развитию внутри себя и только для себя;
- необоснованное во многих случаях декларирование особой специфики гражданско-правовых явлений.

Вместе с тем, общеизвестно, что отраслевые юридические науки могут продуктивно развиваться только в условиях научной координации с общей теорией права.

Научные исследования, направленные на осознание и раскрытие сущности гражданско-правового договора через призму обязательственного правоотношения с выявлением всех его элементов столкнулись сегодня с необ-

ходимостью признания возможности существования в гражданском праве правоотношений, лишенных содержания в течение определенных отрезков времени. Формулирование понятия «условия гражданско-правового договора» на основе цивилистического видения договора приводит к неудовлетворительным результатам, которые сводят важнейший элемент договора либо к его содержанию, либо к средству формулирования взаимных прав и обязанностей участников договорного процесса. Идеи эти, в принципе, верны, однако не раскрывают сущности договора как правового явления, а, следовательно, бесполезны с точки зрения практического применения. Достаточно интересная в научном плане версия о необходимости рассмотрения условий договора в правовом смысле в качестве избранных сторонами юридических фактов, с которыми стороны соглашения связывают возникновение, изменение или прекращение конкретных взаимных субъективных прав и обязанностей, не может получить признание, поскольку приводит к необходимости пересмотра некоторых положений общей теории правоотношения.

Таким образом, научное осознание феномена гражданско-правового договора лежит в плоскости исследования сущности гражданского правоотношения в качестве абстрактного (идеального) явления и создания общей теории договора.

Литература

1. Конституция РФ // Российская газ. – 2009. – № 4831. – 21 января.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // СЗ РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Федеральный Закон РФ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» от 25.04.2002 г. № 40-ФЗ // СЗ РФ. – 2002. – № 18. – Ст. 1720.
4. Постановление Конституционного Суда РФ № 6-П от 31 мая 2005 г. «По делу о проверке конституционности Федерального Закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» в связи с запросами Государственного Собрания — Эл Курултай Республики Алтай, Волгоградской областной Думы, группы депутатов Государственной Думы и жалобой гражданина С.Н. Шевцова // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2005. – № 4.
5. Брагинский М. И. Договорное право: Общие положения / М.И. Брагинский, В.В. Витрянский. – М.: Статут, 1998. – 682 с.

References

1. Konstituciya RF // Rossiiskaya gezeta. – 2009. – № 4831. – 21 Yanvaryaya.
2. Grajdanskiy kodeks Rossiyskoy Federacii (chast pervaya) ot 30 noyabriya 1994 g. №51-FZ // SZ RF. – 1994. – № 32. – St. 3301.

3. Federalnyi Zakon RF «Ob obyazatelnom straxovanii grajdanskoi otvetstvennostu vladelcev transportnyx sredstv» // SZ RF. – 2002. – № 18. – St. 1720.
4. Postanovlenie Konstitucionnogo Syda RF № 6-P ot 31 Maya 2005 g. «Po dely o proverke konstitucionnosti Federalnogo Zakona RF «Ob obyazatelnom straxovanii grajdanskoi otvetstvennostu vladelcev transportnyx sredstv» — v sviazi s zaprosami Gosudarstvennogo Sobraniya — El Kurultai Respubliki Altay, Volgogradskoy oblastnoy Dumy, gruppy deputatov Gosudarstvennoy Dumy i jaloboy grajdanina S.N. Shevcova // Vestnik Konstitucionnogo Suda RF. – 2005. – № 4.
5. *Braginskiy M. I.* Dogovornoe pravo: Obshie polozheniya / M.L. Braginski., V.V. Vitrianskiy. – M.: Statut, 1998. – 682 s.

Н.Н. Андреевна

**Понятие инородцев
и их классификация
в дореволюционной юридической
литературе и законодательстве
Российской империи XIX века**

В XIX веке население Российской империи подразделялось на природных обывателей, инородцев и иностранцев. Правовой статус природных обывателей и иностранцев четко прописан в законодательстве. Трудности возникают при определении правового статуса инородцев. Из текста статьи 1 Свода законов Российской империи 1832 года, следует [8: с. 1], что инородцы являются подданными Российской империи, так же как и природные обыватели, но их правовой статус характеризуется наличием ряда особенностей. Для более подробного исследования правового статуса инородцев и выявления особенностей его правового регулирования необходимо изучить определение и классификацию инородцев.

Среди дореволюционных юристов, исследовавших правовой статус населения Российской империи, существовали различные мнения относительно определения и классификации инородцев. По мнению Н.Ф. Рождественского, к инородцам относилась та часть населения Российской империи, права которых «по их состоянию определялись особыми положениями» [6: с. 277]. А.Д. Градовским к инородцам причислялись «некоторые племена, поставленные по их правам состояния и управлению ими в особое положение» [1: с. 408–409]. По его мнению, к этой же группе относились не все, а только «лица нерусского происхождения, подвластные России» [1: с. 36]. Д.Н. Чичерин определял инородцев как «полных подданных, имеющих только особенные права и обязанности вследствие происхождения и образа жизни» [14: с. 211]. Эта категория составляла отдельное состояние с особыми правами и со своим управлением [14: с. 262]. Н.М. Коркунов считал, что к инородцам можно отнести «племена, не подчинявшиеся общему законодательству или пользовавшиеся особым управлением» [3: с. 355]. В.М. Гри-

бовский придерживался позиции о том, что инородцы — это «русские подданные, на основании племенного происхождения, не подпадавшие вполне действию общих законов или пользовавшиеся особым управлением, основанным на родо-вом, племенном начале» [2: с. 52]. Кроме того, под инородцами подразумевались «... племена, обитавшие в России на низком уровне культуры: таковы, например, башкиры, самоеды, калмыки и другие» [2: с. 36]. В связи с этим, наряду с ограничениями в общих правах, они пользовались некоторыми выгодными привилегиями, например, в исполнении воинской повинности.

Изучение представленных мнений юристов XIX века позволяет нам сделать вывод об отсутствии единой точки зрения относительно понятия инородцев, что, несомненно, затрудняет и определение их правового статуса. Для решения этой проблемы необходимо проанализировать законодательные акты, в которых определялось понятие инородцев.

Одним из первых законодательных актов, в котором встречается определение данной категории населения, являлось Учреждение для управления Сибирских губерний, принятое 22 июня 1822 года. В соответствии с параграфом 143 второго отделения Учреждения, инородцами назывались «все племена обывателей не Российского происхождения, в Сибири обитающие» [13: с. 358]. Как видим, в основу понятия положены два признака: происхождение и место проживания. В этом же правовом акте содержится норма, которая говорит о том, что помимо положений, содержащихся в нем самом, есть особенные Уставы и Положения. Среди них упоминается принятый месяцем позже Устав об управлении инородцами, который в свою очередь также содержит определение инородцев. В дополнение к признакам, указанным в Учреждении, Устав об управлении инородцами указывает на то, что инородцами являлись также «племена, именуемая поныне ясачными» [12: с. 394]. Ясачными именовались племена, издревне населявшие Сибирь и платившие натуральный налог в казну государства в виде пушнины (ясак) [11: с. 90].

В связи с расширением территории России законодатель от данного определения отказался. В Своде законов о состоянии людей в государстве 1832 года под основным признаком понятия инородцев рассматривается определение прав специальными законодательными актами, положениями [7: с. 226]. В редакциях 1876 и 1899 годов Свода законов о состояниях содержится уже конкретный перечень народов, относившихся к инородцам [8: с. 183; 10: с. 154].

Свои подходы к характеристике народов, причисляемых к инородцам, имели дореволюционные юристы. Профессор Н.Ф. Рождественский, писавший в первой половине XIX века, считал, что к инородцам относятся пять разрядов населения Российской империи: сибирские инородцы, в их числе сибирские киргизы и островитяне, состоявшие в ведомстве Российско-Американской компании и племена, именовавшиеся до 1822 года ясачными и иноверцами. Они в свою очередь подразделялись на оседлых, кочевых и бродячих. К инородцам относились также самоеды Мезенского уезда Астраханской губернии, кочевники Кавказской области (нагайцы, каранагайцы, трухменцы и кирги-

зы), калмыки, кочевавшие в Астраханской и Ставропольской губерниях, и евреи [6: с. 277–278].

По мнению А.Д. Градовского, высказавшего свою точку зрения уже после продажи Аляски, инородцы делились на две категории: некоторые монгольские, тюркские и финские племена, обитавшие на востоке и севере России, и евреи. К первой категории относились сибирские инородцы, в том числе киргизы, самоеды Мезенского уезда Архангельской губернии, и кочевые народы Ставропольской губернии. К числу кочевых инородцев Ставропольской губернии причислялись инородцы, кочевавшие в разных местностях Ставропольского и Пятигорского уездов, каранагайцы и едишкульцы Кизлярского уезда, трухменцы и киргизы, обитавшие в зимнее время в уезде Кизлярском, а в летнее время на землях калмыцких. Позже к ним были присоединены инородцы Закаспийского края [1: с. 409].

Существовала и иная классификация инородцев. Она содержалась в трудах В.М. Грибовского и Н.М. Коркунова. В соответствии с этой классификацией инородцы подразделялись на две категории: восточные инородцы и евреи.

По мнению профессора Н.М. Коркунова и приват-доцента В.М. Грибовского, самые важные различия между этими категориями заключались в том, что принадлежность к еврейству обуславливалась не одним племенным происхождением, как этнографическим признаком, но также и религией. Следовательно, еврей, принявший христианство, переставал в глазах закона быть евреем и инородцем. Напротив, принадлежность к восточным инородцам была обусловлена только определенным племенным происхождением. Потому принятие восточным инородцем христианства не влекло за собой выхода из состояния инородцев. Вместе с тем восточные инородцы, сделавшись оседлыми, могли без всякого ограничения или стеснения вступать в сословия городских или сельских обывателей. Евреи же, несмотря на то, что они уже оседлые, не могли по своему желанию выйти из состояния инородцев [3: с. 356]. Кроме того, Н.М. Коркунов и В.М. Грибовский в основном придерживались перечня, представленного в законодательстве второй половины XIX века.

Рассмотрим классификации, которые были представлены в законодательстве XIX века. Для этого следует рассмотреть три наиболее значимых правовых памятника данного периода: «Устав об управлении инородцев» 1822 года [4] (далее Устав), «Положение об инородцах» 1892 года [9] (далее Положение) и «Законы о состояниях» в редакциях 1832, 1876 и 1899 годов [7–8, 10].

Основным правовым актом являлся Устав об управлении инородцев. В Уставе приводилось разделение инородцев на три разряда: оседлых, кочевых и бродячих. В основу этого деления были положены два критерия: «степень гражданского образования» и «настоящий образ жизни», прописанные в параграфе 1 главы 1 Устава. По мнению А.Д. Градовского, «эти три разряда соответствовали степени подчинения означенных инородцев условиям русского управления и гражданским законам России» [1: с. 414]. Под «образом жизни» подразумевался род занятий и место обитания. Под

«степенью гражданского образования» понимался уровень общественного развития. Данный критерий определялся нечетко и ставился в зависимость от образа жизни.

Первый разряд — оседлые, то есть «жившие в городах и селениях», второй — кочевые, «занимавшие определенные места по временам года перемняемые», третий — бродячие, «переходившие с одного места на другое по рекам и урочищам».

Параграф 170 приводил признаки, характеризовавшие состояние кочевых и бродячих инородцев: непостоянство местожительства, простота нравов, особые обычаи, образ пропитания, трудность взаимных сообщений, недостаток монеты в обращении, недостаток способов сбывания на месте лова и произведения.

Оседлые приравнивались в правах и обязанностях к русскому населению и управлялись на основании общероссийских законов, но при этом освобождались от несения рекрутской повинности. Кочевые составляли особенное сословие, приравненное к крестьянскому, но отличавшееся от него системой управления. Бродячие в правах приравнивались к кочевым [12: с. 394].

В 1892 году было издано Положение об инородцах. В нем содержались некоторые изменения, а также ссылки на законы (например, положение об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областях, положение об управлении Туркестанским краем, положение об управлении Закаспийской областью и другие), которые регулировали общественные отношения инородцев. Сопоставление Устава об управлении инородцев 1822 года и Положения об инородцах 1892 года позволяет проследить эволюцию законодательства, относившегося к этой категории населения.

В Положении, как и в Уставе, говорилось о разделении инородцев на разряды. В статье 2 Положения, устанавливавшей разделение, указывалось на исключение из этого деления некоторых народностей, которые составляли особые разряды. К ним относились чукчи в Приморской области, дзюнгорцы в юго-восточной части Томской губернии и инородцы Командорских островов [5: с. 394]. Был уточнен один из критериев, в соответствии с которым проводилось разделение. Так же, как и в Уставе, «образ жизни» определялся как род занятий и место обитания, но в соответствии Положением этот критерий теперь включал и «качество промысла». Признаки каждого разряда были существенно расширены. Например, оседлые инородцы характеризовались не только признаком проживания в городах и селениях, как это было прописано в Уставе 1822 года, но и тем, что они имели постоянную оседлость, занимались хлебопашеством, торговлей и другими видами деятельности, присущими городским обывателям. Кочевыми Положение называло тех, кто хотя и «имел постоянную оседлость, но по времени года переменяемую, и не живших деревнями». Разряд бродячих определялся в Положении, так же как и в Уставе. Но в Положении не указывалось, какие инородцы относились к тому или иному разряду, как это было сделано в Уставе. В статье 4 говорилось, что разделение производилось при каждой общей переписи (ревизии) [5: с. 1–2].

Профессор В. М. Грибовский считал, что такое деление присуще не всем разрядам инородцев, а только тем, которые относились к категории восточных [2: с. 53].

Перейдем к рассмотрению Законов о состояниях. Законы о состояниях, в редакциях 1832, 1876 и 1899 годов, так же как Устав об инородцах и Положение об управлении инородцами разделяли инородцев на оседлых, кочевых и бродячих. В статье 714 Законов о состояниях 1832 года впервые получил законодательное закрепление перечень народов, причислявшихся к инородцам. В законах о состояниях 1832 года выделялись сибирские инородцы, включая сибирских киргизов, кочующие народы Кавказской области, калмыки, кочевавшие в Астраханской губернии и Кавказской области, а также евреи [7: с. 226].

Сводом законов о состояниях, изданном в 1876 году, к инородцам принадлежали, как и в предыдущем издании, сибирские инородцы, калмыки, кочевавшие в Астраханской и Ставропольской губерниях¹, кочевые народы Ставропольской губернии и евреи. Кроме того, были закреплены новые категории: инородцы, обитавшие на Командорских островах, самоеды, Мезенского уезда Архангельской губерний, ордынцы Закаспийского края [8: с. 183].

В статье 762 Законов о состояниях 1899 года из перечня были исключены инородцы, обитавшие на Командорских островах, но появились новые категории: киргизы Внутренней Орды, инородцы Акмолинской, Семипалатинской, Уральской и Тургайской областей, нерусское население Закаспийской области [10: с. 154].

В XIX веке существовала проблема определения и классификации инородцев. Но она имела место только среди ученых, которые высказывали разные мнения. Анализ законодательства позволяет говорить о том, что оно содержало конкретные положения об инородцах. По определенным причинам эти положения изменялись. Классификация инородцев подвергалась изменениям на протяжении всего XIX века в связи с изменением границ Российской империи. Присоединение к России Закавказья, Средней Азии немедленно отражалось в законодательстве. В нем появлялись новые категории инородцев. В то же время продажа территорий в Северной Америке приводит к исчезновению ряда категорий инородцев. Однако сохранялось устойчивое разделение всех инородцев на оседлых, кочевых и бродячих, которое является ключевым при исследовании правового статуса инородцев.

Литература

1. *Градовский А. Д.* Начала русского государственного права: В 2-х тт. / А.Д. Градовский; под ред. и с предисл. В.В. Томсинова. – Т. 1. – М.: Зерцало, 2006. – 470 с.
2. *Грибовский В. М.* Государственное устройство и управление Российской империей / В.М. Грибовский. – Одесса: Типография «Техник», 1912. – 258 с.
3. *Коркунов Н. М.* Русское государственное право / Н.М. Коркунов; под ред. и с дополн. Н.Б. Горенберга. – Т. 1. – 6 изд. (без существенных перемен). – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1909. – 623 с.

¹ В 1847 году Кавказская область преобразована в Ставропольскую губернию.

4. Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание I. – Т. XXXVIII. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 1354 с.
5. Положение об инородцах // Свод законов Российской империи. – Т. II. 1892. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1892. – 436 с.
6. Руководство к Российским законам, составленное Н. Рождественским. — 4 изд., доп. — СПб.: Типографии Эдуарда Праца, 1851. — 716 с.
7. Свод законов Российской империи. – Т. II. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1892. – 436 с.
8. Свод законов Российской империи. – Т. IX. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1832. – 446 с.
9. Свод законов Российской империи. – Т. IX. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1876. – 312 с.
10. Свод законов Российской империи. – Т. IX. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1899. – 466 с.
11. Статистическое обозрение Сибири, составленное Статским советником Беккаревичем на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. – СПб., в типографии Шнора, 1810. – 115 с.
12. Устав об управлении инородцев. 22 июля 1822 (№29. 126) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание I. – Том XXXVIII. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 1354 с.
13. Учреждение для управления Сибирских губерний. 22 июня 1822 г. (№ 29. 125) // Полное собрание законов Российской империи с 1649 г. Собрание I. – Том XXXVIII. – СПб.: Типография II Отделения Собственной его императорского величества канцелярии, 1830. – 1354 с.
14. Чичерин Б. Н. Общее государственное право. / Б. Н. Чичерин; под редакцией и с предисловием В.А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2006. – 536 с.

References

1. *Gradovskii A. D.* Nachala russkogo gosudarstvennogo prava: V 2-h tt. / A.D. Gradovskii; pod red. i s predisl. V.V. Tomsinova. – Т. 1. – М.: Zercalo, 2006. – 470 s.
2. *Gribovskii V. M.* Gosudarstvennoe ustroistvo i upravlenie Rossiiskoi imperiei / V.M. Gribovskii. – Odessa: Tipografiya «Tehnik», 1912. – 258 s.
3. *Korkunov N. M.* Russkoe gosudarstvennoe pravo / N.M. Korkunov; pod red. i s dopoln. N.B. Gorenberga. – Т. 1. – 6 izd. (bez sushestvennyh peremen). – SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1909. – 623 s.
4. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. Sobranie I. – Tom XXXVIII. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. – 1354 s.
5. Polozhenie ob inorodcah // Svod zakonov Rossiiskoi imperii. – Т. II. – 1892. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1892. – 436 s.
6. Rukovodstvo k Rossiiskim zakonom, sostavlennoe N. Rozhdestvenskim. – 4 izd., dop. – SPb.: Tipografii Eduarda Praca, 1851. – 716 s.

7. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. – T. II. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1892. – 436 s.
8. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. – T. IX. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1832. – 446 s.
9. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. – T. IX. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1876. – 312 s.
10. Svod zakonov Rossiiskoi imperii. – T. IX. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1899. – 466 s.
11. Statisticheskoe obozrenie Sibiri, sostavlennoe Statskim sovetnikom Bekkarevichem na osnovanii svedenii, pocherpnutyh iz aktov pravitel'stva i drugih dostovernyh istochnikov. – SPb., v tipografii Shnora, 1810. – 115 s.
12. Ustav ob upravlenii inorodcev. 22 iyulya 1822 (№ 29. 126) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. Sobranie I. – Tom XXXVIII. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. – 1354 s.
13. Uchrezhdenie dlya upravleniya Sibirskih gubernii. 22 iyunya 1822 (№ 29. 125) // Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii s 1649 g. Sobranie I. – Tom XXXVIII. – SPb.: Tipografiya II Otdeleniya Sobstvennoi ego imperatorskogo velichestva kancelyarii, 1830. – 1354 s.
14. *Chicherin B. N.* Obshee gosudarstvennoe pravo / B.N. Chicherin; pod redakciei i s predisloviem V.A. Tomsinova. – M.: Zercalo, 2006. – 536 s.

С.А. Афанасьева

Становление и развитие института политических прав и свобод в России

Процесс становления и развития института политических прав и свобод человека в России был весьма непростым. Сам термин «права человека» прижился в политико-правовом лексиконе российской интеллигенции только в конце XIX – начале XX веков [1: с. 143]. Государственно-политическая практика и культура, монархическая форма правления, крепостное право, правовой нигилизм и многое другое в значительной степени тормозили становление прав человека в нашем государстве.

Одним из первых защитников прав и свобод человека в России был А.Н. Радищев. Он развивал представления о свободе и равенстве всех людей в естественном состоянии, о договорном происхождении государства, о неотчуждаемых правах человека на свою жизнь, собственность, равный суд, свободу мысли и слова, о суверенитете народа и его праве свергнуть несправедливый строй [2: с. 130, 176–177, 437]. А.И. Герцен отстаивал идеи личной свободы и прав человека, смело высказывался против крепостного права, выступал за уважение к народам и каждой отдельной личности, за демократическое устройство России [3: с. 416]. Н.Г. Чернышевский искренне боролся за интересы личности, пропагандировал идеи всеобщего равенства и свободы [4: с. 492–524]. Положения Французской Декларации 1789 года о правах и свободах человека впоследствии получили поддержку и защиту в трудах многих дореволюционных русских ученых (Б.Н. Чичерина, П.И. Новгородцева, В.С. Соловьева, Н.А. Бердяева).

В дореволюционный период значительная часть населения была лишена основных политических прав и свобод. Первые выборы в парламент, которые проводились на куриальной (четыре курии) неравноправной основе (землевладельцы, городские жители, крестьяне и рабочие) состоялись только в 1906 году и предусматривали жесткие избирательные цензы. Да и возможности избираемого органа были весьма ограничены властью императора. Управительная власть во всем ее объеме принадлежала императору, а судебная власть осуществлялась от его имени установленными законами судами, решения которых опять-таки приводились в исполнение именем императорского величества. О свободе шествий в законодательстве царской России не упоминалось вообще. Свобода собраний была весьма урезана (они могли устраиваться лишь в целях, не противоречащих законам). Свобода слова и свобода печати была под полицейским контролем. И все же дореволюционный период

можно характеризовать как начальный этап формирования политических прав и свобод в России.

Принятие первой советской конституции стало значительным шагом в развитии данной категории прав. «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», являющаяся составной частью Конституции РСФСР 1918 года, предоставляла рабочему классу преимущества в области политических прав, по сравнению с крестьянами и иными социальными группами. Законодатель наделял избирательными правами только трудящихся, независимо от национальности, оседлости, пола и т.п. Конституция закрепляла (статья 14), свободу слова, собраний, митингов и шествий (статья 15), а также свободу объединений только за трудящимися (статья 16). Основным закон РСФСР 1918 года открыто стоял на классовых позициях. В. И. Ленин подчеркивал классовый характер первой советской конституции: «Мы не обещаем, что Конституция обеспечивает свободу и равенство вообще. Свобода — но для какого класса и для какого употребления...» [5: с. 424].

Конституция СССР 1924 года, Конституция РСФСР 1925 года в значительной мере повторяли текст Конституции 1918 года и имели конкретную цель — отразить природу и структуру СССР. Текст конституции РСФСР, являющейся одной из союзных республик СССР, полностью соответствовал тексту Конституции СССР. В связи с чем в дальнейшем речь будет идти о республиканской конституции. Конституция 1925 года исходила из основных начал предыдущей конституции и ставила основной задачей утвердить диктатуру пролетариата в целях подавления буржуазии, уничтожения эксплуатации человека человеком и осуществления коммунизма (статья 1).

Важным моментом Конституции СССР 1936 года и Конституции РСФСР 1937 года явилось закрепление в них впервые всеобщего, равного и прямого избирательного права. Вместе с тем, предусматривалась возможность лишения избирательного права по суду на срок до пяти лет как дополнительную меру наказания. Таким образом законодатель ограничивал данное политическое право. Конституция РСФСР 1937 года подтвердила закрепленные Конституцией 1918 года демократические права и свободы граждан и усилила их гарантии, расширив их перечень рядом новых прав, в том числе и политических. Конституционно закреплялись такие политические права и свободы граждан, как: равноправие граждан независимо от пола, национальности и расы, свобода слова, печати, собраний и митингов, уличных шествий и демонстраций, право граждан на объединение.

Конституция СССР 1977 года стала первой и единственной за весь советский период конституцией, включавшей в отдельном разделе, посвященном правам, свободам и обязанностям граждан, стандартный для европейских стран комплекс гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав.

Конституция СССР 1977 года уже более широко, чем предыдущие, регулировала статус личности. Гражданину, личности были посвящены ряд положений преамбулы, второй раздел в «Государстве и личность». Конституция закрепила

широкий круг прав, свобод и обязанностей граждан, тем самым подчеркивая важную роль личности при решении вопросов государственного строительства и в деятельности государственных органов (право вносить в государственные органы и общественные организации предложения об улучшении их деятельности, критиковать недостатки в работе и т.д.). Представляется, что Конституция СССР 1977 года сыграла в определенном смысле положительную роль в формировании института политических прав и свобод граждан. В этот период существенные изменения претерпела теория прав человека в целом. Появились научные труды С.С. Алексеева, Н.В. Витрука, Л.Д. Воеводина, Е.А. Лукашевой, Н.И. Матузова, В.А. Патюлина, Ф.М. Рудинского, И.Е. Фарбера, В.М. Чхиквадзе и др., посвященные правовому статусу личности, свободе и правам человека в СССР. Однако, несмотря на серьезные трансформации в теории права, советском законодательстве, права и свободы граждан в СССР носили декларативный характер, остро назревала проблема обеспечения этих прав, вопрос о смене политической идеологии партийной элиты, которая уже не соответствовала духу времени и сдерживала социально-политическое развитие государства и общества. Пока у рычагов управления находилась КПСС, господствовал запрет на существование других партий, на свободное и открытое обсуждение идей прав человека, выражающих интересы граждан.

На наш взгляд период развития политических прав и свобод человека и гражданина в России условно можно разделить на два этапа:

- 1) 1991–1993–2000 года (период правления Б.Н. Ельцина);
- 2) 2000–2008 года (период правления В.В. Путина).

Первый период характеризуется рядом конституционных реформ, устраняющих так называемые «идеологизмы», то есть указания на служение прав и свобод граждан «интересам народа», целям «укрепления и развития социалистического строя», «коммунистического строительства». Принятие «Декларации прав и свобод человека и гражданина» в 1991 году и включение ее положений в 1992 году в Основной закон, Закон от 9 декабря 1992 года «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Федерации — России» практически регулировали все вопросы статуса личности так, как это должно быть в демократическом государстве. В этот период было значительно расширено конституционное право граждан на участие в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении проектов законов и крупных вопросов общественной жизни. Принятый 27 декабря 1991 года Закон РФ «О средствах массовой информации» впервые в советской истории провозгласил принцип недопустимости цензуры, закрепил право граждан на получение информации.

В стране назрела проблема демонтажа советского партийно-государственного строя, актуализировался вопрос о реализации политических прав и свобод. Постепенно стало развиваться законодательство отдельных видов названных прав (законы о референдумах, об общественных объединениях, массовых публичных мероприятиях). «Эти законы высоко подняли планку

правозащитного нормотворчества, определили основные вехи в продвижении к новой Конституции» [6: с. 358].

Решающим моментом становится принятие Конституции Российской Федерации 1993 года. Закрепление Конституцией принципа и гарантии прав и свобод содержится в главах 1 и 2. Так положения главы 2 Конституции декларируют, что человек, его права и свободы являются высшей ценностью, что признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Принципиальными являются также положения главы 1, закрепляющие статус Российской Федерации как демократического, федеративного, правового государства с республиканской формой правления, об идеологическом и политическом многообразии, многопартийности. Важной гарантией действительности политических прав и свобод граждан стали рассматриваться принципы федерализма, разделения властей и др. Проблематика прав и свобод находит свое отражение и в главе 3, где закрепляется правотворческая компетенция в этой сфере субъектов Российской Федерации, и в последующих главах через закрепление компетенции законодательных, исполнительных и судебных органов.

Наряду с принятием Конституции состоялись демократические выборы в России, в ходе которых были избраны почти все депутаты Государственной Думы и Совета Федерации.

Принятие новой Конституции и выборы 12 декабря 1993 года способствовали формированию политико-правовой определенности в государственном строе России, открывали новые возможности для дальнейшего развития института политических прав и свобод человека и гражданина.

В этот период Россия получила принципиально новое избирательное законодательство, соответствующее в целом международным избирательным стандартам; новое законодательство о печати, общественных объединениях. Утвердился принцип гласности, отменилась цензура. Кардинально изменились функции средств массовой информации — стали иными содержание, политическая и информационная направленность периодических изданий. В 1990–1999 годах число газет увеличилось с 4 808 до 5 535 наименований [7: с. 751]. Одновременно заметно выросла роль телевидения — появились новые общероссийские каналы, сложилась сеть региональных телекомпаний, стал необычайно широким диапазон информационных передач.

Второй период характеризуется интенсивной работой по совершенствованию всех общественных структур, укреплением старой и созданием новой «вертикали власти». Это и создание семи федеральных округов, возглавляемых полномочными представителями Президента, и реформа верхней палаты Федерального собрания России — Совета Федерации, и модернизация судебной-правовой системы.

Особое значение имеет принятие федеральных конституционных законов (о референдуме Российской Федерации, о Конституционном Суде Российской Федерации, об Уполномоченном по правам человека в Российской Федера-

ции), предметом которых главным образом являются не отдельные политические права и свободы, а механизмы их обеспечения и защиты.

Был принят ряд федеральных законов и подзаконных нормативных правовых актов, направленных на соблюдение, обеспечение и защиту политических прав и свобод человека и гражданина: «Об общественных объединениях», «О средствах массовой информации», «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и т.п.

Вместе с тем, в этот период налицо и ряд негативных явлений, связанных с осуществлением политических прав и свобод — произвол в правоприменительной практике, установление жесткого президентского контроля над всеми другими ветвями власти, реформы законодательства, содействующие бюрократической консолидации и другое. Кроме того, непростая экономическая ситуация, сложившаяся к началу указанного периода, озабоченность повседневными материальными проблемами отчуждали людей от политики [8: с. 195–196] и борьбы за свои политические права и свободы.

Таким образом, «в начале 90-х годов мы говорили, что наше государство просто не в состоянии выполнить своих социальных обязательств в ситуации хаоса и экономического краха, при остановке большинства предприятий...». Теперь наше государство стало иным, тем не менее, власть все еще не осознала необходимость вести себя как социальное государство, что, кстати, возложено на нее Конституцией [9: с. 11].

Реформирование правовой системы в России продолжается и сейчас. Теоретики и практики современной юридической науки стремятся к балансу интересов отдельных граждан, групп населения, соответствию Конституции нормам международного права. Однако по сравнению с периодом правления Б.Н. Ельцина, в период правления В.В. Путина и в настоящее время государство все более затрудняет гражданам возможность реализации ими своих политических прав и свобод.

Литература

1. Глухарева Л. И. Права человека в современном мире (социально-философские основы и государственно-правовое регулирование) / Л.И. Глухарева. – М.: Юристъ, 2003. – 304 с.
2. Радищев А. Н. Избранные философские сочинения / А.Н. Радищев. – М.: ГИПЛ, 1949. – 558 с.
3. Герцен А. И. Былое и думы: В 4-х тт. / А.И. Герцен. – Т. 2. – М.: Правда, 1988. – 624 с.
4. Чернышевский Н. Г. Избранные философские сочинения: В 3-х тт. / Н.Г. Чернышевский. – Т. 3. – М.: Госполитиздат, 1951. – 915 с.
5. Ленин В. И. УП Всероссийский съезд Советов. Заключительное слово по докладу ВЦИК и Совнаркома. 6 декабря / Полн. собр. соч.: В 55-ти тт. / В.И. Ленин. – Т. 39. – М.: Изд-во политической литературы, 1958. – 629 с.

6. *Ковлер А. И.* Антропология права / А.И. Ковлер. – М.: Норма, 2002. – 467 с.
7. *Барсенков А. С.* История России. 1917–2007 / А.С. Барсенков, А.И. Вдовин. – 2-е изд. – М.: Аспект Пресс, 2008. – 832 с.
8. Права человека / Отв. ред.: Е.А. Лукашева. – М.: Норма, 2001. – 573 с.
9. *Алексеева Л. М.* Права человека и Конституция в современной России / Л.М. Алексеева // Глобализация, права человека и право / Ред.: В.А. Северухин. – М.: МГПУ, 2007. – С. 10–13.

References

1. *Gluhareva L. I.* Prava cheloveka v sovremennom mire (sozialno-filosofskie Osnovi i gosudarstvenno-pravovoe regulirovanie) / L.I. Gluhareva. – М.: Yurist, 2003. – 304 s.
2. *Radisev A. N.* Izbrannie filosofskie sochinenia / A.N. Radisev. – М.: GIPL, 1949. – 558 s.
3. *Gerzen A. I.* Biloe i dumi: V 4-h tt. / A.I. Gerzen. – Т. 2. – М.: Pravda, 1988. – 624 s.
4. *Cherniyshevskii N. G.* Izbrannie filosofskie sochinenia: V 3-h tt. / N.G. Cherniyshevskii. – Т. 3. – М.: Gospolitizdat, 1951. – 915 s.
5. *Lenin V. I.* UP Vserossiiskii siezd Sovetov. Zakljchitelnoe slovo po dokladu VZIK i Sovnarkoma. 6 dekabria / Poln. sobr. soch.: V 55-ti tt. / V.I. Lenin. – Т 39. – М.: Izd-vo politicheskoi literature, 1958. – 629 s.
6. *Kovler A. I.* Antropologia prava / A.I. Kovler. – М.: Norma, 2002. – 467 s.
7. *Barsenkov A. S.* Istoria Rossii. 1917–2007 / A.S. Barsenkov, A.I. Wdovin. – 2-e izd. – М.: Aspekt Press, 2008. – 832 s.
8. Права человека / Отв. ред. Е.А. Лукачшова. – М.: Норма, 2001. – 573 с.
9. *Alekseeva L. M.* Prava cheloveka i Konstitucia v sovremennoi Rossii / L.M. Alekseeva // Globalizacia, prava cheloveka i pravo / Red. V.A. Severuhin. – М.: МGPU, 2007. – С. 10–13.

**С.А. Бурьянов,
Д.А. Ростиславлев**

**Материалы международной
конференции «Право и права человека:
теоретические аспекты и юридическая
практика»**

16 апреля 2009 года на юридическом факультете МГПУ состоялась вторая за два года межвузовская конференция. Она была посвящена памяти скончавшегося 5 января 2009 г. Феликса Михайловича Рудинского, заслуженного юриста РСФСР, профессора, доктора юридических наук, возглавлявшего кафедру конституционного права и отраслевых юридических дисциплин на юридическом факультете МГПУ.

Сферу научных интересов Ф.М. Рудинского составляли проблемы конституционного (государственного) права, прав человека и свободы совести, а также некоторые вопросы теории государства и права и политологии. Наиболее весомый вклад ученый внес в разработку проблем личных (гражданских) прав человека и гражданина, конституционно-правовой ответственности, конституционного правосудия, развития институтов демократии,

Тема прав человека была в центре деятельности и научных исследований Ф.М. Рудинского. В начале 90-х гг. XX века Ф.М. Рудинский возглавлял Волгоградский общественный центр по правам человека и сотрудничеству народов. С 1998 г. он — сопредседатель Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в РФ. В 2002 году профессор Рудинский поддержал инициативу создания независимого научно-исследовательского Института свободы совести и был избран его научным руководителем. В 2007 г. создал секцию по просвещению в области прав человека Экспертного совета при Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации.

Ф.М. Рудинским опубликовано более 130 научных трудов. Среди последних фундаментальных исследований — «Гражданские права человека. Современные проблемы теории и практики» — М., 2004; «Наука прав человека и проблемы

конституционного права» — М., 2006. Во многих трудах Ф.М. Рудинского обосновывается идея формирования новой науки — науки прав человека.

На юридическом факультете МГПУ Ф.М. Рудинский создал научную школу исследователей прав человека. Он сыграл важнейшую роль при формировании на факультете кафедры прав человека, был инициатором научных конференций и круглых столов, посвященных той же проблематике. Именно профессор Рудинский предложил идею проведения на юридическом факультете МГПУ межвузовской конференции, которая объединяет ученых разных направлений и отраслей знания вокруг проблематики прав человека и которая отныне посвящается светлой памяти выдающегося ученого и педагога.

На пленарном заседании с воспоминаниями о личности Ф.М. Рудинского и анализом его творческих достижений выступили декан юридического факультета МГПУ профессор **В.А. Северухин**, Уполномоченный по правам человека РФ в 1998–2004 гг., доктор юридических наук, профессор **О.О. Миронов**, доктор юридических наук профессор Высшей школы экономики профессор **В.Д. Мазаев**, руководитель Центра социологии прав человека Института социально-политических исследований РАН, член Комиссии по правам человека при Мэре Москвы **М.С. Савин**, ученик Ф.М. Рудинского, Сопредседатель Совета Института свободы совести **С.А. Бурьянов**.

В рамках межвузовской конференции состоялись заседания 5 научных секций. Ниже публикуются программа выступлений на секциях и отчет о работе секции «Свобода совести», подготовленный её руководителем **С.А. Бурьяновым**.

Секция № 1. «Права человека и интересы общества: исторические и теоретические аспекты проблемы».

Нудненко Л. А., доктор юридических наук, профессор Российской академии правосудия. **«Конституционное право на благоприятную окружающую среду: содержание и проблемы реализации».**

Ростиславлев Д. А., кандидат исторических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Права человека и интересы общества в курсе ИГПЗС».**

Крикунова А. А., старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. **«Конституционно-правовое регулирование права на достаточный уровень жизни».**

Куракина Ю. В., соискатель, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет **«Культурные особенности закрепления прав граждан в конституционных актах некоторых стран Азиатского региона».**

Дергачева И. П., аспирантка. Московский городской педагогический университет. **«Отраслевые подходы к пониманию проблем конкуренции правовых норм».**

Секция № 2. «Современная модель государственного устройства: конституционно-правовые и административно-правовые проблемы».

Топоркова М. К., кандидат юридических наук. Московский городской педагогический университет. **«Тенденции административной реформы в России на современном этапе».**

Царев А. Ю., кандидат юридических наук. Московский городской педагогический университет. **«Статус Президента в современных моделях государственного устройства».**

Тарсамаева Н. Ю., старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. **«Реформа бюджетного законодательства в Российской Федерации».**

Порфирьев А. И., кандидат юридических наук, старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. **«Совершенствование порядка формирования Верхней палаты российского парламента».**

Калязин В. И., кандидат военных наук, доцент социально-правового факультета Института психологии и социальных отношений МГПУ **«Проблемы федеративного устройства».**

Аванесян Н.Э., соискатель. Московский городской педагогический университет. **«Права человека на гражданство, сравнительный анализ законодательства стран СНГ».**

Секция № 3. «Свобода совести».

Арутюнов М. Г., президент Международной правозащитной ассамблеи. **«О необходимости совершенствования правовых гарантий свободы совести для неверующих».**

Бурьянов С. А., старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. Сопредседатель Совета Института свободы совести. **«Перспектива свободы совести и свободы вероисповедания как права человека и института российского конституционного права».**

Лецинский А. Н., кандидат философских наук, доцент кафедры философии Московского государственного социального университета, советник Российской Федерации 2-го класса. **«Свобода совести и независимые церкви (альтернативное православие)».**

Луховицкий В. В., НПЦ «Гуманист». **«Свобода совести в государственной и муниципальной школе».**

Мозговой С. А., кандидат исторических наук, доцент исторического факультета МГПУ, сопредседатель Совета Института свободы совести. **«Свобода совести и Католическая церковь».**

Рябинина Е. З., эксперт Комитета «Гражданское содействие», Правозащитный центр «Мемориал». **«Свобода совести в субъектах Российской Федерации с преимущественной долей населения исламского вероисповедания».**

Савва С. С., аспирант кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин юридического факультета МГПУ. **«Теоретические проблемы исследования светского государства».**

Секция № 4. «Проблематика регулирования и защиты социально-экономических прав граждан».

Рязанов Е. Е., кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Договорные правоотношения как инструмент реализации экономических прав и свобод человека».**

Ефимова О. В., кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Права залогодателя и залогодержателя при реализации заложенного имущества».**

Ленковская Р. Р., кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Исполнение судебного постановления по отдельным требованиям, не связанным с передачей денежных средств и имущества».**

Конева Е. М., старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. **«Закрепление экономических прав человека в 4 части Гражданского кодекса РФ».**

Гетьман-Павлова И. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права ГУ ВШЭ. **«Теория статутов — основа современного международного частного права».**

Секция № 5. «Реализация уголовной политики Российской Федерации и защита прав и свобод граждан».

Фёклин С. И., старший преподаватель. Московский городской педагогический университет. **«Уголовно-правовая политика РФ в сфере легального оборота наркотиков».**

Косевич Н. Р., кандидат юридических наук, доцент. Московский городской педагогический университет. **«Становление и развитие уголовной политики в дореволюционной России».**

Ростокинский А. В., кандидат юридических наук. Московский городской педагогический университет. **«Обзор выступлений на расширенной коллегии МВД РФ 2009 года в аспекте реализации прав и свобод человека».**

Китаев В. В., аспирант. Московский городской педагогический университет. **«Правовые аспекты объективной стороны незаконного оборота немаркированной алкогольной продукции».**

Зейнуров Д. З., аспирант. Московский городской педагогический университет. **«Налоговые преступления в банковской сфере».**

Кошелев В. Н., аспирант. Московский городской педагогический университет. **«Объединение, посягающее на личность и права граждан, экстремистское сообщество как виды организованной преступной деятельности».**

**О РАБОТЕ СЕКЦИИ «СВОБОДА СОВЕСТИ» В РАМКАХ НАУЧНОЙ МЕЖВУЗОВСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ «ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА:
ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА»**

В заседании секции приняли участие преподаватели, аспиранты, студенты юридического и исторического факультетов МГПУ, ведущие эксперты ряда правозащитных организаций.

Старший преподаватель юридического факультета МГПУ, сопредседатель Совета Института свободы совести С.А. Бурьянов представил доклад «Перспектива свободы совести и свободы вероисповедания как права человека и института российского конституционного права» и рассказал о научном вкладе Ф.М. Рудинского в разработку проблематики свободы совести. Докладчиком было отмечено, что в теоретико-правовом смысле подходы к проблеме реализации свободы совести включают два взаимосвязанных значения: как субъективного права, так и объективного права, т.е. правового института. Свобода совести как субъективное право подразумевает возможность личности иметь убеждения и действовать в соответствии с ними при условии непротивоправности поведения. В юридическом смысле свобода совести рассматривается как правовой институт, т.е. как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения, которые возникают в процессе осуществления этой свободы. Правовой институт свободы совести должен гарантировать свободу личности. Однако анализ российских реалий не позволяет говорить об адекватном уровне реализации свободы совести.

Для решения поставленных проблем С.А. Бурьяновым была предложена инновационная правовая концепция реализации свободы совести, состоящая из следующих основных блоков:

- 1) разработка современной теоретико-правовой модели на основе новой парадигмы, устраняющей противоречия основополагающих принципов и понятийного аппарата;
- 2) реформирование правового института свободы совести на основе современной теоретико-правовой модели;
- 3) совершенствование системы гарантий реализации свободы совести на основе принципа мировоззренческого нейтралитета государства.

Аспирант кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин юридического факультета МГПУ С.С. Савва выступил с докладом «Теоретические проблемы исследования светского государства».

По мнению исследователя, конституционный принцип светскости государства выступает в качестве основной гарантии реализации свободы совести. Соответственно, под светскостью государства следует понимать его нейтралитет в мировоззренческой сфере. В частности, заслуживают внимания выработанные С.С. Саввой неотъемлемые признаки светского государства:

- 1) Полное отделение религиозных объединений от государства.

2) Никакая религия (в том числе религиозное объединение), идеология (в том числе общественная структура, распространяющая конкретную идеологию) либо иное мировоззрение не может признаваться в качестве государственной, официальной или обязательной.

3) Религиозные объединения равны перед законом. Религиозные объединения обладают равным набором прав и обязанностей. Отношения государства и религиозных объединений носят общий характер, то есть, идентичны отношениям с иными общественными объединениями.

4) Светское государство проводит действительную политику в сфере свободы совести на федеральном и региональном уровнях, создавая условия для свободного мировоззренческого выбора каждым. Вероисповедная (религиозная) политика в светском государстве недопустима. Создание и функционирование специальных государственных органов по вопросам религии и государственно-конфессиональных отношений неприемлемо.

Доцент исторического факультета МГПУ, сопредседатель Совета Института свободы совести С.А. Мозговой в докладе «Свобода совести и Католическая церковь» подчеркнул, что свобода совести является политической, правовой, нравственной и религиозоведческой категорией. Свобода совести обеспечивает свободу религиозного, политического, иного мировоззренческого выбора, а потому является первой и основной свободой демократического общества. Отношение Католической церкви к проблемам свободы совести в ходе исторического процесса постепенно менялось. В 1832 г. (за 133 года до «Декларации о религиозной свободе» Второго Ватиканского Собора), в своей энциклике «*Mirari vos*» папа Григорий XVI обличал свободу совести как «вздор» («*deliramentum*»). В то время терпимость по отношению к другим религиям вызывала негодование, поскольку ее корни видели в религиозном индифферентизме. II Ватиканский Собор обязал католическую церковь уважать религиозную свободу. На нем было заявлено: «Для развития международных отношений между людьми разных культур и религий и для установления и укрепления мирных отношений и согласия в человеческом содружестве необходимо, чтобы во всем мире религиозная свобода была обеспечена эффективными законодательными мерами и чтобы соблюдался высший долг и право человека свободно вести религиозную жизнь в обществе». С.А. Мозговой отметил, что терпимость не была характерной чертой религии вплоть до новейшей эпохи, христианские конфессии не придерживались принципа терпимости, так как стремились любой ценой, включая принуждение и насилие, сохранить свое влияние на «канонических» территориях.

К. ф. н., доцент кафедры философии Московского государственного социального университета, советник Российской Федерации 2-го класса А.Н. Лещинский представил доклад на тему «Свобода совести и независимые структуры (альтернативное православие)». По мнению эксперта, в конце

XX в. в России и в образовавшихся странах СНГ и Балтии происходят большие изменения в религиозной ситуации. Связано это, прежде всего, с тем, что государства не только стали декларировать в законодательстве право на свободу вероисповедания, но и гарантировать их. Появляются новые религиозные структуры, которые выходят из подчинения Поместных автокефальных церквей. Первоначально их называли «параллельными», затем — «свободными, независимыми». В настоящее время их объединяют понятием «альтернативное православие».

В резюмирующей части доклада А.Н. Лещинский затронул прогностический аспект существования и развития альтернативных церквей, высказав мнение о необходимости соблюдения государством конституционных принципов в сфере свободы совести.

Президент Международной правозащитной ассамблеи, М.Г. Арутюнов выступил с докладом «О необходимости совершенствования правовых гарантий свободы совести для неверующих». По мнению М.Г. Арутюнова настала пора существенной доработки действующего или разработки нового законодательства в сфере свободы совести. В частности, следует сформулировать некоторые ограничения на распространение религиозных вероучений, например, в общеобразовательных школах, других светских учебных заведениях, в вооруженных силах и правоохранительных органах и т.п., на ограничение возвращения некоторых культурных ценностей, не религиозного характера, а также земель. В законе следует учесть права не только верующих и их объединений, но и права атеистов, вытекающие из действующей Конституции Российской Федерации.

Руководитель научно-методического центра «Гуманист» В.В. Луховицкий выступил с докладом на тему «Свобода совести в государственной и муниципальной школе. На основе анализа почти десятилетнего опыта, он отметил несколько направлений, по которым идет наступление на свободу совести в государственной школе. Во-первых, небезуспешные попытки ввести в образовательные программы, под видом культурологических или религиоведческих, религиозные курсы. Во-вторых, переработка учебников по гуманитарным дисциплинам, чтобы детям стала ясна «особая роль» РПЦ в истории и культуре России. В-третьих, в рамках внеклассной воспитательной работы — прямая религиозная пропаганда, принуждение к совершению религиозных обрядов.

Завершая выступление, В.В. Луховицкий рассказал о положительном опыте защиты свободы совести со стороны родителей, правозащитного общества и части учителей. Защита идет с использованием как юридических средств (обращения в прокуратуру, судебные иски), так и общественных акций и кампаний (сбор подписей по письмам в защиту свободы совести, пикетирование органов управления образованием, статьи в печатных и электронных СМИ).

Завершилось заседание секции выступлением, вызвавшим самый сильный резонанс и острую дискуссию. Независимый эксперт, много лет проработавшая в проектах правозащитного центра «Мемориал», Е.З. Рябинина выступила с докладом на тему «Свобода совести в субъектах Российской Федерации с преимущественной долей населения исламского вероисповедания». По мнению Е.З. Рябиной право российских мусульман на свободу совести оказалось заложником геополитики, что становится понятным из соглашений, заключенных в рамках ОДКБ и ШОС. В качестве примера она привела положения из Концепции сотрудничества государств — членов ШОС в борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (ч. II, п. 3, п. п. 5): «обоюдное признание деяния терроризма, сепаратизма и экстремизма не независимо от того, включает ли законодательство государств-членов ШОС соответствующее деяние в ту же категорию преступлений или описывает его с помощью таких же терминов» (http://www.ecrats.com/ru/docs/read/conception_shos_members).

В течение более чем 5 лет в России под видом «борьбы с терроризмом» развивается репрессивная кампания против лиц, религиозные воззрения которых оказались под запретом, но при этом не совершивших и не планировавших каких-либо насильственных действий и не оказывавших в каком-либо ином виде поддержки или содействия терроризму. По данным (разумеется, не исчерпывающим) нашего мониторинга, на сегодняшний день по десяткам уголовных дел осуждено более 120 человек, подавляющее большинство из которых (примерно $\frac{3}{4}$) — к реальному лишению свободы, в том числе на сроки более 10 лет. Если же учесть, что и сами они, и их близкие в процессе этой кампании сталкиваются с невозможностью защитить себя правовыми методами и небезосновательно рассматривают эти преследования как следствие своих вероубеждений, то нет ничего удивительного, что такая «борьба с терроризмом» уже привела к возникновению двух явлений:

с одной стороны — к расслоению внутри мусульманского сообщества, так как те, кого репрессии пока не затронули, часто готовы любыми средствами (в том числе, неприемлемыми с этической точки зрения — доноительство и т.д.), доказывать свою лояльность;

с другой — наблюдается рост интереса, и в первую очередь среди мусульманской молодежи, к идеям, являющимся объектом преследований, чему способствует восприятие репрессированных как «мучеников за веру» — т.е., фактически, принудительная радикализация наиболее активной части мусульманского населения.

Е.З. Рябинина высказала мнение о некомпетентности и опасности для общества и государства вышеупомянутой антиконституционной политики. Эксперта поддержали С.А. Бурьянов и С.А. Мозговой, которые заявили, что решение вопросов сохранения гражданского мира и обеспечения безопасности Российской Федерации невозможно без соблюдения конституционных принципов свободы совести и светскости государства.

Е.М. Павленко

Рудинский Ф. М. Наука прав человека и проблемы конституционного права / Ф.М. Рудинский. – М.: ЗАО ТФ «МИР», 2006. – 1234 с.

Книга выдающегося отечественного ученого в области конституционного права и теории прав человека, доктора юридических наук, профессора, заслуженного юриста РСФСР Феликса Михайловича Рудинского представляет собой собрание научных и публицистических работ, написанных автором в течение длительного периода его жизни — более 40 лет, и охватывает целую эпоху — от хрущевской «оттепели» до наших дней. Автор был современником значительных исторических событий, происходивших в нашей стране: процессов конституционного строительства, начиная с 70-х годов, когда разрабатывалась новая Конституция СССР, демократизации общественной жизни, обострения национальных противоречий, распада СССР, знаменитого процесса по делу КПСС и других, поэтому многие его работы несут отпечаток своего времени, отражают попытку объективной оценки действительности, его надежды и стремления. По словам самого Ф.М. Рудинского, «данную книгу можно было бы назвать историей побед и поражений, обретений истинных знаний и заблуждений» (с. 11).

Настоящая книга носит автобиографический характер, так как позволяет проследить научный и творческий путь автора, события, которые в значительной степени повлияли на его судьбу, определили мировоззренческую позицию и направление его дальнейших теоретических исследований. По мнению Ф.М. Рудинского, «не исследователь искал тему, а тема сама шла ему навстречу, привлекала к себе внимание» (с. 15), особенно это связано со статьями, написанными в период конституционной реформы и перестройки с 1987 по 1991 гг. и постсоветский период.

На страницах работ автором поднимаются вопросы, представляющие собой злободневные и острые политические темы, требующие от любого уче-

ного объективности и принципиальности. Предметом научных исследований Ф.М. Рудинского в течение многих лет были: свобода совести и гражданские права человека; проблемы Карабаха и автономии немцев Поволжья; бюрократизм, ведомственность и местничество; права человека в условиях глобализма; проблема введения в государстве единоличной президентуры; сущность Конституции РФ и пороки российской избирательной системы; юридическая оценка расстрела Романовых в 1918 году; нарушения прав личности в СССР в 30–50-е годы; причины поражения КПСС в конце XX века (с. 13). Условия засекреченности некоторых вопросов в СССР, над которыми работал ученый, в целом создавали препятствия развитию научной мысли. Так, например, исследование одной из центральных тем — проблемы свободы совести, волновавшей Ф.М. Рудинского, было связано с доступом к правовому материалу, не подлежащему разглашению, что значительно осложняло работу. Однако в 1963 году автор защитил кандидатскую диссертацию на тему «Институт свободы совести по советскому государственному праву» и позднее выпустил ряд работ по данной проблеме.

Материалы, вошедшие в книгу, структурированы не в порядке хронологии, а отражают теоретико-методологические проблемы науки конституционного права, теории права и прав человека, объединяют взгляд ученого на общественно-политические процессы разных временных этапов. Содержание книги состоит из 9 фундаментальных глав:

I. Современные общетеоретические проблемы науки прав человека. Права человека как учебный курс.

II. Современные проблемы гражданских прав человека.

III. Советская конституция, права личности и государственная власть.

IV. Проблемы свободы совести.

V. Методологические проблемы советского государственного права.

VI. Институты политической системы и предварительное следствие в СССР.

VII. Ответственность в конституционном праве.

VIII. Перестройка: конституция и политическая система.

IX. Постсоветская Россия: власть, общество и конституция.

Каждая глава представлена докладами, выступлениями на конференциях, отрывками из книг, статьями, многие из которых автором не были опубликованы ранее. В общей сложности в настоящий сборник вошли 137 работ ученого. Среди них есть и такие материалы, которые впервые публикуются в открытом виде, так, например, работа Ф.М. Рудинского «Закон, религия, правонарушения», вышедшая в Волгограде в 1971 году под грифом «для служебного пользования» полностью включена автором в настоящую книгу.

Большинство работ посвящены общетеоретическим и методологическим вопросам: учению о конституционно-правовых нормах и отношениях, юридическим свойствам конституции, конституционному правосудию, институту ответственности в конституционном праве и т.п. Так, например, являясь

сторонником учреждения в РФ института конституционного правосудия и собрав значительный материал по данному вопросу, Ф.М. Рудинский выступает с объективной критикой Конституционного Суда РФ, отмечая на страницах статей реакционные тенденции в деятельности данного государственного органа власти (с. 1229).

Однако, по словам самого автора, он «как правило, интересовался не только юридическими категориями, самими по себе (субъективными правами, правами человека, институтами конституционного права, их определением, внутренней структурой и т.д.), а человеком в контексте общественных противоречий» (с. 12). То есть теми проблемами, которые трагическим образом сказываются на человеческих судьбах, ролью прав человека, институтов конституционного права в защите интересов общества и каждого человека. Права человека в условиях современной глобализации — одна из тем, волновавших его в последние годы жизни, она отражена в ряде статей, вошедших в сборник.

Не случайно значительная часть книги посвящена методологическим проблемам науки прав человека и гражданским правам и свободам. Как полагает автор, новая общественная этико-философская и политико-правовая наука прав человека, не подменяя ведущиеся в рамках традиционных наук разработки проблемы человекознания, интегрирует полученные ими знания и сумеет более адекватно отразить и сформулировать наиболее общие закономерности возникновения и развития человека и его прав (с. 13). Данная проблематика тесным образом связана с научно-преподавательской деятельностью Ф.М. Рудинского, в 1989 году он возглавил одну из первых в СССР кафедр прав человека в Высшей следственной школе МВД СССР, а позднее в 1994–1997 гг. заведовал аналогичной кафедрой в Волгоградской академии государственной службы, был одним из инициаторов создания кафедры прав человека на юридическом факультете МГПУ. Областью особого интереса ученого являлись права человека в деятельности правоохранительных органов. Феликс Михайлович внес огромный вклад в развитие образования в области прав человека в России, под его руководством осуществлялась работа секции Экспертного Совета при Уполномоченном по правам человека в РФ, сформировалось сообщество преподавателей прав человека, целая научная школа в данной сфере. Эти события и направления его преподавательской и общественной деятельности повлекли за собой серию статей, посвященных проблемам становления и развития науки прав человека, методическим аспектам преподавания и месту в системе вузовского образования учебного курса «Права человека».

Помимо научных трудов, в сборник вошли работы публицистического характера, не только отразившие динамику правосознания в нашей стране за несколько десятилетий, но и проясняющие многие аспекты распада СССР и коренного изменения общественного уклада в годы перестройки. Так, например, автор включил в сборник фрагмент книги «Дело КПСС в Конституционном Суде», вышедшей в Москве в 1999 году. Участие Ф.М. Рудинского в 1992 году в качестве защитника КПСС на процессе в Конституционном Суде

было актом гражданского и личного мужества. Защищая КПСС ученый прежде всего отстаивал право каждого человека на честность.

До конца жизни Ф.М. Рудинский оставался сторонником универсальной концепции прав человека, при этом оценивал проблемы формирования современной концепции прав человека с позиций философии марксизма. Ярким примером данной точки зрения автора является его статья «Марксизм и проблемы прав человека в глобализирующем мире» 2004 года. Приверженность ученого марксизму в ситуации, когда, перефразируя Ницше, быть марксистом стало неприличным, свидетельствует о его высоких моральных качествах, твердой научной и жизненной позиции. Феликс Михайлович дожил до того времени, когда в научной среде в России начался пересмотр взглядов на марксизм, появляется все больше академической литературы по современным марксистским течениям разных стран.

Книга Ф.М. Рудинского адресована научным работникам и преподавателям юридических вузов, аспирантам и студентам, представителям неправительственных организаций и государственных структур, и всем лицам, интересующимся проблемами науки прав человека и конституционного права.

АННОТАЦИИ И КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ / HUMAN RIGHTS: THEORY AND PRACTICE OF REALISATION

Е.М. Павленко

Содержание и особенности реализации права человека знать свои права в РФ

Знание своих прав является важным субъективным правом. Оно служит гарантией других прав и свобод человека и гражданина. В статье формулируется авторское определение права знать свои права, анализируются особенности его реализации в современном российском обществе.

Ключевые слова: право знать свои права; субъективные права; культура прав человека; право-пользование; право-притязание.

E.M. Pavlenko

Content and Peculiarities of Realization of a Person's Right to Know Their Own Rights

The content, core and peculiarities of structural elements of a human right are clarified in the article. The necessity to know one's own rights is one of the most important subjective rights as well as a guarantee of other rights and freedoms of a person and a citizen. In the article the author's definition of this category is formulated and peculiarities of this right realization in modern Russian society are analyzed.

Key-words: the right to know one's own rights; legal rights; human rights culture; accommodation right; assertion of right.

Д.А. Ростиславлев

Права человека и интересы общества в курсе «История государства и права зарубежных стран»

При изучении курса «История государства и права зарубежных стран» анализируется проблематика прав человека в контексте интересов общества. Анализ правовых систем Англии, США и Франции свидетельствует о различном соотношении

в них компонентов национально-исторических и естественных прав. Важные изменения в концепции прав человека происходили в связи с формированием индустриального общества

Ключевые слова: права человека; социальные права; историческое право; свободы; равенство.

D.A. Rostislavlev

While studying «History of State and Law of Foreign Countries» the problematics of human rights in the context of social interests is analyzed. The analysis of law systems of England, the USA and France shows the correlation between national-historical and natural laws in them. Very important changes in the human rights conception has been due to industrial society development.

Key-words: human rights; social rights; historical right; freedoms; equality.

Р.Р. Ленковская

Особенности исполнения судебных постановлений по делам о защите чести, достоинства и деловой репутации

В Российской Федерации не отлажен механизм защиты чести, достоинства и деловой репутации физических и юридических лиц. Это проявляется как при вынесении судебных решений по данным вопросам, так и при их исполнении. С момента публикации порочащих сведений до их опровержения проходит определенный срок, в течение которого пострадавшая сторона терпит определенные неудобства и убытки (ущерб). Но даже с вынесением судебного решения в пользу опороченной стороны, другая сторона не спешит исполнять его.

Ключевые слова: исполнительное производство; исполнение судебных постановлений; защита чести; достоинства и деловой репутации; исполнительные документы; средства массовой информации.

R.R. Lenkovskaya

In the Russian Federation the mechanism of persons and entities honour, dignity and business reputation protection is not adjusted. This becomes obvious both at adjudgements on such points and at their execution. From the moment of discrediting data publication to their rebutment quite a long period of time passes during which the aggrieved party suffers definite inconveniences and losses (damage). Moreover, even after the adjudgement in favour of the aggrieved party is pronounced, the opponent party takes time to execute it.

Key-words: Executive manufacture; Execution of judicial decisions; Protection abuse; advantages and business reputation; Executive documents; mass media.

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ /
STATE AND LAW: THEORETICAL AND HISTORICAL ASPECTS

А.В. Львов

**«Семь мудрецов»:
у истоков древнегреческого гражданского идеала**

В статье сделана попытка реконструкции воззрений древнегреческих «семи мудрецов» на гражданский идеал и составляющие его черты, среди которых в качестве основного критерия выделяется умеренность. В связи с умеренностью также рассматриваются такие черты как рассудительность, наличие знаний, самосовершенствование, законопослушание, опытность, гражданская активность, отношение к материальным благам и др.

Ключевые слова: «семь мудрецов»; Солон; Фалес; гражданский идеал; умеренность.

A.V. Lvov

**«Seven Sages»:
at the Origins of Ancient Greek Civil Ideal**

In the article the author tries to reconstruct Seven Sages' views on civil ideal and its constituent features, among which temperance is pointed out as the main criterion. Alongside temperance such features as common sense, knowledge possession, self-improvement, orderliness, experience, civic engagement, attitude to material values, etc. are also considered.

Key-words: Seven Sages; Solon; Fales; civil ideal; temperance.

М.В. Яровая

**Особенности романской судебной системы
(на примере Франции)**

Статья посвящена анализу судоустройства судебной системы Франции, а также общим особенностям романского типа судебной системы. К таковым можно отнести: дуализм системы, административный тип организации административной юстиции, особую структуру и организацию судов общей юрисдикции, наличие внесудебных органов, ювенальной юстиции, особые органы судебной власти.

Ключевые слова: романская судебная система; судоустройство Франции; дуализм судебной системы; внесудебные органы; особые органы судебной власти; административные суды.

M.V. Yarovaya

**Peculiarities of Romance Legal Systema
(Exemplified by France)**

The article is devoted to the analysis of French court structure as well as to examining common features of Romance-type legal systems such as: system dualism, administrative type of administrative justice organization, specific structure and organization of common law courts, existence of out-of-court organs, juvenile justice, specific bodies of judicial power.

Key-words: Romance legal system; court organization in France; court system dualism; out-of-court organs; specific bodies of judicial power; administrative courts.

И.Н. Мележик

**Федерализм и федерация:
историко-теоретический аспект**

Рассматривается соотношение понятий федерация и федерализм, делается вывод о том, что понятие федерализм более объемное, и является идеологической основой государственного устройства, которое на практике находит свое воплощение в федеральных устройствах различных государств.

Ключевые слова: форма государственного устройства; федерация; федерализм; субъекты федерации.

I.N. Malezhik

**Federalism and Federation:
Historico-Theoretical Aspect**

In the article the correlation of the notions «federation» and «federalism» is considered. The author concludes that the notion «federalism» is wider and is the ideological basis of the state structure, which in practice is incorporated into federal structures of different states.

Key-words: state structure; federation; federalism; subjects of federation.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / PUBLIC LAW

В.И. Калязин

Проблемы российского федерализма

В статье анализируются принципы и особенности построения российского федерализма на современном этапе. Делаются выводы о перспективах развития террито-

риального устройства России и взаимодействия федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Российской Федерации.

Ключевые слова: федеративное устройство; российский федерализм; субъекты федерации; Конституционный суд Российской Федерации; единство системы государственной власти.

V.I. Kalyazin

Problems of Russian Federalism

In the article the principles and peculiarities of Russian contemporary federalism structure are analyzed, conclusions concerning the prospects of Russian territorial division development as well as the interaction between federal state authorities and state authorities of the subjects of the Russian Federation are drawn.

Key-words: federal form; Russian federalism; subjects of federation; Constitutional Court of the Russian Federation; state power system unity.

Г.В. Матвиенко

К вопросу о подведомственности рассмотрения дел о нарушениях таможенных правил

Вопросы подведомственности рассмотрения дел об административных правонарушениях в таможенной сфере можно отнести к разряду самых сложных. Казалось бы, законодатель четко разграничил сферы влияния, однако отсутствие единого подхода в толковании, и как следствие, — в применении норм Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях судами и органами прокуратуры, приводят на практике к серьезным проблемам, вызывающим «сбои» и в работе таможенных органов.

Ключевые слова: подведомственность дел о нарушениях таможенных правил; полномочия судов; определение подведомственности и подсудности; уровни подведомственности; территориальная подведомственность.

G.V. Matvienko

To the Question of Jurisdiction of Dealing with Cases of the Customs Regulations Violations

Questions of jurisdiction of disposal of legal proceeding on administrative offences in customs sphere can be carried to the category of the most difficult. It would seem, the legislator has accurately differentiated influence spheres, however absence of the uniform approach in interpretation, and as consequence, — in application of norms of the Code of the Russian Federation about administrative offences courts and bodies of Office of Public Prosecutor, lead in practice to the serious problems causing “failures” and in work of customs bodies.

Key-words: Jurisdiction of affairs about infringements of customs rules; powers of courts; jurisdiction and jurisdiction definition; jurisdiction levels; territorial jurisdiction.

Н.Р. Косевич

**Становление и развитие уголовной политики
в дореволюционной России**

В статье рассматриваются этапы зарождения уголовной политики как науки в России в XIX–XX вв., а также основные положения произведений авторов, внесших наибольший вклад в развитие уголовной политики указанного периода.

Ключевые слова: уголовная политика; дореволюционная Россия; основные положения и произведения.

N.R. Kosevich

**Formation and Development of Criminal Policy
in Prerevolutionary Russia**

The author of the article examines stages of the origin of criminal policy as science in Russia in XIX–XX vv., as well as the main provisions of works of the authors who have made the greatest contribution to the development of criminal policy within the said period.

Key-words: criminal policy; prerevolutionary Russia; the main positions and product.

А.В. Ростокинский

**О признаках социальной группы и проблемах
установления мотивов вражды и ненависти**

В представленной статье проводится анализ проблем, возникающих при квалификации преступлений экстремистской направленности и отграничения их от смежных преступлений, связанных с такими понятиями, как мотив, цель, социальная группа. Правильное толкование и применение этих понятий имеет большое практическое значение.

Ключевые слова: социальная группа; возбуждение вражды и ненависти; социальная вражда; экстремизм; цель; мотив.

A.V. Rostokinskiy

**About the Signs of a Social Group and Problems
of Enmity and Hatred Motives Defining**

In presented article the analysis of problems of crimes of an extremist orientation arising at qualification and restrictions them from the adjacent crimes connected with such concepts as motive, the purpose, social group is carried out. Correct interpretation and application of these concepts has the big practical value.

Key-words: social group; enmity and hatred excitation; social enmity; extremism; the purpose; motive.

С.И. Фёклин

**Уголовно-правовая политика России
в сфере легального оборота подконтрольных предметов**

Объектом исследования является сфера легального оборота запрещенных в свободном обороте предметов, целью — разъяснение норм уголовного законодательства, метода исследования. Сравнительно-правовой анализ, авторские разработки могут использоваться в учебном процессе по правовым дисциплинам и в правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: оборот; наркотическое средство; психотропное средство; прекурсоры; инструменты и оборудование; утрата.

S.I. Feklin

**Criminal-Legal Policy of Russia in the Sphere
of Legal Turnover of Objects under Control**

The object of such research is the sphere of a legal turnover of the subjects forbidden in a free turnover. The purpose of such research is the interpretation of criminal law rules. The primary method of inquiry is comparative legal analysis. Author's workings out can be used in educational process on legal disciplines and in the law enforcement procedures.

Key-words: turnover; drag; psychotropic remedy; precursors; tools and the equipment; loss.

ЧАСТНОЕ ПРАВО / PRIVATE LAW

И.В. Гетьман-Павлова

**Наука международного частного права:
Бартоломео Салицет и Александр Тартаньи**

Статья посвящена творчеству младших представителей школы бартолистов. Они развивали международное право в виде теории статутов на основе анализа римских источников. Создали теорию автономии воли в международном частном праве. Продолжили изучение и систематизацию конфликтного права. Обнаружили глубокое понимание основной задачи международного частного права — повсеместной охраны субъективных прав.

Ключевые слова: постглоссаторы; комментаторы; теория статутов; бартолисты; конфликтное право.

I.V. Get'man-Pavlova

The Science of International Private Law: Bartolomeo Salicet and Alessandro Tartagni

The article is about the creative work of Bartolists school junior representatives, who developed international law as a statutes theory based on the analysis of Rome sources.

They created the autonomy of will theory in international private law and continued studying and systematizing disputes law. They came to deep understanding of the main target of international private law — universal subjective rights protection.

Key-words: post-glossators; commentator; statutes theory; Bartolists; disputes law.

**О.В. Ефимова,
И.Л. Цилюрик**

Права физических лиц в процессе создания садоводческих некоммерческих организаций: правовые пробелы и практика применения

На сегодняшний день в Российской Федерации нет четкого правового определения субъектного состава, имеющего права на получение дачного, садового, огороднического земельного участка, определения порядка и условий изменения вида разрешенного использования, указания субъекта, обладающего правом обращения с заявлением об изменении вида разрешенного использования.

Ключевые слова: земельный участок; некоммерческое объединение; садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан; разрешенный вид использования.

**O.V. Efimova,
I.L. Cilyurik**

The Rights of Individuals while Forming Horticultural Non-Commercial Organizations: Gaps in Law and Application Practice

Nowadays in the Russian Federation there is no strict legal definition of subject composition of those having the right to obtain dacha, garden, kitchen-garden plots of land. Besides, there is neither fixed order or conditions of changing the type of authorized land use nor defined subject having the right to file a motion on altering the type of authorized use.

Key-words: land plot; non-commercial organizations; horticultural, kitchen-garden and dacha non-commercial associations of citizens; authorized type of land use.

Е.Е. Рязанов

Договор как правовой инструмент реализации прав граждан

В статье поднимается (рассматривается) проблематика перспектив научного осмысления такого частноправового феномена, как договор с использованием инструментария общей теории права, обосновывается научно-практическая значимость и необходимость создания общей теории договора.

Ключевые слова: гражданское право; обязательства; договор.

E.E. Ryazanov

Contract as Legal Means of Citizens' Rights Realization

In the article the problematics of the prospects of scientific understanding of both the private law phenomenon and contract with the use of common law theory tooling is raised. The author also proves the scientific-practical importance and necessity of creating common law theory of contract.

Key-words: civil law; liabilities; contract.

Трибуна молодых ученых / YOUNG SCIENTISTS' PLATFORM

Н.Н. Андреева

Понятие инородцев и их классификация в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской империи XIX века

Статья посвящена изучению понятия инородцев и их классификации в дореволюционной юридической литературе и законодательстве Российской империи XIX века.

Ключевые слова: население Российской империи; инородцы; правовой статус инородцев; понятие инородцы; классификация инородцев.

N.N. Andreyanova

The Notion «Minorities» and Their Classification in Prerevolutionary Law Literature and in the Legislation of the Russian Empire in XIX Century

The article is devoted to the study of the notion «minorities» and their classification in pre-revolution legal literature and the legislation of the Russian Empire of the XIX century.

Key-words: the population of Russian Empire; minorities; legal status of minorities; the notion «minorities»; the classification of minorities.

С.А. Афанасьева

Становление и развитие института политических прав и свобод в России

В статье рассматривается процесс формирования политических прав и свобод человека и гражданина в России на протяжении XVIII–XX вв. Особое внимание уделено сравнительному анализу развития демократических институтов политических прав и свобод в 90-е гг. XX и в первое десятилетие XXI в.

Ключевые слова: политические права и свободы; советские конституции; конституционная реформа; демократическое государство; вертикаль власти.

S.A. Afanasyeva

Emergence and Development of Political Rights and Freedoms Institution in Russia

In this article questions of individuals' and citizens' political rights and freedoms development in Russia are examined. The author lays particular emphasis on individuals' and citizens' political rights and freedoms development during the periods when B.N. Eltsin and V.V. Putin were in power.

Key-words: political rights and freedoms; pre-revolution period; Soviet constitutions; constitutional reform.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / SCIENTIFIC LIFE

**С.А. Бурьянов,
Д.А. Ростиславлев**

Материалы международной конференции «Право и права человека: теоретические аспекты и юридическая практика»

Конференция посвящена памяти выдающегося ученого и педагога профессора доктора юридических наук Ф. М. Рудинского, который сыграл важную роль в распространении в российском обществе знаний о правах человека. Аналитический обзор посвящен работе секции «Свобода совести».

Ключевые слова: права человека; свобода совести; светское государство; альтернативное православие; религиоведение.

**S.A. Buryanov,
D.A. Rostislavlev**

Matters of the Conference «Law and Human Rights: Theoretical Aspects and Legal Practice»

The conference is devoted to the memory of the outstanding scientist and teacher Professor F. M. Rudinskiy, Doctor of Law, who played an important part in spreading the knowledge of human rights in Russian society. The analytical review is on the activity of «Freedom of Conscience» section.

Key-words: human rights; freedom of conscience; secular state; Orthodoxy; religion study.

**АВТОРЫ «ВЕСТНИКА МГПУ»,
СЕРИЯ «ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ»
2009, № 2 (4)**

Андреянова Надежда Николаевна — аспирантка кафедры теории и истории государства и права МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Афанасьева Светлана Анатольевна — аспирантка кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Бурьянов Сергей Анатольевич — старший преподаватель кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Гетьман-Павлова Ирина Викторовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры международного частного права ГУ ВШЭ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Ефимова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Калязин Валентин Иванович — кандидат военных наук, доцент социально-правового факультета Института психологии, социологии и социальных отношений (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Косевич Николай Рудольфович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Ленковская Рената Романовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Львов Алексей Витальевич — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Матвиенко Галина Владимировна — кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права и отраслевых юридических дисциплин МГПУ, профессор кафедры финансового права Российской академии правосудия (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Мележик Ирина Николаевна — кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права МГЮА (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Павленко Евгения Михайловна — кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры прав человека, зам. декана юридического факультета МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Ростиславлев Дмитрий Александрович — кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ, декан юридического факультета МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Ростокинский Александр Владимирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Рязанов Евгений Енкирович — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Феклин Сергей Иванович — старший преподаватель кафедры прав человека (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Цилюрик Илона Леонидовна — адвокат (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Яровая Марина Вячеславовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права МГПУ (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Authors / MCPU Vestnik, № 2 (4) – 2009

Andreyanova Nadezhda Nickolaevna — post graduate student of MCPU State and Law Theory and History chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Afanasyeva Svetlana Anatolyevna — post graduate student of MCPU Constitutional Law and Branch Law Disciplines chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Buryanov Serguey Anatolyevich — senior teacher of MCPU Constitutional Law and Branch Law Disciplines chair, co-chairman of Liberty of Conscience Institute Council (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Get'man-Pavlova Irina Victorovna — associate professor of GU VSE International Private Law chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Efimova Olga Vladimirovna — Candidate of Law, associate professor of MCPU State and Law Theory and History chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Kalyazin Valentin Ivanovich — associate professor of Socio-Law Faculty of Psychology, Sociology and Social Relations Institute, associate professor, Candidate of Military Sciences (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Kosevich Nikolay Rudolfovich — Candidate of Law, associate professor of MCPU Criminal Law Disciplines chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Lenkovskaya Renata Romanovna — Candidate of Law, associate professor of MCPU Civil-Law Disciplines chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Lvov Alexey Vitalyevich — Candidate of Law, associate professor of MCPU State and Law Theory and History chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Matvienko Galina Vladimirovna — Candidate of Law, associate professor of MCPU Constitutional Law chair, professor of Financial Law chair of Russian Federation Academy of Justice (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Malezhik Irina Nickolayevna — Candidate of Law, associate professor of Moscow State Law Academy (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Pavlenko Eugenia Mikhaylovna — Candidate of Law, associate professor of MCPU Human Rights chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Rostislavlev Dmitriy Alexandrovich — Candidate of History, associate professor of MCPU State and Law Theory and History chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Rostokinskiy Alexander Vladimirovich — Candidate of Law, associate professor of MCPU Criminal Law Disciplines chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Ryazanov Eugeniy Enkirovich — Candidate of Law, associate professor of MCPU Civil Law Disciplines chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Feklin Serguey Ivanovich — senior teacher of MCPU Criminal Law Disciplines chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Cilyurik Iona Leonidovna — Lawyer (stepanoval@jur.mgpu.ru).

Yarovaya Marina Vyacheslavovna — Candidate of Law, associate professor of MCPU State and Law Theory and History chair (stepanoval@jur.mgpu.ru).

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция просит вас при подготовке материалов, предназначенных для публикации в «Вестнике МГПУ», руководствоваться требованиями к оформлению научной литературы, рекомендованными Редакционно-издательским советом университета.

1. Шрифт — Times New Roman, 14 кегль, межстрочный интервал — 1,5, поля: верхнее, нижнее и левое — по 20 мм, правое — 10 мм. Объем статьи, включая список литературы, постраничные сноски и иллюстрации, не должен превышать 40 тыс. печатных знаков (1,0 а.л.). При использовании латинского или греческого алфавита обозначения набираются: латинскими буквами – в светлом курсивном начертании; греческими буквами – в светлом прямом. **Рисунки** должны выполняться в графических редакторах. **Графики, схемы, таблицы** нельзя сканировать.

2. Инициалы и фамилия автора набираются полужирным шрифтом в начале статьи слева; заголовок — посередине полужирным шрифтом.

3. В начале статьи после названия помещаются аннотация на русском языке (не более 500 печатных знаков) и ключевые слова (не более 5). Ключевые слова и словосочетания разделяются точкой с запятой.

4. Статья снабжается пристатейным списком литературы, оформленным в соответствии с требованиями ГОСТ 7.1.-2003 «Библиографическая запись» на русском и английском языках.

5. Ссылки на издания из пристатейного списка даются в тексте в квадратных скобках, например: [3: с. 57] или [6: Т. 1, кн. 2, с. 89].

6. Ссылки на Интернет-ресурсы и архивные документы помещаются в тексте в круглых скобках или внизу страницы по образцам, приведенным в ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Библиографическая ссылка».

7. В конце статьи (после списка литературы) указывается автор, название статьи, аннотация и ключевые слова на английском языке.

8. Рукопись подается в редакцию журнала в установленные сроки на электронном и бумажном носителях.

9. К рукописи прилагаются сведения об авторе (ФИО, ученая степень, звание, должность, место работы, электронный адрес для контактов) на русском и английском языках.

10. Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

В случае несоблюдения какого-либо из перечисленных пунктов автор по требованию главного или выпускающего редактора обязан внести необходимые изменения в рукопись в пределах срока, установленного для ее доработки.

Более подробно о требованиях к оформлению рукописи можно посмотреть на сайте www.mgpi.ru в разделе «Документы» издательского отдела Научно-информационного издательского центра.

Вестник МГПУ
Журнал Московского городского педагогического университета
Серия «Юридические науки»
№ 2 (4), 2009

Главный редактор:
кандидат юридических наук, профессор ***В.А. Северухин***

Главный редактор выпуска:
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т.П. Веденеева*

Редактор:
Л.Ю. Ильина

Компьютерная верстка, макет:
О.Г. Арефьева

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:
ПИ № 77-5797 от 20 ноября 2000 г.

Подписано в печать: 23.10.2009 г. Формат 70×108 1/16.
Бумага офсетная.

Объем: 9 усл. печ. л. Тираж 1 000 экз.